

Святитель Филарет (Дроздов): Слово в день обретения мощей святителя Алексия (говорено в Чудовом монастыре 20 мая 1837 г.).

Проповедь

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам

слово Божие, иже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их. (Евр 13: 7)

Настоящий день есть один из тех, в которые Церковь с особенной торжественностью призывает нас к исполнению апостольского завещания, мною теперь прочитанного. По ее установлению мы вспоминаем ныне богомудрого наставника нашего, святителя Алексия, который как во все время святительства своего с благодатной силой глаголал слово Божие в назидание словесного стада Христова, так особенно потрудился в чистом изглаголании слова Божия, когда Славенское преложение святого Евангелия с Греческим подлинником поверил, и от несовершенств старого наречия, и от описок невнимательных переписчиков очистил и исправил. Сей подвиг важен, между прочим, потому, что чрез него святитель, Богом просвещаемый, предварительно обличил неправое мнение людей, явившихся после него, которые даже донныне утверждают, будто в священных и церковных книгах и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода заменить понятным непозволительно и противно Православию. Они говорят: по старым неисправленным книгам спасались и спаслись известные святые; такие книги поправлять, значит, портить. Если бы так рассуждал святой Алексей, то, конечно, не стал бы он ни поверять перевод, ни поправлять рукопись Евангелия, а должен был взять книгу Евангелия, какая в его время находилась в Успенском соборе, и сказать: по сей книге спасался и спасся святитель Петр, нечего здесь поверять и исправлять. Но он поверял и исправлял: и потому, очевидно, не так рассуждал, как новые ревнители не очень старой старины, а точно так же, как и древле и ныне рассуждает православная Церковь, то есть, что спасительная истина Христова и в неисправленных и исправленных священных и церковных книгах одна; но, что для сохранения и распространения сей самой истины, исправная книга лучше неисправной. Как предначинание и оправдание церковного исследования и исправления книг в последовавшие времена, Провидение Божие сохранило нам исследованную и исправленную святителем Алексием книгу святого Евангелия: и она являлась очам нашим в самое сие священнослужение, быв несена диаконом во святой алтарь.

Видите, братья, благодетельность апостольского завещания. Мы вспомнили наставника нашего: и от сего воспоминания тотчас получили полезное для всей Церкви наставление. Но углубимся несколько в завещание святого апостола Павла о благоговейном воспоминании наставников наших.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие. В сих словах есть нечто печальное. Поминают то, чего уже нет. И так, когда апостол завещает помянуть наставников богоглаголивых, то сим самым сказывает, что их нет уже, и едва ли не предсказывает, что подобных им не будет. Ибо как тем, что имеем и видим, легче пользоваться, нежели тем, чего не видим, и что уже миновало, то не очень нужно было бы заботиться о воспоминании прежних наставников, если бы подобные им непрерывно процветали в Церкви. Но апостол заботится о воспоминании наставников прежде бывших: видно, не надеется, чтобы в их преемниках

наставляемые вполне обрели тот же дух и силу, те же подвиги и добродетели, то же слово и тот же пример. Что сие предусмотрение верно, к сожалению, свидетельствует опыт многих веков. Не случается ли слышать и ныне сетования: где ныне святые? Где прозорливцы или чудотворцы? Где наставники, которые бы глаголали слово Божие с такою силою, руководствовали ко спасению с такою верностью, как Петр или Павел, или хотя как некоторые из Духоносцев, бывших после апостолов?

На печальный подлинно вид навело нас апостольское заветное помянуть наставников наших. Но смотрите, как оно же может подать нам и утешение.

Сетуют, что нет ныне святых. Мимоходом замечу, что не должно преувеличивать сего мнения. Многие или немногие, только должны быть и ныне святые; и не может быть, чтобы их совсем не было: ибо без святых мир не был бы достоин хранения Божия, и не мог бы стоять. Семя свято стояние его (Ис 6: 13). Мы можем говорить, что нет ныне в мире святых, подобно как отец Алексия человека Божия сказал бы, что у него в доме нет сына, и нет святого, тогда как сын его жил у него в доме, и был муж святой, но закрыт был, и от отца, и от других образом нищего. Справедливее можно скорбеть, что богопросвещенные наставники и святые ныне слишком редки; что их не видно, что в людях духовных примечается незрелость духа. Что ж? Как утешиться нам в сей скорби? Как восполнить примечаемый недостаток? Возьмите в прошедшем то, чего не находите в настоящем: поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие прежде. Правда, помянуть наставников скончавшихся не то, что пользоваться живущими: но слишком ли велика сия разность, и не стоит ли одно другого? Наставление от наставника живущего близко и удобоприемлемо, когда его видим и слышим; слово и пример его в сем случае для нас так же живы, как и он сам: преимущество немаловажное! Но живя в теле, подобно нам, кто бы он ни был, он еще подвержен искушениям, и не избавлен от возможности преткнуться, и, может быть, еще в своем падении увлечь с собой наставляемых. Напротив того наставник скончавшийся, которого житие и скончание жителства ознаменовано присутствием в нем благодати Божией, которого чистое учение оправдано святой жизнью, и святость жизни подтверждена святой и блаженной кончиной, есть руководитель ко спасению решительно достоверный и непоползновенный, есть притом помощник тем более сильный и неизнемогающий, что, отложив тленность и немощь земной жизни, живет в беспрепятственном причастии света и силы Божией: преимущество высокое и несравненное!

Что касается до близости и удобоприемлемости наставления и помощи духовной: близость в духе не измеряется областями жизни и расстояниями места и времени, но мыслью, желанием и любовью, созерцанием, молитвой и верой. Вера может сблизить вас с наставником благоговейно воспоминаемым, почти так же, как с присутствующим: ибо и с сим душеполезно сближает она же, а не просто видение лица и слышание слова. Вера посредством писания или предания оживит пред вами учение и пример отшедшего к Богу наставника; а посредством молитвы приобретет вам его действительную за вас молитву к Богу, и действительную помощь. Сим образом поминайте наставники ваша: и без сомнения, вы будете удовлетворены в потребностях духа вашего так, что не будет нужды сетовать на несовершенство или скудость наставления современного.

Чудное, братия, устройство Царствия Христова! Наши немощи, наши недостатки угрожают лишить вас потребного вам духовного наставления. Что же творит многомилостивый и благопромыслительный Господь? Дополняя недостаток наставников живущих, Он прежде общего воскресения воскрешает некоторым образом наставников умерших, и, еще прежде полного открытия царствия небесного, на земле в небесном царствии Своем, то есть, в Церкви Своей, особенным образом, творит их, по изъяснению тайновидца Иоанна, Цари и Иереи,

небесного вкупе и земного священноначалия, — Иереи, возносящие за вас действительную молитву непосредственно в пренебесный жертвенник, Цари, имеющие власть чудодейственной помощью благоуправлять вас к миру и спасению. Вы боитесь не найти ни одного духовного наставления близ себя, в свое время. Он дает вам всех духовных наставников, из всех времен всея Вселенския Церкви, и в них делает для вас доступными все духовные познания и опыты, все дарования и силы благодатные.

При сем не без сожаления и не без удивления вспоминаю, что некоторые из христиан не хотят угодивших Богу наставников вспоминать воспоминанием благочестия и веры, и особенно прибегать к их помощи в молитвах. Не нужно, говорят, никакого ходатайства пред Богом, кроме ходатайства Христова, и ходатайством простых человеков было бы оскорблено ходатайство Богочеловека. Сие мудрование подобно тому, как если бы кто вздумал утверждать, что в царстве, ни в самых даже и малых делах, ни к кому не должно прибегать, как только к царю, и не чрез кого иного, как только чрез сына царева; и что прибегающий к посредству подчиненных властей, и рабов царевых, имеющих доступ к его престолу, оскорбляет верховное достоинство царя и высокое предстательство сына его. Не царь ли своей властью действует чрез подчиненные власти? Не к его ли милосердию прибегают чрез посредство верных ему рабов? Не Бог ли и Христос действует и славится чрез святых Своих? Не к Его ли благодати прибегают чрез их посредство смиренные молитвенники, почитающие себя недостойными непосредственно приступать к Богу и Христу? Не совершенно ли согласно с крайнею чистотою Божества и с крайним также Его снисхождением и милосердием то, что наши молитвы несовершенные и неочищенные, вспомошествоющею молитвою святых очищаются и делаются способными к приятию на пренебесный мысленный жертвенник.

Но возвратимся еще раз к завещанию апостола. Заповедав нам помнить святых наставников наших, он указывает цель сего воспоминания, чтобы мы, взирающие на скончание жителства их, подражали вере их. Что мы, по благодати Божией сохраняем апостольскую заповедь, о сем свидетельствует самое сие собрание, ради памяти богомудрого наставника нашего, святителя Алексия. Остается нам помыслить и попещись о том, идем ли мы точно к цели, указуемой апостольской заповедью. Иных ударяющий гром заставляет перекреститься: несчастье, болезнь, печаль приводят им на память святых, как утешителей, целителей, помощников и пробуждает призывать их. Хорошо и то, что в бедах прибегаем к предстательству и помощи святых, конечно, это лучше, нежели совсем забывать их, но не довольно вспоминать их только по случаям и по нуждам временным. Всех нужд важнее то, чтоб вспоминать их для подражания вере их и неразлучному последствию истинной веры, богоугодному житию их. Та только память святых угодна им и Богу, и спасительна совершающим оную, которая совершается с искренним желанием подражать им, и достигнуть полного с ними во свете Божиим общения чрез освящение и нас самих.

Аминь.

* Печатается по: Творения свт. Филарета, митр. Московского и Коломенского. М., 1882. Т. IV, с.36

Протопресвитер Виталий Боровой: Из проповедей на пассиях в Богоявленском

патриаршем соборе (Москва, 1978г.)

Проповедь

Первая пассива

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие братья и сестры! С Божьей помощью мы подошли к этим спасительным дням святой Четыредесятницы — времени поста и покаяния. И вот сегодня мы совершили нашу первую пассиву — службу, посвященную страстям Христовым. Иногда пассивы начинаются в первое воскресенье Великого поста, в Неделю Торжества, а иногда эти службы, пассивы (их всегда бывает четыре), начинаются со второй недели, с нынешней, с недели, посвященной памяти великого богослова и святителя Древней церкви Григория Паламы, архиепископа Фессалонитского. Но, дорогие братья и сестры, когда бы мы ни начинали эти службы, их суть, их смысл, направление нашей мысли, наши молитвенные стремления, напряжение наших духовных чувств в это время всегда одинаковы, ибо на каждой службе, называемой пассивой, мы вспоминаем страдания Христа, а значит, и путь страданий, проходящий через века земной истории, путь страданий Его Церкви, путь наших с вами страданий. Взирая на пострадавшего за нас, распятого за нас Господа нашего Иисуса Христа, то же заповедавшего и нам, каждый из нас знает, что мы, Его верующие, на протяжении всей нашей земной истории тоже будем идти крестным путем. Но мы, взирая на это и принимая это на себя, в то же время утверждаем и торжество святого Православия, утверждаем торжество Церкви, ибо путь страданий, путь крестный это всегда путь Церкви.

Однако этот путь страданий, путь Креста не есть конечное свершение христианства, конечное свершение Церкви Божией, конечная судьба каждого из нас. Конечная судьба Церкви Божией, конечная судьба каждого из нас это торжество, торжество в страданиях, торжество через страдания, торжество вопреки всем страданиям. Когда мы празднуем это торжество, когда мы утверждаем нашу веру в это торжество, когда мы как бы торжественно декларируем, что мы уверены в нашем торжестве, мы не должны забывать, что это всегда условное торжество, ибо это не наше торжество, это торжество Бога в нас и через нас, торжество Бога в истории Его народа, в истории Церкви. Когда мы с вами празднуем это торжество, когда мы утверждаем нашу уверенность в том, что истина победит, мы должны помнить, что это торжество всегда имеет исторически очень ограниченный, очень условный диапазон.

Вспомним, к примеру, тот обряд, тот чин Торжества Православия, который мы совершали неделю тому назад. И вспомним историю нашей церкви. В IX в. кончились иконоборческие споры. Когда церковь победила, верующие православные были уверены, что все ереси, все заблуждения, все отклонения от истины преодолены, они должны исчезнуть, и торжество Истины, торжество Церкви, торжество Православия воцарится на вечные времена. И этот обряд торжества в связи с победой над одним историческим событием — иконоборчеством — был распространен. Верующие православные считали, что он теперь будет совершаться как провозглашение торжества победы над всем, что является заблуждением, что является злом, что восстает против Бога. Они считали, что это всеобщее торжество истины, торжество правды Божией. Однако они забыли, что церковное торжество всегда условно, всегда ограничено, потому что это не есть торжество верующих и церкви как исторического института. Церковь как историческое явление на протяжении всей своей истории была и остается слабым организмом, и ее члены, мы с вами, всегда были и остаемся слабыми и ограниченными, грешными и окаянными, сами по себе не имеющими никакого права утверждать конечную победу истины. Мы утверждаем победу истины Божией чрез нас, в наших слабостях, в нашем

грехопадении, в наших немощах, в наших исторических неправдах и ошибках, которые церковь, как исторический организм и верующее общество как общество грешников, включая и нас с вами, на протяжении многих веков совершали и продолжают совершать.

Таким образом, это торжество — условное торжество, хотя мы утверждаем, что это вечное торжество, ибо это торжество Истины, которая является вечной. Но мы забываем, что это торжество вечной Истины преломляется в нас и через нас, через историческую церковь, через людей слабых, немощных, ограниченных. Ведь понимая свою слабость, зная свои грехи пред Богом, может быть, даже свою отверженность и в какой-то степени богооставленность, мы в покаянии уповательно, с большой верой, но вместе с тем и скорбно взываем: «Иисусе, Сыне Божий, помяни нас, егда приидеши во Царствии Твоем!» Этим самым мы утверждаем, что Царство Иисуса Христа, Царство правды и истины, Царство победы добра над злом, победы правды над ложью, победы Любви над ненавистью — это Царство будущего. Мы ведь не говорим: «Мы члены Твоего Царствия сейчас», а покаянно молим, взываем, уповательно обращаемся: «Помяни нас, егда приидеши (т. е. тогда, когда Ты придеши) во Царствии Твоем».

Мы знаем, что это Царство придет, мы знаем, что это будет конечная победа истины, добра и любви, всего того, что объявляется ценным и возвышенным в человеке. И эта конечная победа совпадет с окончанием мировой истории, с окончанием нынешних форм человеческой жизни, нашего миробытия на земле. Окончательная победа над злом, торжество Царствия Божия, торжество Бога будет завершением всемирной истории. Царство Божие, Царство Христа явится в силе. И вот зная это, мы, грешные, слабые, боящиеся, трепещущие от напряжения зла, которое окружает нас, которое давит на нас, взываем: «Иисусе, Сыне Божий, помяни нас, когда Ты придеши во Царствии Твоем», тогда нас помяни. А сейчас Царствие Божие только элементами, только отдельными штрихами, отдельными как бы явлениями и фактами проявляется в человеческой истории, в душе каждого из нас. Пока еще не пришло оно в полной силе, пока еще зло выглядит как бы победившим добро.

Вот сегодня мы взывали к Богу словами великого прокимна: «Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя. Вонми души моей, и избави ю». В словах этого прокимна красивая, удивительно трогательная картина: пред Богом мы по-ветхозаветному как бы отроки. Ведь это еще в те времена, до Христа читалось. Отроки это были молодые парни, бесправные, подчиненные, тяжело работающие, над которыми другие люди имели власть. Вот и мы, слабые, не имеющие силы, не имеющие власти, подчиненные отроки, говорим: «Не отврати лица Твоего от нас». Для отроков, для людей этой категории было очень важно, чтобы те, у кого они отроки, относились к ним хорошо, благосклонно, с лаской, с любовью. А для нас Бог это Тот, Кому мы служим, Тот, у Кого мы отроки со всей нашей слабостью, со всеми нашими прегрешениями, со всеми нашими грехами. И вот мы обращаемся к Нему со словами: мы отроки Твои, не отврати лица Твоего от нас именно за грехи, за наши слабости, за наши провинности, прегрешения, преступления пред Тобою. Не отврати лица Твоего, потому что мы скорбим, потому что мы живем в скорби, в беде, в угнетении. Не отврати лица Твоего от нас, посмотри на нас благосклонно, утешь нас, ибо мы скорбим. Услыши душу нашу, воззвание души нашей, вопли наши к Тебе, скоро услыши, не когда-нибудь, а «скоро услыши мя». Каждый человек, когда он в скорби, хочет сейчас же быть избавленным, немедленно получить помощь, его не удовлетворяет, когда говорят: «Через двадцать лет, через сто лет ты будешь утешен». Мы взываем: «Скоро избави нас. Услыши вопль души, избави нас».

Вот, дорогие братья и сестры, утверждая торжество Истины, утверждая конечную победу правды Божией над злом, искажениями, ложью, мы утверждаем это как бы частично. Церковь на протяжении всех веков, так же как и каждый из нас сейчас, нуждается в помощи. Церковь, мы с вами нуждаемся в милосердии Божиим. Мы живем в скорбях, притеснениях, бедах,

несчастьях, грехах. Поэтому мы и взываем: «Помяни нас, когда Ты придешь, в Царствии Божием. Тогда нас помяни. Но сейчас, уже сейчас избави нас, ибо мы скорбим». Утверждение торжества Истины верное утверждение во веки веков вопреки всему. Но оно всегда связано с сознанием, что утверждая это торжество, мы вместе с тем проявляем свою человеческую и историческую слабость, ограниченность, недостатки и нуждаемся в помощи Божией, нуждаемся и уповаем на Его окончательную победу тогда, когда изменится форма нашей жизни, когда наша жизнь станет жизнью вечной, а здесь мы, находясь в скорби, взываем: «Скоро услыши нас». Наша уверенность в торжестве всегда сочетается с историческим реализмом, с понятием скорбного крестного пути Церкви Божией, народа Божьего, каждого из нас.

Сегодня, дорогие братья и сестры, мы вспоминаем с вами, после Недели Торжества Православия, святителя Григория Паламу, и нам с вами полезно заглянуть, так сказать, в корень, в суть того, что отстаивал, чему учил, что утверждал святитель Григорий Палама и богословы, его последователи, которых называют паламитами или исихастами по названию движения, возглавляемого святителем. Мы не будем сейчас говорить ни об истории событий XIV в., ни о богословии, ни о философии, которые были вовлечены в споры того времени. Об этом говорят ученые. Я хочу, чтобы мы с вами обратили внимание на самое важное, что сделал для Церкви Григорий Палама.

Дело в том, что в XIV в. шли бурные споры по очень существенному и для нас с вами вопросу, по вопросу, который, собственно говоря, предрешает будущность христианства. Проблема сводилась к следующему: Бог абсолютен и в своей сущности непостижим. Когда Он, непостижимый и недоступный, являет Себя миру в делах творения, в делах Любви, в делах промысления о судьбах каждого человека и всего человечества, когда Он проявляет Свое действие в мире, когда Он действует, то это есть воздействие Бога на материальный мир. Недоступный Бог Сам здесь, в материальном мире. Бог воздействует на материальный мир, так как все подчинено Богу, но Его действия в мире, в истории Церкви, в жизни человечества являются, так сказать, действиями материального мира, только движимыми Его волей. Значит, между нашей жизнью, материальной жизнью, жизнью, которой мы живем, и Существом Божиим лежит такая пропасть, что не может быть, так сказать, взаимодействия, а можно говорить только о материальном мире, о нас с вами. Бог же непостижим и недоступен по сущности Своей для воздействия, и то, что мы видим, т. е. Его действие, это есть действие материи, движимой волей Божией. И Григорий Палама, верный учению Древней церкви, утверждал: нет, это неверно!

Вот то, о чем я сейчас сказал, как раз и является парадигмой философии, науки, которая не благодатна, которая не просвещена благодатью Божией. С точки зрения философов, где-то там Бог, а здесь материальный мир и ум человеческий, принадлежащий материальному миру. Григорий Палама утверждал, что, согласно учению Господа Иисуса Христа, Его апостолов, прежнего поколения христиан, исповедников, святых отцов и учителей Церкви, Бог, конечно, в существе Своем непостижим и недоступен, это верно, но Его сущность действует вовне как Его энергия, и эта энергия является божественной энергией, божественными действиями в мире. И не правы те, кто заявляют, что Бог управляет материей, и все, что происходит в мире, есть, так сказать, результат вот этих материальных изменений, движимых волей Божией. Нет, это неверно. В мире, в нашей жизни, в истории всего человечества, в истории Церкви Божией, в истории народа Божьего, в истории каждого из нас есть воздействие божественной энергии, которая исходит из сущности Божией, недоступной нам, но воздействие этой сущности — в этой божественной энергии в несотворенном Свете, в Свете фаворском. И это воздействие есть проявление Божества в мире.

Таким образом, мир не является пассивным полем воздействия Бога, воли Божией на материальную сторону. Мир становится тем местом, где проявляется Божие действие, Божия энергия, которая исходит из сущности Его. И мы, не имея возможности постичь сущность Божию, можем быть в самых близких отношениях с Богом через Его действия, через Его энергию, через несотворенный фаворский Свет. И этот несотворенный фаворский Свет не есть материальный, он уже есть действие Бога в душе нашей, действие Бога в истории, действие Бога в Церкви. Действие, которое хотя и обнаруживается нами как материальное, но по существу своему это уже не материальное действие. Это проявление чрез божественное воздействие непостижимой для нас божественной сущности.

Дорогие братья и сестры! Вы можете спросить, а в чем, собственно говоря, большое значение того, что одни говорили так, а другие этак? Какое это оказывает влияние на нашу жизнь, какое это оказывает влияние на историю Церкви, на историю человечества? Громаднейшее! Если принять суждение противников Григория Паламы, тогда получится так: где-то Бог, Которому нужно служить, в Которого мы веруем, но понять и вступить с Ним во взаимоотношения не можем, а здесь, на земле, космос, материальное миробытие, среди которого живет человек, человеческое общество, церковь Божия, и все это управляется материальными движениями, в конечном итоге зависящими от Бога, а между Богом и материальным миром прямой связи не существует. Православная Церковь, древние отцы, Григорий Палама указывали, что если мы будем думать так, то, собственно говоря, Бог окажется для нас абстрактной и поэтому бессмысленной идеей, о которой можно лишь рассуждать, но которая не будет жить в нашем сердце.

А между тем Бог не только воплотился, стал человеком, Господом Иисусом Христом, Он родился от Девы Марии, учил, совершал чудеса, наставлял, исцелял, воскрешал людей, пострадал за них, воскрес, вознесся на небо. Это не было лишь событиями того времени. Бог живет в сердце каждого Своей энергией, Своим несотворенным фаворским Светом, благодатью Своею, которая является не умозрительной концепцией, а настоящей, движущей, животрепещущей в наших душах силой нашей жизни. Реальной силой!

Таким образом, все, что здесь, в мире, существует, может быть освящено и освящается прямым воздействием энергии Божией, поэтому все существующее, в том числе и каждый из нас, призвано к преображению нашего материального бытия и всего мира, окружающего нас, к преображению через прямое воздействие благодати Божией, живой силы, исходящей от Бога. В этой материальной жизни действует божественная энергия, освящающая, облагораживающая, возвышающая, оправдывающая мир. И мы здесь, на земле, не просто те люди, которые живут и думают, как бы скорее попасть на небо, ибо только там мы будем с Богом лицом к лицу. Мы с вами призваны уже сейчас божественной энергией, благодатью Божией преображать самих себя и все окружающее нас мир, людей, общество, социальный порядок и т. п. Все это мы призваны преобразить во славу Божию, все это мы призваны привести в конечном итоге к Богу, к источнику вот этой божественной энергии.

Так Григорий Палама и Православная Церковь утверждают великую истину, что материальное бытие, люди не есть только создание материальных физических сил, пусть даже и по воле Божией. Материальный мир, люди являются тем полем, той средой, где действует живая божественная сила, исходящая из сущности Божией и обнаруживающая здесь то, что тогда называли несотворенным фаворским Светом и что сейчас мы называем благодатью Божией.

И вот Григорий Палама истинный проповедник этой благодати. Именно это для нас ценно, дорогие братья и сестры, в этом наше торжество, несмотря на весь наш скорбный путь, путь крестный, несмотря на все наши слабости, и беспомощность, и ничтожность. Наше торжество в том, что мы, сами по себе слабые, являемся в то же время теми, через кого действует энергия

Божия, все освящающая, все преобразующая, все возвышающая до славы сынов Божиих с тем, чтобы потом, когда в конце мировой истории будет явлено Царствие Божие, когда наступит торжество Бога над всеми, когда Бог будет «всяческая во всем», мы стали бы теми, кто будет участвовать в этом торжестве, кто будет не только, так сказать, наслаждаться этим торжеством, а считать, что это есть воистину наше торжество, что мы жили, страдали, трудились для того, чтобы праздновать это торжество.

Мы, слабые, ничтожные, греховные, может быть, ленивые и необразованные, мы, не имеющие власти, влияния, может быть, даже презираемые, обладаем вместе с тем и силой Божией, пред которой вся сила человеческая, временная в истории, в конечном итоге ничего не значит. Любая же мудрость, наука, все достижения человечества могут и должны быть использованы для преобразования всего существующего благодатью Божией, энергией Божией во славу конечного торжества Царствия Божия, конечного торжества правды, добра, мира и любви, которое уже не будет исторически условным.

Аминь.

ТРЕТЬЯ ПАССИЯ

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Дорогие братья и сестры! В прошлый раз, когда мы с вами совершали первую пессию, мы говорили и старались понять, каким образом страдания, крестные страдания и смерть Господа нашего Иисуса Христа, постоянно отражаясь в истории народа Божьего, в истории Церкви Божьей, в истории каждого из нас, как они ведут к окончательной победе правды Божией, Истины Божией, Любви Божией, совершенства Божьего над тем злом, над теми страданиями, которые испытывают люди на протяжении всего существования рода человеческого. Мы тогда говорили и о связи между страданиями и конечной победой — преодолением этих страданий. Осознание, понимание этой связи — характерная и самая важная черта христианства. Мы говорили также о воздействии Бога на материальный мир, о божественной энергии, нетварной энергии, которая освящает, преобразует человеческую историю, историю материального бытия. И в этом процессе преобразования человеческой истории, всего миробытия, в этом процессе обожения твари в свободу славы сынов Божиих самое важное — человек. И вот сегодня, дорогие братья и сестры, мы будем говорить о человеке, о смысле его жизни, о назначении его бытия в мире.

Если объективно посмотреть на современную историю человечества, то мы увидим достижения науки, техники, индустриализации, и в этом — величие человеческого гения. Но одновременно мы отметим, что такое невероятное развитие науки пока не принесло счастья людям. Оно фантастически расширило человеческие возможности, от земли — в космос, но в то же время идет и все больше углубляется кризис человечества, кризис человека. За кризисом, который мы наблюдаем в разных областях нашей жизни, будь то социальный кризис, или экономический, или борьба за власть, политический кризис, или постоянная угроза уничтожения всего человечества в результате возможной войны, за всем этим, в сущности говоря, стоит один общий кризис — кризис человека. Человечество, достигнув небывалых высот в своем развитии, запуталось при этом в понимании того, что же такое человек, как мыслящее, духовное, творящее существо.

Сегодня, в четвертую неделю Великого поста, мы вспоминаем преподобного и богоносного отца нашего Иоанна Лествичника. И вот я хочу поговорить с вами, дорогие братья и сестры, о том, как понимается человек в Писании, в учении христианской церкви, в православном богословии, о том, как это изложено, в частности, у Иоанна Лествичника в его «Лестнице», в

этом особом сочинении о совершенствовании человеческой природы. И такое понимание является своего рода ключом к разрешению кризиса, в котором сейчас находится человек.

Сочинение Иоанна Лествичника, этого подвижника, глубокого знатока духовной жизни, духа человека, души, не случайно называется «Лествица», то есть лестница. В этом заложен глубокий смысл. В своем сочинении (оно написано в VI в.) Иоанн Лествичник представляет историю человека, историю духа человека, историю души человека, историю взаимоотношений человека и материального мира. И это представлено в виде такой лестницы восхождения. Человек призван в своей духовной жизни, в своей общественной жизни, в своей деятельности как бы идти вверх по ступеням лестницы, идти от земли к самому высокому совершенству.

Господь наш Иисус Христос сказал: «Будьте совершенны». Значит, эта лестница восхождения человека как шкала совершенства бесконечна. Человек от самой нижней ступени, из глубины своего падения, от всех своих немощей, грехов, слабостей, страстей, окаянства путем борения, путем самоисправления, путем самосовершенствования призван делать шаги по этой лестнице ввысь, ввысь, до бесконечности ввысь. Но эта лестница, это восхождение по ней не является исключительно прямой дорогой, ибо тот, кто идет вверх, по слабости своей, по усталости своей, с высоты, которой он достиг, может спуститься вниз, потом он может снова начать восхождение. Таким образом, это не есть, так сказать, ровный путь, какое-то постоянное спасительное восхождение — этого в мире, как вы знаете, не бывает. Каждый из нас в своей жизни испытал, что наше духовное совершенствование, наша духовная жизнь не похожа ни на равномерное восхождение, ни на плавное падение вниз. В жизни нашей мы поднимаемся и, по грехам нашим, опускаемся, потом мы снова начинаем восхождение. И смысл человеческой жизни состоит в достижении человеком определенной высоты при всех его взлетах и падениях.

Дорогие братья и сестры! Вот это восхождение наряду с постоянным ниспадением, с постоянными усилиями, чтобы вновь подниматься — это самый верный образ нашей с вами жизни, образ жизни всего человечества, образ истории человечества, включая и историю христианской церкви. И в этом совершенствовании, в этом восхождении по лестнице добродетелей, с трудностями, постоянными падениями, человек часто забывает о самом важном условии, необходимом для успеха. Об этом говорит нам сегодняшнее Евангелие (Мк 9:17–31), которое читают в эту неделю памяти преподобного и богоносного отца нашего Иоанна Лествичника. Прочитанный отрывок показывает нам, что необходимо для того, чтобы наше восхождение, восхождение каждого человека, восхождение на пути к духовному совершенствованию, к общественному прогрессу было эффективным, было действенным.

В сегодняшнем Евангелии рассказывается, что несчастный отец привел ко Христу своего неизлечимо больного сына и говорит Ему, что он обратился к апостолам, ученикам Христа, с просьбой исцелить его, но они не могли. Это очень важно, запомним это — они не могли. Тогда Христос спросил у этого человека, что он хочет от Него, и несчастный отец сказал: «Если Ты можешь, если Ты можешь — помоги». Запомним и это. Отец, собственно говоря, не был уверен, сможет ли Господь наш Иисус Христос исцелить. Первый опыт, первая проба с учениками была неудачной. Они не могли оказать помощь, и отец искренне сказал: «Если Ты можешь — помоги». Запомним это: ученики не могли исцелить, а несчастный отец не был уверен, исцелит ли Христос, — «если Ты можешь...» Христос ответил: «Все возможно верующему, если ты веришь». И тогда несчастный отец честно, с отчаянием, со слезами воскликнул: «Верую, Господи! Помоги моему неверию».

Таким образом, мы видим здесь сочетание «верую» и одновременно «не верую», веры как желаемого и неверия как фактического состояния — запомним это. Несчастный отец жаждал верить, ибо желал исцеления своему сыну. У него был добрый порыв, доброе намерение верить, но он честно признался, что вера его слабая, что вера его граничит с неверием: «Если Ты

можешь — помоги, если Ты можешь...» И поэтому он сказал: «Верую, Господи! Помоги моему неверию». И когда Христос исцелил юношу, ученики спросили Его наедине, почему они не могли этого сделать. Христос ответил: «Сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста». Запомним это. Да, ученики не могли, у них не хватило сил. Отец сомневался, хватит ли силы и у Господа Иисуса Христа. «Если Ты можешь — помоги...» («Может быть, Ты не можешь, но если Ты можешь — помоги...») Отец хотел верить, имел порыв и желание верить, имел начаток веры, что Господь может исцелить его сына. Но у него не было настоящей веры, поэтому он и воскликнул: «Верую, Господи! Помоги моему неверию». И наконец, Господь сказал Своим ученикам: «Вы не могли этого сделать, потому что сей род изгоняется только молитвой и постом».

Дорогие братья и сестры! Мы с вами сейчас постараемся понять, что же такое «молитвой и постом». Конечно, многие из вас возразят: «Это же ясно: молитвой — значит молиться надо; постом — надо поститься». Это не такой уж простой вопрос, дорогие братья и сестры. И ответ на него не может быть простым. Ибо что такое молитва? Очень часто мы с вами молитвой считаем механическое произнесение молитвенных слов, механическое принятие молитвенных поз: мы крестимся, мы кланяемся. Когда мы приходим в церковь, мы слышим читаемые, произносимые слова молитвы, слышим, как поют их, мы сами произносим эти слова и часто думаем, что это и есть молитва.

Дорогие братья и сестры! Это может быть молитвой, но это не всегда молитва, ибо молитва — это общение человека с Богом, молитва — это беседа человека с Богом, когда душа его, дух его, все его существо как бы выходит за пределы свои и возносится к Богу, пред Богом полагает все свои беды, несчастья, горе, просит необходимой помощи, заступления, снисхождения, милосердия Божия, воздает хвалу, благодарение, прославление Богу. И вот когда мы в общении с Богом, когда все наше существо захвачено молитвой, только тогда наша молитва — настоящая, а не механическое произнесение слов. И вот когда Господь сказал, что многого можно достичь молитвой, это означает не механическое повторение слов молитвы, а наше общение с Богом, когда все наше существо возносится к Богу, когда душа наша охвачена радостью духовного общения с Ним. Вот что такое молитва.

А что такое пост? Конечно, дорогие братья и сестры, и вы, верующие, и те, кто не верит, но слышал о посте, могли бы сказать очень просто: это время, когда верующие христиане воздерживаются от определенного рода пищи. Дорогие братья и сестры! Это неверный ответ на вопрос, что такое пост. Пост действительно начинается с того, что мы воздерживаемся от определенной пищи. Но для чего это делается? Не потому, что тот род пищи плох, а этот свят — ничего подобного. Все, что сотворил Бог, свято, все хорошо, все нужно и на пользу человеку. И нет ничего скверного. А мы все-таки воздерживаемся от определенной пищи, вносим в нашу жизнь особый порядок с особыми ограничениями для того, чтобы укрепить нашу волю, чтобы противостоять внешним обстоятельствам, диктующим нам свои условия, чтобы научиться управлять собою, чтобы поступать так, как нужно и полезно, избегая того, что мы делать не должны. Пост, понимаемый в правильном смысле, — это упражнение, помогающее нам управлять собою в борьбе с нашим греховным естеством, в борьбе с нашими пороками, страстями, немощами, грехами, чтобы быть более совершенными, более добрыми, более любвеобильными, более честными, более действенными, более полезными для себя и для других. Таким образом, пост — это совершенствование человека, совершенствование его природы, это путь от зла к добру, от слабости к силе.

Дорогие братья и сестры, когда Господь сказал, что сей род изгоняется только постом и молитвой, это означает, что сила исцелять, изгонять сей род, этих злых духов, дается человеку только через общение с Богом, через молитву, через постоянное борение человека с самим

собою, с его грехом, с его страстями и слабостями. Вот путь, который дает силы человеку, делает его тем, чем он должен быть. Этот путь — общение с Богом и непрерывная работа над собой, непрекращающаяся борьба за свое совершенствование. Вот те средства, те методы, которые помогают человеку восходить по лестнице совершенствования.

Человек может достичь совершенства, добиться развития своих способностей и всего того доброго, что заложено в нем, только в постоянном общении с Богом и только при постоянной работе над собой. Вот два необходимых условия. И если эти условия не соблюдаются, то что бы люди ни делали, каких бы высот ни достиг их гений, их знания, как бы глубоко, широко и могущественно ни развивалось человеческое общество и вся мировая общественная семья, человек никогда не приблизится к своему истинному назначению, ибо он никогда не будет полноценным человеком.

И мы это видим, дорогие братья и сестры, не только на множестве примеров истории, но и на примерах нашей современной жизни. Когда человек порвал свое общение с Богом, тогда он сам себя поставил на место Бога и тогда он потерял центр, к которому он должен стремиться и вокруг которого он должен объединяться с другими людьми. Ибо когда человек встал на место Бога, вернее, когда он думает, что он встал на место Бога, тогда у него появляются бесчисленные центры, вокруг которых объединяются отдельные группы людей. И эти центры объединения соревнуются между собой, они в постоянной взаимной борьбе и поэтому исчезает уверенность в безопасности существования даже рода человеческого. Когда человек стал сам центром для себя самого, он все свои желания сделал центральными, а так как желаний у человека множество и они самые различные, центробежные, противоположные, а людей в мире миллионы, то желаний, направленных в разные стороны, — тоже миллионы. В результате человек потерял ориентир, и поэтому стал глубоко несчастным, он мечется в поисках выхода, мечется в поисках смысла жизни, находит какой-то временный смысл и думает, что нашел истинный, вечный, и иногда очень радуется, что этот смысл ему якобы известен. Однако через некоторое время обнаруживается, что этот путь ложный, и тогда на смену этому пониманию приходит другое, противоположное, и человек снова радуется душой — он, наконец, вот сейчас постиг истину. Но через некоторое время он убеждается, что и это ложно.

И так будет продолжаться бесконечно, если человек ставит себя на место Бога, ибо когда человек ставит себя на место Бога, падение в бездну неизбежно, несмотря на невероятно высокий уровень развития науки и социальный прогресс. Тогда страсти, низменные желания, своекорыстие становятся для человека конечными целями, тогда наступает то, что мы видим: при удивительном развитии науки, социальных форм жизни происходит распад личности, распад семьи, люди становятся рабами других людей, рабами своих страстей, своей корысти, своих интересов.

Дорогие братья и сестры! Святая Церковь, христиане, мы с вами, грешные, ничтожные, слабые, но верующие, знающие Истину, преданные Истине, утверждаем, и это не голословное утверждение, что только когда человек будет стремиться к общению с Богом, а это означает общение с добром, с Истиной, с Любовью, только когда человек будет в общении с этим высшим, абсолютным Благим, которое мы называем Богом, когда человек будет работать над своим совершенствованием, только тогда он сможет стать личностью, человеком, как мы говорим, с большой буквы. И вот наше с вами посланничество в этом мире, который имеет сердце и ищет смысл бытия, в этом мире, который постепенно расплзается на множество центров, наше с вами посланничество заключается в том, чтобы утверждать, что единый Центр, вокруг Которого должно объединяться все человечество, к Которому должен стремиться каждый человек, — это Бог. В общении с Богом, только тогда, у человека появляются силы для борьбы со злом, с личным греховным злом, социальным злом, со всякого рода злыми

явлениями, которые существовали и существуют в мире. Только общение человека с Богом дает ему силы преодолеть то зло, которое вкоренено в каждом из нас, преодолеть это зло и идти по пути нравственного совершенствования, от силы в силу, от добра к добру.

И последнее, дорогие братья и сестры. В нашем совершенствовании мы не достигнем успехов, если будем действовать в одиночку. Трагедия человечества состоит в том, что оно идет двумя путями — или это путь огромных коллективов, где человек как личность теряется, где человек перестает существовать как личность, либо это путь отдельной личности, путь в одиночку. Единственный правильный путь для всего человечества — это истинно христианский путь, соборный путь, когда мы с вами вместе, соборно входим в общение с Богом, и каждый человек при этом остается личностью, индивидуумом, отдельным человеком, но не единственным, а входящим в общество верующих людей, объединенных в духе Христа, вокруг Христа, которые и составляют соборную Христову Церковь. И спасаемся мы соборно. И достигаем совершенства собором. В этой соборности нашей каждый человек как личность представляет собой особую ценность, каждый человек не обезличен, не принесен в жертву этому молоху объединения, а он сам строит свои отношения с Богом, но делает это соборно, со своими духовными братьями.

Таким образом, дорогие братья и сестры, мы с вами зовем, призываем каждого человека, все человечество на путь общения с Богом, с Абсолютным Благим, Добром и Истиной, на путь совершенствования личности, в дружном усилии всей человеческой семьи, в которой каждый идет к спасению своим личным путем, но через совместное, соборное борение со злом.

Дорогие братья и сестры! В этом и состоит христианство. В этом истинность христианства. И что бы ни случилось с нами, что бы ни случилось с церковью как с исторической организацией, эта истина — великая богооткровенная Истина, она возьмет верх, ибо Истина всегда побеждает, даже если носители этой Истины, провозвестники этой Истины, слабы и ничтожны, как мы с вами.

Сегодня во время великого прокимна архидиакон возглашал: «Узрят нищие и возвеселятся». Дорогие братья и сестры! Мы с вами эти нищие. Мы с вами власти не имеем, богатства не имеем, влияния не имеем, силы не имеем — ничего с человеческой точки зрения значительного не имеем. Но мы имеем истину, не нашу истину — Божию Истину. Мы несем эту истину в недостойных сосудах нашей плоти, грешной, ничтожной, слабой. Мы имеем эту истину и несем ее. Поэтому мы смело говорим всему миру: «Узрят нищие и возвеселятся». И будет время, когда мы возвеселимся!

И дальше, во втором стихе этого прокимна мы слышали слова: «Взыщите Бога, и жива будет душа ваша». Вот это и есть та истина, которую мы несем миру, мы — нищие, мы — слабые, но мы несем великую истину — «взыщите Бога, и жива будет душа ваша!»

Аминь.

*К сожалению, в 1978 г. проповеди были прочитаны о. Виталием Боровым только на первой и третьей пассивах.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Мой путь

к Богу и в Церковь

Свидетельства

Е. П.

У одних путь к Богу краток и прям, как полет стрелы. У других — внезапен и ярк, как вспышка молнии. А некоторые — рождаются и живут с Богом в сердце всю жизнь.

Мой путь к вере извилист, полон ухабов, падений в бездны, наполненные горечью греха. Для того, чтобы поднять голову и увидеть свет, нужно всего-навсего быть зрячим.

Но как тяжело приходит прозрение! Остается лишь надежда на то, что это никогда не поздно.

Верующих среди моих родственников и знакомых нет. Напротив, мы с братом не только не были крещены в детстве, но и воспитывались в атмосфере атеизма, веры в светлое коммунистическое завтра... А в семье не хватало элементарного чувства любви. Наверное, сейчас этим страдают многие семьи, когда любовь родителей к детям и детей к родителям заменяется формальным чувством долга и обязанностями одних перед другими. И это тяготит, со временем возникает отчуждение, раздражение, непонимание. Возникает не чувство радости и счастья от того, что делаешь что-то для других, а тупое ощущение рабской зависимости от самых близких и дорогих людей. Все это недовольство выливается в ссоры и крики от того, что нужно уделять много времени и сил друг другу, дому. А так хочется пожить «для себя»! Жизнь «для себя» все время откладывается на потом, возникает мечта о чем-то розовом и блестящем. А в реальности все серо и буднично: долг перед обществом и семьей. Кажется, вот еще чуть-чуть, самую малость напрягусь, подкоплю денег, выращу детей и уж тогда... А жизнь идет. Лето сменяет осень, появляется безысходность.

Моя мама всегда говорила: «Я ничего в жизни не видела. Всю жизнь прожила в долг, угробила на вас». Она имеет в виду одно, а я понимаю совсем другое: и правда — «не видела», и правда — «в долг», и ведь верно — «жизнь угроблена».

Я всю жизнь чувствовала себя «гадким утенком», не потому, что уродлива внешне, а потому, что было чувство одиночества, никому ненужности и внутреннего уродства. Всегда ощущала «дефицит общения», может быть, просто философский склад ума требовал свое. Я не осуждаю своих родных, но очень многое в себе вижу то, что приобрела от них. Я, как и они, не умею любить, довлеет лишь чувство долга. Работаю фельдшером на «03». Все говорят: «Это так тяжело, это такая ответственность!» Наверное, это так, если подходить к каждому больному не формально. А на самом деле — пришел, поставил диагноз, проделал нужную «манипуляцию», все профессионально, честно, но — бездушно. Ты попрощался, закрыл дверь и забыл о больном человеке. Ты просто оказал помощь, большее не входит в твои обязанности. Что дальше? Смогут ли врачи в больнице или поликлинике продолжить начатое тобой? Захотят ли? Не напрасны ли твои старания? Да и только ли медицинская помощь нужна человеку, больному человеку? А на большее-то у нас нет ни сил, ни времени, ни желания. Как просто быть добреньким лишь час с больным!

Тяжело брать на себя ношу на всю жизнь. Мой любимый с детства писатель Антуан де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце» говорит устами своего героя: «Мы навсегда в ответе за тех, кого приручили». Мы навсегда в ответе за семью, за тех, кто рядом, за больных. Но только чувство долга здесь ни при чем, это слишком формально, в этом понятии нет правды жизни. Раньше, до революции, были семейные врачи. Они хорошо знали больного, его семью. И

отвечали за их здоровье — физическое, психическое, душевное. Вот от такой ответственности не уйдешь, закрыв за собой дверь, не скажешь: «Нет лекарств, нет мест, кончилось дежурство и вообще это — не моя компетенция». Я не чувствую в себе сил, по крайней мере сейчас, чтобы взять ответственность навсегда, не доверяю себе. Нет, я не боюсь сломаться, но не хочу холодного формализма.

Наверное, вот эта неудовлетворенность жизнью, работой и привела меня к поиску истинного источника любви, правды и чистоты.

Конечно, сначала подворачивалось на этом пути самое низкосортное: лжелюбовь, экстрасенсорика, астрология, рейки. Вроде ищешь смысла жизни, находишь все тропки, уводящие в сторону. Так не долго докатиться до полного безверия, пессимизма, отчаяния. Да так оно и было...

Сейчас мне хочется прийти к Богу, к вере. Когда я вспоминаю прошлое, мне становится страшно и стыдно. На моей совести самые тяжкие грехи, мне хочется в них покаяться, и кажется, что не хватит времени рассказать, как это могло случиться. Может быть, не нужно копаться в этом «как», гораздо важнее то, что теперь это несовместимо со мною. Когда не хватает сил справиться с искушениями, я знаю: Господь, к Которому я обращаюсь в молитве, меня не оставит.

Было время, когда душа моя раздваивалась. Я занималась зороастрийской астрологией, но при этом меня очень привлекало христианство, очень тянуло к нему, хотя о христианстве я знала лишь в объеме репринтного издания «Закона Божьего». Вот это поверхностное знание никак не давало возможности понять, почему церковь так непримиримо относится к астрологии, биоэнергетике, и т. п. Вроде бы это — добро, бескорыстная помощь людям. И никогда не приходила в голову мысль: а добро ли? а помощь ли? Когда сомнения мои и раздвоенность достигли апогея, я решила покреститься. Покреститься, но не отречься. Я боялась, что вдруг во время собеседования священник спросит, не занималась ли я астрологией. Соврать я бы не смогла. Но он не спросил... Чуда не произошло. Вроде бы ума не прибавилось, совесть не успокоилась, грехов не уменьшилось. Все было формально. Но как знать, может быть, это и было то «горчичное зернышко», из которого сейчас проклюнулся зеленый росток.

После астрологии было увлечение рейки. И это было страшно. Я была бы рада, если бы мой очень негативный опыт помог хоть кому-нибудь.

Инициация — это очень интересно, очень заманчиво, но очень опасно. Это то, что, к сожалению, часто привлекает пытливые, ищущие умы. Однажды во время инициации моя подруга «дала» клиническую смерть. Хорошо, что мы сидели рядом — я и еще несколько врачей. Жизнь-то мы ей спасли... В тот момент от бессилия и отчаяния я взмолилась о прощении к Богу, ругая себя за то, что мы пришли туда. После инициации мироощущение резко изменилось. Я не хочу углубляться в то, что это было такое, как это достигалось, потому что знаю, стоит только начать думать о грехе, даже о прошлом, он полностью завладеет тобой, твоими мыслями, эмоциями.

Может быть, я и не права, но мне кажется, что в каком-то смысле не существует деления времени на прошлое, настоящее и будущее. То время, где твоя мысль, душа, твой дух, и есть для тебя в данный момент настоящее. Мне хочется победить грех не только в поступках, но и в словах, и в мыслях. Мне хочется быть сейчас и здесь, на точке смыкания прошлого и будущего, внимательно следить за собой и миром, который меня окружает, учиться в это мгновение мудрости и слышать в себе голос вечности, голос Бога живого.

После рейки появилось новое ощущение единства с миром, любви к нему, растворение в бытии, обезличивание. В голове — полное отсутствие мыслей, стерильность, этакое «слушаю и повинуюсь». И желание сделать так, как продиктует первая возникшая мысль. Не вставал даже вопрос: откуда она? Казалось, ясное дело — Господь. Когда делала так, как диктовала мысль, даже если не было особого желания, получала большую порцию «счастья и радости». Было ведение, что вроде «в струю попала», все удавалось. Была и другая награда — ощущение своего величия, могущества. Стоит только попросить «космос» — и для тебя и за тебя сделают все, что ни попросишь. Это ли не прелесть?

Лишь много позднее вспомнились кадры из фильма «Мертвый сезон», где было показано, как с помощью газа людей превращали в послушных, довольных всем животных. Только со временем стали появляться и «свои» мысли, а вместе с ними — большая тяга к христианской литературе. Я запоем читала послания апостолов, Евангелия, «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». Серафим Саровский вошел в мою жизнь как-то сразу. Увидела в киоске книжку о его жизни, вроде случайность, но после этого в мыслях часто обращаюсь к нему. Он покорила меня своей мудростью, наставлениями, любовью, кротостью. Появилось желание, неудержимое желание молиться, бывать в церкви, но не всегда «пускали» мысли, которые продолжали диктовать и навязывать иной путь жизни. И еще я поняла: астрологией больше заниматься не буду никогда.

Однако все оказалось гораздо сложнее. Как только внутри вновь родилось маленькое пытлиное «я», стремящееся понять, что же со мной сделали, ушло радостное ощущение от жизни, беззаботность, защищенность. И все заполнилось беспросветной тоской, для которой вовсе не было причин, тяжелейшей депрессией и злобой, злобой на всех счастливых, спокойных людей, потому что я не могла вызвать в себе чувство любви ни к кому и ни к чему. Я не могла радоваться ни солнечному дню, ни дождливому вечеру: я была пуста, я была выжата и лишена сил жить. Не было не только сил, но и самого желания жить. Я дошла до черты, за которой — смерть. Было очень тяжело, не было сил даже говорить, все было безразлично. Держала только одна мысль, запомнившаяся из наставлений Серафима Саровского, что один из самых страшных грехов — отчаяние. И я держалась, понимала, что это состояние нужно пережить, молилась, чтобы Господь не покидал меня. Существо мое искало выхода, я понимала, что это одно из самых страшных испытаний. Снова началось раздвоение. В голову ненавязчиво стучалась мысль: «Хочешь вернуть свое прежнее состояние счастливого, всемогущего человека, продолжай заниматься рейки, иди туда, еще и еще раз». Но были и другие мысли: «Раз я не сама добилась этого счастья, вышла на этот уровень, значит, это не мое, это слишком просто достижимо, чтобы быть правдой». И еще не хотелось быть пешкой в чьей-то игре, автоматом. Хотелось просто смириться перед волей Божьей, пережить весь этот кошмар и стать собой. Я наблюдала из своей боли за другими рейки. Похоже, что у всех сначала был подъем, затем — падения, но у каждого — на свою высоту и глубину. У всех — одна и та же схема: сначала — пряник, потом — кнут. У многих болели или умирали родственники, животные. Я не была исключением: я болела сама. Было преходящее нарушение мозгового кровообращения, стало подниматься артериальное давление, волосы выпадают до сих пор — ничто не может помочь.

Я пришла к выводу: рейки — это сила, которая разрушает человека, его волю, его мысли, внутренний мир, здоровье. Не все мои знакомые остались в рейки. Видимо, те, кто попал туда случайно, формально, у кого не было особых духовных поисков, вышли из рейки легко, как и вошли, почти не обезображенные личностно. Но те, которые долго искали смысла жизни, обрели свою «нирвану». Возможно, им самим и не видимы те изменения, которые произошли с ними. Окружающие же отмечают в них злобность, нетерпимость, внешнюю неряшливость, желание уединиться и добиться своих «высот».

Я не вернулась в астрологию. Но прошлое знание хоть в чем-то помогло мне. На память пришло учение зороастрийцев о добре и зле. Там, где раздвоенность, ложь, осколки всяческих знаний, где хаос, смещения, четкая иерархия, подавляющая «я», — там нет добра, нет Света. Внезапно — это было как озарение — я поняла, что рейки — это смесь, суррогат верований, учений, который маскирует что-то злое и темное, пытающееся навязать чужую жизнь. Это зомбирование, это чужие мысли в моей голове, чужое мировосприятие, порабощение моего «я». Шло время...

Те, кто остались в рейки, интенсивно набирали знание по корейскому точечному массажу, по массажу с применением рейки и т. п. Я уже не могла заставить себя заниматься этим, испытывала отток сил, когда приходилось делать что-то, связанное с оккультным. Я была на перепутье: от старого отходила — но куда?

«Я собираюсь послезавтра на оглашение, — сказала моя знакомая. — Пойдешь со мной?» «Что это такое? Зачем?» — все эти вопросы даже не успели возникнуть в моей голове. Кто-то как будто коснулся сердца теплой рукой, давно неиспытываемая радость заполнила все мое существо...

За то время, что я хожу в Огласительное училище, многое изменилось в моей жизни. Иногда эти перемены очень болезненны: потеря друзей, коллег по работе. Я знаю, что не хочу и не могу жить по-старому. Стараюсь обрести в душе радость и свет, приблизиться к истине. Мне очень хочется не свернуть с этого пути, но я еще не уверена в своих силах. Плохо представляю свое будущее: вот окончу Огласительное училище, а что дальше? Неужели опять одна? Боюсь, что самостоятельно идти по этому пути я не смогу, мне нужен наставник, руководитель.

Сколько синяков и шишек набила я в жизни, падая и наступая на «грабли», на одни и те же «грабли»! Сейчас я учусь преодолевать зло в себе, которое периодически предстает и в виде искушений. Сначала было тяжело, настоящая ломка. Кроме Господа, никто не мог помочь. Я чувствовала, что нет сил бороться с соблазном, но молилась, чтобы Бог укрепил меня в моем твердом намерении и по немощи моей дал мне сил. Когда я поняла, что благодаря Богу победила, то была по-настоящему счастлива. Но радость моя была недолгой. Соблазн возник вновь при других обстоятельствах. Смятение и недоумение овладели мной: как? почему опять? Я же поняла, отказалась, боролась? На этот раз победа над собой далась легче. В третий раз — еще легче.

Господь слышит меня! Он учит меня! Он не оставляет меня на избранном мной пути!

В заключение хочется сказать словами псалма: «Сильно толкнули меня, чтобы я упал, но Господь поддержал меня. Господь — сила моя и песнь; Он соделался моим спасением» (117: 13, 14).

Д. М.

Если бы еще четыре-пять лет назад мне сказали, что когда-нибудь стану молиться и регулярно ходить в храм, я в лучшем случае недоуменно пожал бы плечами.

Ни в школьные, ни в студенческие годы я не принимал религии всерьез. Отец был неверующим, мама, хотя и осеяла себя иногда крестным знамением, в храм не ходила. Поэтому крещен в детстве я не был. По-настоящему верили в Бога только бабушка, прабабушка и сестра последней (по-моему, они были старообрядцами). Помню, в детстве я смеялся над их отсталостью, да и вообще над верой как таковой.

Лет с семнадцати меня вдруг начали посещать мысли о жизни, о смерти. Перспектива конечности собственного существования приводила меня в отчаяние. «Хорошо бы, — думал я, — если бы правы были верующие. Тогда была бы надежда на вечную жизнь. Но, к сожалению, никакого Бога и загробной жизни нет и быть не может — это давно доказала передовая наука». И я продолжал прежнее существование — учеба, книги, музыка, друзья — изредка нарушаемое ночными приступами отчаяния и страха.

Вскоре происходит важное событие в жизни мамы: она окончательно обращается к Богу. У нее возникает горячее желание исправить прежнюю ошибку: крестить меня и брата. Мне к тому времени исполнилось 20 лет, брату — 11. Естественно, я не понимал маминого стремления (что за предрассудки!), но, жалея ее, кое-как согласился креститься.

Крещение происходило в храме Всех Святых у станции метро «Сокол». Службу отстоял, едва скрывая раздражение. После того, как нас с братом покрестили и мы вышли из храма, я снял с шеи крест и с раздражением и обидой за потраченное время отдал его маме (сейчас об этом не хочется писать, но это было так).

Крещение не оказало на мою жизнь никакого заметного влияния (как мне казалось): отношение к вере не изменилось, жизнь проходила, как прежде. Но тут начались перемены в стране, информация перестала быть «одноканальной», появилось много «пищи» для ума не только прирожденных диссидентов, но и обывателей типа меня. (Начало этого времени примерно совпало с окончанием мной института.) Я стал терпимее, в том числе и по отношению к религии, начал думать, что, может быть, и она играет в обществе полезную роль. Пожалуй, даже готов был подписаться под словами Евтушенко: «Дай Бог ну хоть немного Бога!» Но о том, чтобы идти в церковь, даже и не помышлял. Христиане продолжали оставаться для меня людьми, обязанными верить в то, что Бог создал Землю шесть с лишним тысяч лет назад ровно за шесть суток и в прочие «антинаучные» вещи. А в науку я верил свято.

И вот однажды жена принесла с работы ксерокопию лекции о. Александра Меня (тогда уже покойного) «О бессмертии». Я заинтересовался: тема меня волновала. Прочитав эти несколько страниц, я вдруг осознал, что совсем неверно думал о христианстве. Мои представления о нем, базирующиеся на убогих штампах «научного атеизма», оказались далеки от реальности. О. Александр, несомненно, глубоко верующий человек, священник, не только свободно оперировал научными понятиями и данными, но и явно признавал науку и культуру как способ познания мира и даже, казалось, благословлял их... Следующая прочитанная книга о. Александра — «Сын Человеческий» — потрясла меня не менее. От представлений о косности христиан не осталось и следа. Так был сломлен барьер в моем сознании. Теперь же я думал так: «Почему, собственно, Бога нет? Кто это сказал? Советская пропаганда? Но в ее лживости и глупости теперь не приходится сомневаться. Ученые-атеисты? Но наука не в состоянии ни доказать, ни опровергнуть существование Бога, поскольку изучает лишь материальный мир».

Я начал читать книги христианских авторов, журнальные и газетные статьи о христианстве и Церкви — много и, как мне кажется, бессистемно. Стал мысленно обращаться к Богу, молиться. С конца 1993 г. вместе с женой (оказавшей большое влияние на мое обращение) регулярно посещал один из московских храмов. Хотя причащался всего два раза: считал себя неготовым, да и вообще не слишком понимал, для чего это.

Тут возникли новые проблемы. Едва я узнал немного о жизни Русской Православной Церкви, некоторые вещи стали вызывать недоумение. Я никак не мог свыкнуться с проявлениями недоверия к светской культуре и науке, заикленности на «государственничестве», «державности», доходящей до оправдания войн, нетерпимости к другим христианам. (Один молодой батюшка мне прямо сказал: «Западное христианство — это смерть, гибель, хуже

атеизма.») Создавалось впечатление, что Православная Церковь требует от своих членов безоговорочного монархизма, что о. Александр Мень с его открытостью — исключение... Все это создавало раздвоенность: назад, в атеизм, пути уже не было, но и «национальное» православие казалось не вполне соответствующим духу Евангелия. Я часто размышлял: может быть, логичнее мне быть протестантом? Но не станет ли уход к протестантам отрывом от корней и от огромного духовного опыта, накопленного Православием?

И вот однажды в газете «Куранты» я прочитал о Сретенском братстве. Я тут же поспешил найти храм Успения Богородицы в Печатниках, где был встречен с вниманием и любовью. Вскоре мы с женой, которой храм тоже пришелся по душе, перешли в него. Здесь мы приняли предложение пройти оглашение. Постепенно я понял, что мои сомнения напрасны, что Православная Церковь, единая в вероучении, не принуждает иметь какое-то одно мнение по второстепенным вопросам, что от наших грехов Церковь не перестает быть Церковью. Надеюсь, что оглашение поможет мне сбросить наслоения, оставшиеся от атеистического прошлого, стать более открытым к Богу, вере и людям, войти в Церковь в полноте.

Сергей Каринский: Оглашение и огласительная литература

Миссионерство и катехизация

1. Цель оглашения. Оглашение есть устное (в первую очередь не по книгам) научение основам христианской веры и жизни. Фундамент его составляет та или иная форма диалога оглашаемого с катехизатором. И для этого есть серьезные основания.

Дело вовсе не в том, что катехизисы плохи или устарели. Еще Платон вложил в уста египетского царя Тамуса жесткие слова, обращенные к изобретателю письменности богу Тевту: «Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут многомудрыми вместо мудрых» [12, Федр, 275ab]. Платон считал, что «последние истины» не могут быть выражены в форме фиксированных положений, но могут жить в диалоге (см. [14, с.98, 101]). Это полностью относится к христианству, которое именно и не может быть сформулировано в виде катехизиса, закона, даже заповедей, существующих самих по себе, вне живой веры Церкви. А вера укоренена в Духе Святом, «Которого Предание, начиная с Павла и Иоанна, называет Духом общения» [7], и исполняется в Церкви, когда (хотя бы) «двое или трое» собраны во имя Христа (Мф 18: 20).

Однако, разумеется, это вовсе не исключает использование при оглашении тех или иных книг. Более того, именно возможность беседы с катехизатором, получение от него церковных ответов на вопросы, возникающие при чтении, научение (в том числе и медленному чтению) делают возможным настоящее чтение.

Вспомним, наконец, самые ранние описания оглашения в книге Деяний апостолов: в день Пятидесятницы и «оглашение» евнуха апостолом Филиппом.

В описании Пятидесятницы (Деян 2: 1-47) присутствуют все основные «компоненты» оглашения, хотя и весьма сжатые во времени: апостолы («катехизаторы») пребывают «в Духе»; у «оглашаемых» рождаются недоумения и вопросы — признак их открытости к изменению, покаянию («И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит?») (Деян 2:

12)); они начитаны в Писании, и поэтому Петр начинает свою речь с цитирования и объяснения известных, но непонятных «оглашаемым» слов пророков, и, наконец, «охотно принявшие слово его крестились» (Деян 2: 41). А дальше идет описание «светлой седмицы» по воцерковлению: «И они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян 2: 42).

«Оглашение» евнуха Филиппом (Деян 8: 26–40) также содержит эти «компоненты»: евнух даже в пути читает Писание (Деян 8: 28); «Дух сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице» (Деян 8: 29); у евнуха есть вопросы «огласительного типа» по Писанию: «Прошу тебя сказать: о ком пророк говорит это? о себе ли, или о ком другом?» (Деян 8: 34); «Филипп отверз уста свои и, начав от сего Писания, благовествовал ему об Иисусе» (Деян 8: 35); евнух исповедует Христа, и Филипп его крестит (Деян 8: 37–38); Дух Святой сходит на евнуха, и он продолжает путь, «радуясь» (Деян 8: 39).

В наше время мало кто в церкви спорит с тем, что оглашение (катехизация) нужно. Но как его проводить — вот вопрос. Чтобы ответить на него, необходимо прежде всего сформулировать цель оглашения. Что это? Научение основам христианской веры и жизни? Но является ли научение само по себе целью? Подготовка к крещению? Но тогда что означает и в чем выражается готовность человека к крещению?

Митрополит Сурожский Антоний, ссылаясь на апостола Павла, не устает настаивать: «Можно крестить человека, который умирает со Христом и оживает с Ним,... и нельзя крестить человека, который приобрел точку зрения на жизнь, где есть место для Бога, для Христа, для Церкви, для таинств и для других объектов. Вот почему можно было, в разные века, крестить людей с очень разным богатством знания, конкретной, умственно разработанной веры: не в этом дело...» [3, с.76].

Согласно свидетельству современного катехизатора — священника Георгия Кочеткова — при определении того, действительно ли состоялась подготовка катехумена к Крещению (воцерковлению), «самое главное все-таки — это глаза и облик человека. Можно видеть на лице — есть благодать или нет. В глазах есть что-то такое, видно — ожил человек или все та же мертвечина,... когда человек, и пройдя катехизацию, никакой катехизации не прошел. Человек должен испытать благодать. Лично! Это нужно с самого начала, и это требуется перед Крещением. Человека вообще, я считаю, крестить нельзя, если он не испытал этого... Катехизатор — педагог, может быть, в изначальном смысле, как детоводитель, как тот закон, который приводил ко Христу» [5, с.57,59]. Другой катехизатор — А. Костромин — дает такое определение: «Процесс катехизации есть попытка Церкви приобщить новых входящих в нее людей к полноте жизни во Святом Духе, к полноте жизни в благодати» [5, с.48–49].

Этот подход укоренен в святоотеческом предании. Св. Симеон Новый Богослов в XI в. с болью говорил: «Сокровенное от начала мира таинство христианства состоит в приобретении благодати Божией. Наибольшая часть крещеных, именуемых христианами, не знает этого таинства христианства» (цит. по [6, с.12]). В том-то и беда (и нашего времени тоже), и чтобы этого не было, надо крещаемых к Крещению готовить, т. е. оглашать, катехизировать.

Итак, цель оглашения — привести оглашаемого ко Христу (через научение его основам христианской веры и жизни), помочь ему встретить Христа. Если такой встречи не произошло, если оглашаемый ощутимо не получил дар Духа Святого, не познал благодать Христову, не приобрел опыт богообщения, то цель оглашения не достигнута. Все остальное — знание Писания, приобретение разнообразных нужных и полезных сведений, даже привычка посещать храм и исполнение этических заповедей — имеет значение лишь как помощь в достижении этой основной цели.

Разумеется, благодать есть проявление свободной любви Господа, ведающего сердца человек, и никакие действия ни катехизатора, ни даже самого оглашаемого не могут «обеспечить» получение благодати. Однако катехизатор может (и должен) помочь оглашаемому очистить, приготовить свое сердце для принятия благодати и свидетельствовать ему о Христе и о христианской (церковной) жизни. В этом и состоит главная задача катехизатора.

Важные мысли, имеющие прямое отношение к данному вопросу, можно найти у св. Феофана Затворника. Св. Феофан указывает, что целью жизни человека является богообщение. При этом он различает виды богообщения: «Есть три вида богообщения: одно — мысленное, бывающее в период обращения, а другие два — действительные, но одно из них — сокрытое, невидимое для других и незнаемое самим, другое же — и для себя и для других явное» [17, с.177]. Св. Феофан ссылается на св. Диадона, который говорит: «Всесвятый Дух в начале усовершенания, если ревностно возлюбим добродетель Божию, дает душе вкусить сладости Божией всем чувством и удовлетворительно, для того чтобы ум имел точное познание о конечной награде богоугодных трудов» (цит. по [17, с.179]). По словам св. Феофана, «в таинстве Крещения или Покаяния Господь благодатью Своею входит внутрь человека, живо общается с ним и дает ему вкусить сладость Божества так сильно и ощутительно, как свойственно совершенным...» [17, с.177]. Очевидно, что здесь св.Феофан описывает не «сокрытое, невидимое для других и незнаемое самим» богообщение Крещения, а Крещение таковое, как оно должно быть, Крещение (воцерковление) как завершение церковной подготовки (оглашения), когда второй и третий вид богообщения совпадают.

Итак, в «нормальном» пути человека к Богу и в Церковь можно выделить следующие вехи. Обращение человека выражается в осознанном желании принять Крещение, оно связано с «мысленным» (не затрагивающим всего человека), хотя и вполне реальным, опытом богообщения и является моментом, завершающим период предложения (поиска и выбора). Далее должно следовать оглашение, являющееся составной частью таинства Просвещения, важнейшим моментом которого является принятие оглашаемым святого Крещения. Таинство Крещения всегда связано с принятием благодати Крещения, хотя, возможно, и «сокрытым». Если человек подготовлен к Крещению (оглашен), то наряду с этим крещаемый получает уже не «сокрытую», а явную себе и другим благодать, «вкушает сладость Божества так сильно и ощутительно, как свойственно совершенным...» [17, с.177].

Потом благодать отходит, лишь временами возобновляясь, «и то легко, как в отражении только, а не в подлиннике» [17, с.177], но память об опыте богообщения остается, что и позволяет человеку вновь и вновь искать Бога, стремиться к полноте богообщения, которое уже не отнимется. Без этой памяти, без этого, пусть краткого, но совершенного опыта богообщения человеку не на что опереться в своем пути к Богу. Чтобы «от радости о нем» можно было бы все отдать за сокровище Царства Небесного, надо сначала это сокровище найти (Мф 13: 44). Верные — это те, кто такой опыт, такую радость обрели и кто, поэтому, могут, ведомые благодатью, со страхом и трепетом совершать свое спасение (Флп 2: 12), зная, к Кому они стремятся.

Из этого вытекают важные следствия для проведения катехизации*. На первом и втором этапах оглашения, а тем более на предложении, катехумен еще не имеет совершенного опыта благодати, и от него нельзя требовать того, что может выполнять только верный, опираясь на личный опыт богообщения, иначе это приведет или к лицемерию, чисто внешним действиям, не затрагивающим сердца, или к тому, что человек вместо благодати начнет опираться на гордыню или тщеславие (что может привести к развитию гордыни и тщеславия). Так, большое внимание должно быть уделено исправлению оглашаемыми своих «жизненных вывихов», то есть вопросам этики, научению Закону Божию, «детоводителю ко Христу» (Гал

3: 24). Однако аскетических требований к оглашаемым предъявлять нельзя. Более того, если некоторые из оглашаемых уже практикуют аскетику, им можно порекомендовать отложить это до окончания оглашения.

Этика связана с исполнением Закона, с действиями, о которых можно однозначно сказать, совершил ты их или не совершил: украл или не украл, убил или не убил. Аскетика связана с мыслями, настроениями, желаниями: «раздражаюсь», «гневаюсь» и т. д. Но есть и другой аспект. Закон — для всех, для верующих и неверующих. При исполнении Закона человек явно видит награду, а при нарушении его — наказание. «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле...» (Исх 20: 12). «Упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их, а слушающий меня будет жить безопасно и спокойно, не страшась зла» (Притч 1: 32). Кто же, кроме безумца, не хочет жить «безопасно и спокойно»? Поэтому в оглашаемых очень быстро находят отклик слова, что можно жить не «как все», а по Закону, главное иметь решимость, и тогда очень быстро можно почувствовать облегчение, освобождение от гнета неправильной и несправедливой жизни, от греха.

Другое дело — аскетика. В конечном итоге она всегда связана с несением креста и не связана с внешним улучшением жизни, даже наоборот: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах» (Лк 18: 22). «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф 5: 11). Оглашаемые могут удивляться этому, восхищаться этим, это приблизит их встречу со Христом, но пока эта встреча не произошла, пока они не ощутили, что Царство Небесное приблизилось лично к ним, выполнить подобные заповеди они не могут: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди» (Ин 14:15). «Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих» (Ин 14: 24).

С этим же связана и невозможность на первых двух этапах оглашения всерьез затрагивать вопросы догматики. Без внутреннего опыта богообщения, без дара любви, которая «назидает», догматы, выражающие внутренний духовный опыт Церкви, становятся внешним знанием, которое лишь «надмевает» (1 Кор 8: 1). Отказ на первом этапе оглашения от молитвы по Молитвослову связан опять же с отсутствием у оглашаемых опыта богообщения, что может привести к внешнему, потребительскому отношению к церковным молитвам (к тому же насыщенным аскетическим опытом) и надолго закрыть возможность настоящей личной молитвы, богообщения. О невозможности для оглашаемых в нормальном случае участвовать в таинствах и говорить не приходится.

В случае «ненормального» катехумена, например, уже крещеного, то есть имеющего по крайней мере второй вид богообщения, «сокрытого, невидимого для других и незнаемого самим» оглашаемым, цель оглашения остается той же. То есть восполнение Крещения для уже крещеного, но не оглашенного катехумена связано прежде всего с получением им опыта третьего вида богообщения, «и для себя и для других явного» [17].

Несколько слов о различии первого и второго этапов оглашения.

Первый этап является подготовительным ко второму, это время накопления такого личного опыта, без которого второй этап может стать пустой формальностью. Для того, чтобы катехумен мог на втором этапе с пользой для себя воспринимать беседы на духовные темы, он должен к этому моменту уже на собственном опыте узнать, что все, что ему говорится, — не некие абстрактные истины, а нечто очень конкретное и имеющее решающее значение для его собственной жизни. Он должен перестать бояться других оглашаемых своей группы (они должны перестать ему «мешать»), даже почувствовать к ним некоторое доверие, то есть получить первичный опыт церковности. Он должен приобрести доверие к Евангелию,

полюбить его, «подружиться» со Христом. Он должен полюбить Закон, и его жизнь должна в определенной степени нормализоваться, тревоги и волнения должны отойти и не заглушать главное: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф 11: 15). Оглашаемый должен получить опыт свободы («Вера есть опыт свободы» [18, с.93]) и опыт послушания. Наконец, оглашаемый должен привыкнуть к языку, на котором Церковь выражает свой духовный опыт, и найти язык, на котором он может выразить свой опыт.

Второй этап — это время сеяния в уже подготовленную почву. Для оглашаемых (и катехизаторов) это время поста, время сугубых усилий покаяния.

Третий этап оглашения, таинствоводство, светлая седмица крещеных и воцерковленных, является тем временем, когда человек может в полноте получить опыт благодати, когда с ним можно начать говорить о догматах, о таинствах, о цели христианской жизни, об аскетике...

А затем наступает «пустыня», время преодоления искушений, проверки веры, но прежде всего — время нахождения своего служения, принятия своего креста. Из «пустыни» выходят только с крестом на плечах. Пусть и небольшим, посильным, в меру усвоенной благодати.

2. Этапы оглашения и огласительная литература. Период оглашения связан с концентрацией усилий на самом оглашении, а следовательно, с самоограничением, в том числе в чтении. После воцерковления круг рекомендуемой литературы резко расширяется, однако и в это время — «все мне позволительно, но не все полезно» (1 Кор 6: 12). С другой стороны, возрастает число книг, которые читать «уже не надо», так как опыт, содержащийся в них, уже не актуален. Есть и такие книги, которые можно и нужно читать на всех, или почти на всех, этапах, их глубина раскрывается лишь постепенно. Так, даже после воцерковления может возникнуть потребность обратиться к книгам предостережительным и т. п. В этом нет ничего странного или, тем более, страшного.

На восприятие конкретной книги конкретным человеком могут влиять самые различные факторы — культурные, национальные, возрастные, какие-то особенности биографии и т. д. Вспомним рассказ митрополита Сурожского Антония о женщине, которая пришла в ужас от таких привычных для нас слов владыки Антония, что «Бог есть наш Отец». Оказалось, «что ее отец был садист, замучивший всю семью, — для нее слово ‘отец’ значило только это, ничего другого» [4, с.45]. Катехизатор не может этого не учитывать.

Однако книга не должна обязательно «ублажать». Далеко не всегда как бы неприятие данной книги означает действительное отвержение. Если человек после первых же строк «не может» читать книгу — ничего не поделаешь. Но если он спорит с ней, сопротивляется ей, но читает, то, значит, она задела его за живое. Настоящее покаяние, изменение всегда связано с некоторой болью, преодолением чего-то «родного и близкого», со встречей некоторого опыта, который «не ложится» в привычные представления и поэтому вызывает протест. Бессмысленно читать книги, к которым остаешься равнодушным.

Для катехизатора же очень важно не говорить и не советовать читать оглашаемым того, что они еще не могут понести, не накладывать на них «бремена неудобноносимые» (Лк 11: 46). Вообще, искусство катехизации — это во многом искусство сдерживания себя, самоограничения в слове. («Братья мои! Не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению, ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело» [Иак 3: 1-2].)

Рассмотрим теперь, как различия в этапах оглашения отражаются на принципах выбора огласительной литературы.

2.1. Предложение (миссия). Миссионерская литература очень многочисленна, очень разнообразна, и при этом ее катастрофически не хватает. И дело тут отчасти в том, что само предложение может пониматься в двух различных смыслах. Предложение в широком смысле слова — это помощь человеку в знакомстве и принятии всего того, что проросло в мире благодаря христианству, но что, возможно, не содержит полноты христианской веры: проявления свободы и любви, христианская культура, христианская нравственность и т. д. Все это является одной из форм свидетельства присутствия христианства в мире. Если человек принимает его — это прекрасно, неосознанно он этим служит Христу; это может явиться его первым шагом на пути к воцерковлению, однако субъективно при этом он может быть и очень далек от Церкви и даже «не знать» Христа. Литература, миссионерская в широком смысле, — это литература, так или иначе свидетельствующая о Христе, но не прямо, а «косвенно». И подобной миссионерской литературы — целое море. За две тысячи лет христианство дало обильные всходы в человеческой культуре (что часто совершенно не осознается самими деятелями культуры). Такова, например, почти вся русская классическая художественная литература. По словам о. Александра Шмемана, «тот человек, о котором говорит эта литература и к которому обращена, есть человек христианский не в смысле его нравственного совершенства, а в смысле той глубины, того освещения, в которых она его 'чувствует' и 'описывает'» [21, с.385].

Миссионерство в узком смысле слова, или просто миссионерство, — это проповедь Христа, свидетельство о христианской вере и жизни, о Церкви. (Конечно, такое деление условно.) И такой литературы очень не хватает, потому что подобное свидетельство тяготеет к устной форме, к личной беседе, диалогу, когда человек может свидетельствовать не только словами. «В этом диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [2]. Не случайно, лучшие опубликованные современные миссионерские тексты [23–25] представляют собой запись устных выступлений, бесед.

Проблемы этого этапа. У людей не хватает христианского духовного опыта, они нуждаются в свидетельстве об этом опыте. С другой стороны, они, фактически все, обладают другим опытом, «призрачным и пустым опытом лжи» [18, с.81], который должен быть разрушен. Миссионерство всегда связано и с разрушением старого («отстави от него ветхую оную прелесть...» — молитва Требника «во еже сотворити оглашенного»), и с созиданием нового («...и исполни его еже в Тя веры, и надежды, и любви» — там же). Надо понимать, что главное, безусловно, — созидание. Более того, без созидания нового вряд ли удастся (см. по этому поводу [22]), да и не безобидно («...и бывает для человека того последнее хуже первого» (Мф 12:45)) разрушить старое. Можно сослаться также на слова замечательного миссионера прошлого века архимандрита Спиридона: «Я... понял, что значит обокрасть духовно человека, лишить его самого для него ценного, вырвать и похитить у него его святое святых, его природное религиозное мировоззрение, и взамен этого ничего ему не дать, за исключением разве лишь нового имени и креста на грудь» [15, с. 47].

Так о чем же должна говорить миссионерская литература и о чем не должна она говорить? Миссионер должен свидетельствовать о Христе и Церкви, о человеке во Христе и в Церкви. Он должен говорить на понятном для нецерковных людей языке, опираться на их реальный опыт. Он должен как можно меньше касаться форм и исторических особенностей христианской жизни, «христианского быта». Любые формы всегда относительны, они определяются содержанием и могут оказаться узкими для конкретного человека. Миссионер должен быть открытым к оглашаемым, не предвосхищать действия Божиего в них**. Он должен вести людей ко Христу, но (первая заповедь миссионера) не должен вести к себе и своему «кружку», то есть не должен становиться на путь сектантства. (Характерен ответ Н. Бердяева «миссионерам»: «Вы можете иметь для меня огромное значение, многое мне давать, но мое окончательное

спасение не зависит даже от факта вашего существования или несуществования в мире» [26, с. 311]. Катехизаторам об этом никогда не следует забывать. Оглашенным же, со своей стороны, надо быть благодарными своим катехизаторам.)

Нужно ли при этом (а также на первых двух этапах оглашения) говорить о кресте? Ответ можно найти в Евангелии: «прочим в притчах...» (Лк 8: 10).

2.2. Оглашение на первом этапе. Первый этап оглашения — это чтение Писания (первые три Евангелия, Притчи Соломона, Книга премудрости Соломона, Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, Псалтирь, позже — Бытие, Исход, Второзаконие, еще позже — Пророки), научение этике Закона («исправление жизни»), встречи с катехизатором, личная молитва, посещение храма. Нормально при этом вообще больше ничего не читать, чтобы не рассеивать силы. Если чтение Евангелия «не идет» вследствие непривычности текста, можно порекомендовать прочитать сначала книги о. Александра Меня «Сын Человеческий» или Ч.Г. Додда «Основатель христианства», чтобы от этих книг перейти к чтению Евангелия.

Проблемы этого этапа: идолопоклонство (самого различного типа), страх (порождающий закрытость и индивидуализм), в том числе страх свободы, отсутствие навыков (медленного) чтения, букеты суеверий, привычка к идеологизмам и штампам.

2.3. Оглашение на втором этапе. Лучше всего читать только Библию и то, что рекомендуется для подготовки к конкретным беседам (см. [8]).

Проблемы этого этапа: страх, закрытость.

2.4. Таинствоводственный этап. Очень краток (одна неделя). Желательно успеть прочитать весь Новый Завет или хотя бы Евангелие от Иоанна. На чтение чего-либо еще времени обычно не остается.

2.5. «Пустыня» и первый год после оглашения. «Пустыня» может длиться и не сорок дней, а гораздо дольше. К тому же, в проблемах «пустыни» и дальнейшей жизни в Церкви в первое время (условно — в первый год) по воцерковлению есть много общего. Как сохранить благодать? Выполнять заповеди Закона Божиего? Или этого недостаточно?

Вспомним вопрос богатого юноши ко Христу: что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Все это — исполнение заповедей ветхозаветного Закона — сохранил я. Чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: одного недостает: все, что имеешь, раздай (а не храни для себя) и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи и следуй за Мной (Мф 19: 16-21; Мк 10: 17-21; Лк 18: 18-22). Другими словами, только безвозмездно отдавая другим то, что имеешь (не обязательно только материальное), то есть только в служении можешь следовать за Христом. А служение неотделимо от принятия на себя ответственности.

В этот период нередки сомнения в собственной вере. Поэтому очень важны такие книги, как «Старец Силуан», «С нами Бог» С.Франка, проповеди митрополита Сурожского Антония. Нововоцерковленный нуждается в осмыслении полученного на оглашении нового личного опыта, соотнесении его с опытом Церкви. Перед ним стоит задача дальнейшего приобщения к полноте богатейшего и разнообразнейшего церковного предания, в том числе и касающегося аскетике, воцерковления всех сторон своей жизни.

Особое значение приобретает освоение богословской грамотности, что невозможно сделать как без личного опыта церковной жизни, так и без целенаправленного чтения. Тут очень важны слова о. Георгия Флоровского: «Наступает, и уже наступило, время открытого спора и

тяжбы о душах человеческих. Наступает время, когда воистину каждый вопрос знания и жизни должен иметь и получать христианский ответ, должен быть включенным в синтетическую ткань и полноту исповедания. Наступает время, когда богословие перестает быть личным или 'частным делом', которым каждый волен заниматься или не заниматься, в зависимости от своей одаренности, влечений, вдохновения. В нынешний лукавый и судный день богословие вновь становится каким-то 'общим делом', становится всеобщим и католическим призванием...» [19, с. 516-517].

3. Комментарии к некоторым книгам, рекомендуемым для чтения оглашаемым.

3.1. Предоголашение (миссия).

Прот. Александр Шмеман. Воскресные беседы. 1969-1974. // Новый мир, 1994, № 11, с. 183-199. (Не следует путать эту публикацию с книгой того же автора под тем же названием.)

Прот. Александр Шмеман в течение многих лет на радиостанции «Свобода» по воскресным дням проводил беседы на христианские темы. Данная публикация является записью десяти таких бесед.

Любая миссионерская проповедь рассчитана на свою аудиторию. Это становится совершенно очевидным при сравнении, например, речи апостола Петра перед «мужами Иудейскими» (Деян 2: 14-36) и речи апостола Павла в афинском ареопаге (Деян 17: 22-31). Беседы о. Александра были предназначены для советских слушателей радио «Свобода» 70-х годов. Однако они нисколько не устарели и являются замечательным примером современной миссионерской проповеди.

Все начинается с максимально глубокой, но вполне понятной для неверующих «общечеловеческой» постановки вопроса. Тон беседы очень серьезен. Жажда найти ответ относительно смысла жизни — это не блажь, не проявление «болезненности» и слабости. Религия — это не нечто провинциальное, маргинальное, экзотическое. Религиозный вопрос — это основной вопрос для всякого человека. И тут же возникает тема полноты: ищется не просто один из ответов, а «тот ответ, который сумеет объять собой всю бесконечную глубину...»

Вначале о. Александр даже не употребляет слов «Бог», «христианство». Религиозная терминология вводится постепенно, например, слова «вера», «душа», но они тут же поясняются простым языком, причем не банально, предстают в неожиданно новом свете и уже не могут восприниматься как нечто привычно-непонятное, «проскакивающее», без того чтобы задуматься о смысле слова. Как непривычно для «школьного» богословия, как не затерто, как понятно для каждого и при этом очень точно и конкретно звучат слова о. Александра!

Возникает тема человека, личности. И тема не-личности, то есть в широком смысле слова тема идеологии. Формулировки очень сильные, смелые, «со властью». И сразу идет размежевание не только с «атеизмом», но и, очень тактично, но очень решительно, с ложной религиозностью, религиозной идеологией.

Заканчивается же все вдохновенным гимном пасхальной радости: «Христос воскрес! Еще раз суждено нам было дожить до этого праздника праздников и торжества торжеств. 'Христос воскрес!' Два слова! Ни объяснений, ни доказательств. 'Воистину воскрес!' И принимает сердце, принимает эти два слова что-то самое глубокое и подлинное в нас. Отступает ночь, и вступаем мы в ликование Пасхи, и узнаем знанием несомненным и неопровержимым, что еще раз на наших глазах совершилась победа. Победа над злом, победа над тьмой, победа над ненавистью, победа над страхом, победа над смертью. Нам нечего противопоставить всей этой

злобе, кроме вот этой пасхальной радости. Мы ничего не можем ни доказать, ни объяснить — не можем и не хотим. Но если есть на земле доказательство, то вот оно — пасхальная ночь, пасхальная радость, пасхальный свет. Не бойся, малое стадо! Ибо возвещается сегодня победа всем слабым, всем маловерным, всем тем, кто постился и не постился, кто ждал и не ждал, кто желал этой победы и кто не чаял ее. Всем открыта дверь, на всех льется этот свет и эта радость: Христос воскрес!»

Т. Кун. Структура научных революций. М., Прогресс, 1977, 300 с.

Это одна из тех книг, цель которых, с точки зрения предложения, состоит прежде всего в разрушении недолжного, а не в созидании должного.

В наше время значительное число людей подвержено позитивистскому суеверию «научности», суеверию всеобщности, «объективности» и абсолютности истин науки. И это часто мешает им в их пути к Богу. «Научность» — это некая картина мира, не оставляющая места для Бога. Но такой взгляд на мир критикуют не только верующие, но и сами ученые, философы, которые лучше всех других знают относительный характер истин, с которыми имеет дело настоящая наука. И книга Т. Куна — один из наиболее известных и блестящих опытов подобной критики. Конечно, ее можно рекомендовать не всем, а только тем, для кого язык современной науки достаточно привычен.

М.Бахтин. К переработке книги о Достоевском. // В кн.: М.Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979, с.308-327 (есть и другие издания).

Михаил Михайлович Бахтин — замечательный русский философ, к сожалению, известный не столь широко, как того заслуживает. Отчасти это объясняется тем, что он оставил не очень большое по объему наследство, к тому же писал он чаще всего в жанре литературоведения. Не всегда легко разобрать, когда Бахтин пишет, например, о взаимоотношениях автора и героя литературного произведения, что в конечном итоге он пытается описать взаимоотношение Бога и человека. Лишь в последние годы появляются работы на тему «Бахтин и Православие» и т. д.

Тем не менее Бахтин во многом предвосхитил современную проблематику православного богословия, прежде всего христианскую антропологию в противопоставлении ее любой теософской и гностической антропологии. Недаром у современных православных богословов, особенно у митр. Сурожского Антония, Оливье Клемана и митр. Пергамского Иоанна (Зизиуласа), наблюдается явная перекичка с идеями Бахтина, а иногда даже почти дословное их повторение. Поэтому одна из «простых» работ Бахтина, близкая по своим идеям современной православной антропологии, но не пугающая неверующих богословской терминологией, может быть рекомендована для целей предложения («в широком смысле»). Конечно, она годится только для тех, кому не скучно читать литературоведческие работы.

С.И.Фудель. Дар выбора. Из писем к сыну с 1946 по 1961 г. //Новая Европа, 1993, № 4, с.35-56.

«Новая Европа» опубликовала две подборки писем С.И.Фуделя к сыну (№ 3 и № 4 за 1993 г.). Письма, включенные в первую подборку, написаны, так сказать, «о жизни» и по существу передают очень глубокий и своеобразный аскетический опыт. Эту подборку писем можно рекомендовать для чтения новоцерковленным. Вторая подборка, указанная в заголовке раздела, посвящена вопросам искусства и соотношения искусства и веры. Она может быть рекомендована для предложения.

3.2. Таинствоводственный этап.

Прот. Александр Шмеман. Об исповеди. // В кн.: Перед исповедью. М., Свято-Филаретовская МВПХШ, 1995, с. 11-19 или в кн.: Православный церковный календарь. 1995. Санкт-Петербург, Сатисъ, с. 154-161.

Краткая, вполне доступная новоначальным христианам и, с другой стороны, очень богословски глубокая беседа о таинстве Покаяния, об исповеди. Критика формально-юридического и «психологического» подхода к исповеди. История таинства Покаяния. Неоднозначность понимания слова «покаяние». Изложение очень простое и точное.

3.3. «Пустыня» и первый год после оглашения.

Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. предисл. С.С.Аверинцева. М., Наука, 1988, 408 с.

Для некоторых людей, входящих в Церковь, определенные трудности представляет молитва по Молитвослову на церковнославянском языке, точнее, соотнесение этой молитвы с молитвой «своими словами». Некоторым «промежуточным звеном» может оказаться книга Григора Нарекаци, очень поэтичная, хорошо переведенная на русский язык и при этом во многом напоминающая молитвы из Молитвослова.

Община в Православии. Сборник материалов ежегодной встречи Преображенского братства. М., МВПХШ, 1994, 156 с.

Для новоцерковленных христиан дальнейшее воцерковление связано в значительной степени с вхождением в конкретную общину или с созданием общины. Доступной литературы на эту тему почти нет. Данная публикация, отражающая реальный опыт жизни Преображенского братства, является одной из немногих, могущих помочь в этом отношении.

4. Заключение. Тема, разумеется, не исчерпана. Оправданием настоящего материала служит лишь то, что работ, обсуждающих современный опыт катехизации и, в частности, использования огласительной литературы, чрезвычайно мало. Остается открытой большая тема соотношения общих рекомендаций и конкретных особенностей при выборе литературы. Ощущается неотложная необходимость дальнейшего обсуждения затронутой проблемы и, в частности, издания подробно аннотированного списка огласительной литературы, предназначенного для катехизаторов и для катехуменов.

Использованная литература

1. Прот. Николай Афанасьев. Вступление в Церковь. М., Паломник, 1993, 206 с.
2. М. Бахтин. К переработке книги о Достоевском. // В кн.: М.Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 1979, с. 308-327.
3. Митр. Сурожский Антоний. Беседы о вере и Церкви. М., Интербук, 1991, 320 с.
4. Митр. Сурожский Антоний. Дом Божий. Три беседы о Церкви. М., Путь, 1995, 50 с.
5. Братство в Православии. Сборник материалов ежегодной встречи Преображенского братства. М., 1993, 116 с.
6. П. Иванов. Тайна святых. Введение в Апокалипсис. М., Паломник, 1993, 624 с.
7. О. Клеман. Истоки. М., Путь, 1994, 384 с.

8. Свящ. Георгий Кочетков. Возможная система оглашения в Русской Православной Церкви в современных условиях. 2-е изд., испр. М., 1994, 32 с.
9. Свящ. Георгий Кочетков. Возможная система оглашения в Русской Православной Церкви на современном этапе // Православная община, 1991, № 3, с. 25-45.
10. Свящ. Георгий Кочетков. Программа II курса МВПХШ (Московской высшей православно-христианской школы) // Православная община, 1991, № 6, с. 30-34.
11. Свящ. Георгий Кочетков. Таинственное введение в православную катехетику (пастырско-богословские принципы и рекомендации совершающим крещение и миропомазание и подготовку к ним). Дисс. М., 1986, 199 с.
12. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., Мысль, 1993, 528 с.
13. Ранние отцы Церкви. Антология. Брюссель, Жизнь с Богом, 1988, 734 с.
14. Дж. Реале и Д. Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. Кн. I. Античность. Санкт-Петербург, Петрополис, 1994, 322 с.
15. Архим. Спиридон. Из виденного и пережитого. Воспоминания проповедника-миссионера в Сибири. Рига, Балто-славянское общество культурного развития и сотрудничества, 1993, 128 с.
16. Требник. М., Троице-Сергиева Лавра, 1992.
17. Еп. Феофан (Затворник). Путь ко спасению. М., 1899, 348 с. (Есть современный репринт.)
18. Г.В.Флоровский. Метафизические предпосылки утопизма. // Вопросы философии, 1990, № 10, с.78-98.
19. Прот.Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991, 602 с.
20. Чин Крещения и Миропомазания. Церковнославянский текст с русским переводом. Перевод на русский язык Анри Волохонского. М., 1994, 66 с.
21. Протопр. Александр Шмеман. Исторический путь Православия. 3-е изд. Париж, YMCA-PRESS, 1989, 388 с.
22. Б.П.Вышеславцев. Этика преображенного эроса. М., Республика, 1994, 368 с.
23. Прот. Александр Мень. Христианство. Лекция 8 сентября 1990 г. // В кн.: Александр Мень. Культура и духовное восхождение. М, Искусство, 1992, с. 11-26.
24. Первая открытая встреча в Огласительном училище при МВПХШ (январь 1994 года). // Православная община, 1994, № 4-5 (22-23), с. 87-102.
25. Протопр. Александр Шмеман. Воскресные беседы. 1969-1974 // Новый мир, 1994, № 11, с. 183-199.
26. Письма Николая Бердяева. // Минувшее, 1992, № 9, с. 294-325.

* В словосочетании «огласительная литература» есть некоторое противоречие; мы пошли на

это, чтобы избежать сложной конструкции: «литература, которая может быть рекомендована оглашаемым».

** Одно из главных искушений миссионера и катехизатора – это пытаться «сформировать» из оглашаемых неких «стандартных» православных христиан. Следует удержаться от этого. Нужно стремиться помочь оглашаемому раскрыть то, что в нем заложено Богом, помочь найти каждому свое место в Церкви.

Священник Сергей Самуилов: О Богослужении на русском языке

Миссионерство и катехизация

Для нашего темного народа храм служит единственным местом, где он может учиться вере и благочестию. Но, к сожалению, наше богослужение не имеет на него надлежащего влияния по причине своей непонятности. Оно во многих случаях убивает в человеке дух, тушит искру Божию, доводит до того, что человек начинает славить Бога только одними устами, шептать без смысла усвоенные им, часто в искаженном виде, слова молитвы. И сбывается на них слово Писания: «Приближаются ко Мне люди сии усты своими и устами чтут Мя, сердце же их далече отстоит от Меня, все же чтут Мя». От беспросветной темноты религиозной воцарился в народе дух буквы, дух обрядоверия, если не хуже, не фарисейского лицемерия, и нет места живой свежей мысли.

И самое наше поучение отчего стало малодейственным? Оттого, что в нас самих, пастырях, огонь Божественный не горит, а только тлеет под пеплом мирской суеты и религиозного равнодушия. И этот пепел мы не в силах смести, смыть слезами умиления, потому что для этого нужна взаимная поддержка, так как для многих молитва при непонятном богослужении заключается в кресте, поклоне и бессмысленном произнесении слов. Тут не может быть подъема духа и сердечного умиления, способного одним своим видом действовать благотворно. Обыкновенно наше богослужение проходит спокойно, без волнения с чьей-либо стороны, и к тому времени, когда проповедник выходит на амвон, большинство бывает занято если не своими мыслями, то механикой молитвы, и нужен действительно громадный запас духовной энергии, чтобы возбудить духовно спящих. И причина такого печального положения — непонятность богослужения, славянский язык богослужения.

Необходимо сделать богослужение доступным пониманию простецов, чтобы оно действительно могло быть уроком веры и благочестия. Эта необходимость еще очевиднее ввиду повсеместно распространяющегося влияния на народ сектантства: сектанты тем ведь и привлекают народ, что у них богослужение понятно для всех. И идут к ним чаще самые хорошие люди, которых не удовлетворяет непонятное православное богослужение.

Рассмотрим главнейшие возражения против совершения богослужения на русском языке.

1. Славянский язык, говорят, возвышенный, и нельзя передать русским языком того, что с удобством передается по-славянски. С переводом на русский язык богослужение, де, потеряет свою прелесть. С первым положением можно согласиться только в том случае, если поставить требование переводить как можно ближе к славянскому тексту. А между тем это и не требуется: ведь русский язык отличен от славянского по оборотам речи, по расстановке слов и т. п., и если при переводе строго держаться славянского текста, то тогда будет повторена старая ошибка прежних переводчиков богослужебных книг, которые в славянском переводе

оставили многие обороты речи и расстановку слов греческого языка и тем затемнили смысл. Но кто из нас скажет, что русским языком нельзя передать какую-либо «мысль», которую можно передать славянским? Можно передать всякую мысль, хотя бы и не тем оборотом речи.

Что же касается мысли, будто с переводом на русский язык богослужение теряет свою прелесть, то как на факт, достаточно опровергающий ее, укажу на перевод Библии: потерял ли язык Библии свою красоту и привлекательность с переводом на русский? Нет.

2. Второй довод в пользу славянского языка тот, что такие великие мужи, как святые Кирилл и Мефодий, избрали его для богослужения. Но этот довод служит скорее в пользу русского языка, если принять во внимание, что славянский язык во времена свв. Кирилла и Мефодия был языком общепотребительным, разговорным.

3. Еще указывают на то, что простой народ, будучи не в состоянии участвовать в богослужении умом, может участвовать и участвует в нем сердцем. О, если бы действительно участвовал, тогда была бы возможность признать за этим указанием хотя бы небольшую долю убедительности. Теперь, как показывает жизнь, являются исключением те случаи, когда простые люди участвуют в молитве сердцем. То же обстоятельство, что богослужение делается доступным уму, не может мешать ему, а напротив поможет благотворно влиять и на сердце. Есть некоторые места в славянских богослужебных книгах, способные не поднять дух человека, а наоборот, уронить именно своей непонятностью. Приведу, к примеру, хотя, известный ирмос канона на Рождество Христово: «Любити убо нам яко безбедное страхом, удобее молчание, любовию же Дево, песни ткати спротяженно сложенные неудобно есть: но и Мати силу елико есть произволение даждь».

4. Заслуживает более подробного разбора четвертое возражение против перемены богослужебного языка; оно заключается в том, что от подобной реформы может произойти раскол. Но обращаю внимание на то, что предлагаю ходатайствовать «о разрешении», а не «о предписании»: никто из пастырей не будет стеснен, не будет обязан совершать богослужение непременно по-русски, от него будет зависеть, сообразуясь с желанием и степенью подготовленности к тому своих пасомых, начать замену богослужебного языка в своем храме или пока оставить прежний. Но несомненно найдутся места (например, города и села с сектантским элементом населения), где прихожане с радостью пожелают иметь у себя богослужение на русском языке. А раз такие примеры появятся, то и более закоснелые из примера поймут пользу означенной реформы. Конечно, пастырь каждого прихода должен быть на стороже и следить за тем, как отнесутся к таким первым примерам его прихожане, и должен объяснить, что греха в том нет, а польза большая, что первые опыты замены славянского языка в богослужении русским не произведут нового раскола. Приведу следующие соображения: 1) Все старообрядцы (говорю о старообрядцах потому, что от них как сторонников буквы можно ожидать большего противодействия) знают, что богослужение на славянском языке начало совершаться не так давно, что раньше оно совершалось и на греческом, и на еврейском языках, и следовательно, о канонических запрещениях речи быть не должно. 2) У живущих среди нас инородцев (чуваши, мордва и другие) богослужение совершается на их родных языках, об этом все знают и этим не смущаются. 3) В нашей семинарии, когда я учился, по примеру некоторых духовных академий (московской и, кажется, казанской) ежегодно совершалась литургия на греческом языке, совершалась торжественно, привлекала массу слушателей, и никогда ни от кого не приходилось слышать, чтобы этим соблазнился кто-либо, хотя бы живущие в Самаре старообрядцы (масса слушателей приходили не молиться, а из любопытства, ибо они не знали греческого языка. Старообрядцы и вовсе не знали, что творится в семинарской церкви — им дела нет). 4) Наконец, случай из моей практики. Желая узнать взгляд старообрядцев, я задал одному из них вопрос: «Грех ли

совершать богослужение по-русски». И получил отрицательный ответ: «Какой же грех? Так только привыкли мы».

Правда, в настоящее время народ к такой реформе богослужебного языка не подготовлен, но отчего не подготовлен? Скажите — видел ли кто-либо из нас хотя бы одного пастыря, который объяснял бы народу пользу русского богослужения, слышал ли кто хоть одну проповедь на эту тему? Думаю, что никто из нас ничего подобного не видел и не слышал, и не потому, что нужна сначала санкция высшей власти духовной, чтобы начать действия в этом направлении. Духовенство молчало об этом, потому что вполне естественна и разумна боязнь пастыря создать известное настроение среди пасомых, убеждать их хотя бы в том, что русское богослужение желательно и полезно, а потом не иметь возможности это желание осуществить. Такова причина неподготовленности народа. Как только она будет устранена, быстрым темпом пойдет развитие в массе сознания пользы русского богослужения. Оно ведь и теперь все-таки развивается, только не под влиянием духовенства, а под влиянием сектантства.

От неподготовленности все-таки далеко до раскола. Насколько мне позволяет иметь суждение мой небольшой житейский опыт, я думаю, что в некоторых приходах это нововведение даже теперь не принесло бы ничего, кроме пользы. Нужно только с постепенностью осуществлять его. К тому же теперь у нас нет и средств сразу в полной мере осуществить этот проект, нет переводов большинства богослужебных книг. Кроме перевода Священного Писания, мы имеем едва ли не единственную попытку в данном направлении со стороны преподавателя тобольской духовной семинарии Ивана Ловягина, который перевел воскресные песнопения октоиха всех гласов. Вот если бы было дозволено употреблять при богослужении хотя бы существующий перевод, это было бы первой и самой действительной подготовкой, а вместе со спросом явилось бы и предложение: нашлись бы люди, которые приложили бы свое знание на дело перевода богослужебных книг.

Введение в употребление при богослужении русского языка не только не произведет раскола, но наоборот, отнимет у многих, ныне колеблющихся, повод уходить в сектантство.

Теперь я скажу несколько слов о том, как, по моему мнению, можно произвести замену славянского языка в богослужении русским. Сразу этого делать нельзя, во-первых, потому, что, как я раньше заметил, нет переводов, а во-вторых, потому, что поспешность при введении реформ, касающихся богослужения, может быть очень опасна. Мы знаем, к каким печальным результатам привела поспешность при введении в употребление исправленных богослужебных книг во времена патриарха Никона. Недостаток в переводах богослужебных книг несомненно восполнится, как только будет на них спрос, как только будут использованы существующие переводы. А для предупреждения образования раскола нужно поставить за правило вводить русский язык не иначе как с согласия прихожан, которых нужно к тому готовить проповедями с церковной кафедры и частными беседами. Так как в приходе часто бывает трудно достигнуть того, чтобы желание было единодушным у всех прихожан, то русский язык можно вводить только в том случае, если на это будет согласно большинство. Но и желание меньшинства может быть игнорировано только в том случае, если им не ведется сильной агитации против русского языка, если оно может помириться на том, что ему останется славянское богослужение и после введения русского. Если же окажется, что в известной местности противники реформы будут возбуждать народ и будет грозить опасность, что реформа послужит поводом к уклонению от церкви хотя бы одного человека, то в таком случае лучше пока остаться со славянским богослужением. Что касается взгляда на реформу со стороны старообрядцев и других церковных отщепенцев, то его можно без вреда для Православия совершенно игнорировать. Ведь подлаживанием под их вкусы их все равно не спасешь, не обратишь в Православие, а православных лишишь очень многого. Вообще, от пастыря должно

зависеть, когда начать реформу.

Начать введение русского богослужения естественно с городов и сел с сектантским населением. В городах это тем более удобно: там имеется несколько храмов. Если в одном из них будет совершаться служба по-русски, то не желающие на ней присутствовать могут идти в другой храм. Но если бы в городе все приходы изъявили желание ввести русское богослужение, то тогда на первых порах нужно было бы установить очередь, чтобы в некоторых храмах служба совершалась по-славянски и переход к русскому языку не был очень резок.

В селе же после первой русской службы нужно продолжать служить по-славянски, а в это время прислушаться, нет ли где опасности, не смущает ли это кого-либо из православных. Если ничего подобного не замечено, можно опыт повторить, например, через месяц или два, потом еще и еще... Когда народ привыкнет к русскому богослужению, не нужно все-таки сразу бросать славянского, но выводить его с той же постепенностью, с какой вводилось русское. Если даже оно и останется в виде исключения, если, например, оно будет совершаться по желанию отдельных лиц в будничные дни, то это не беда.

Кроме того, постепенность может выражаться в том, что на первых порах не вся служба будет совершаться по-русски, а только некоторые ее части, например, по-русски прочитываются только Евангелие и Апостол. Через некоторое время к этим русским элементам можно прибавить еще русское чтение псалмов, паримий, затем пение некоторых молитвословий и т.д.

В заключение я должен сообщить вам, отцы и братья, что и его преосвященство, очевидно, принципиально ничего не имел против введения русского богослужения, и если съездом будет возбуждено по изложенному вопросу ходатайство, мы встретим со стороны его преосвященства поддержку. Таковая надежда основывается на том, что на мое прошение о разрешении готовить народ к перемене богослужебного языка последовала резолюция преосвященнейшего Константина: «Удовлетворить просьбу священника Самуилова не в моей власти».

Ввиду всего вышеизложенного предлагаю съезду духовенства должным порядком возбудить о том ходатайство перед Святейшим Синодом.

* Примечание к данной публикации в «Миссионерском обозрении», 1907, № 9, с. 1339-1342: «Из доклада, прочитанного на благочинническом съезде 2-го округа Николаевского уезда Самарской епархии 12 июня 1907 г. священником с. Острой Луки о. Сергием Самуиловым. Духовенство округа в обсуждение сего вопроса не вошло по русскому обычаю «моя хата с краю ничего не знаю» с готовностью добавить: «и знать не хочу», но плачевное состояние наших приходов как бы не заставило нас знать и кой-чего поработать на пользу Св. Церкви. Все народы славят Бога на родном языке, а мы, русские, на чужом нашему пониманию на языке наших предков «славян», тысячу лет до нас живших. Отчего это? - Священник Андрей Вшивцев». Весной 1923 г. на таком же съезде о. Сергей один открыто выступил против обновленчества (об этом пастыре, исповеднике веры, см. «Отцовский крест», СПб., Сатисъ, 1996). Заметим, что на необходимость пересмотра и исправления богослужебных книг со стороны языка и изложения указывал и сам преосвященный Самарский Константин (Булычев), см. «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», I, СПб., 1906, с. 440.

Священник Георгий Кочетков: Русская

культура и Православие сегодня

Богословие и философия

Уважаемые дамы и господа!

Дорогие братья и сестры!

Я нисколько не обольщаюсь тем, что в одном, столь небольшом докладе можно раскрыть эту тему всесторонне. Хотелось бы только поделиться сегодня с вами мыслями, которые волнуют и обжигают душу, мыслями об актуальнейших проблемах нашей жизни, связанных и с русской культурой, и с Православием. Ведь, конечно, каждый человек, живущий в нашей стране, даже если сам он не исповедует Православие или не причисляет себя к людям русской культуры, неизбежно с этим сталкивается, сталкивается всерьез и очень глубоко.

1. Когда мы говорим о русской культуре и когда мы говорим о Православии, то изначально предполагаем, что есть некая константа, есть какие-то четко очерченные границы того и другого и что мы знаем вообще-то о чем говорим. Но первый печальный факт, который мне придется сейчас констатировать, заключается в том, что, по-моему глубокому убеждению, этой реальности не существует, что это некий самообман, мираж. Увы, сейчас, именно сейчас, а не вообще, мы должны признать, что границы русской культуры размыты, так же как ныне размыты и границы российского Православия. И поэтому когда мы говорим о русской культуре, так же как и о российском Православии, мы очень часто рассуждаем о вещах, не вполне идентичных, не вполне тождественных, т. е. подразумеваем под ними разное. И уж тем более изнутри структурируем, характеризуем эти вещи по-разному.

Размытость границ столь важных реалий заставляет задуматься: а откуда, собственно, это произошло? И что заставляет нас так беспокоиться об этом? Мне кажется, что произошел один печальный сдвиг, который сейчас очень хорошо виден всем, кто связан с русской культурой и с российским Православием не просто внешним образом. В жизнь русской культуры и российского Православия вошли чуждые элементы и, что самое страшное, они стали восприниматься в них как свои. Во имя русской культуры и во имя российского Православия часто делаются вещи, которые никак не могут быть соотнесены с ними. Но не только элементы чуждые русской культуре и российскому Православию как бы вошли в эти реальности и стали восприниматься как свои, часто свое стало восприниматься в них как чужое. Очень многие качества, которые прежде ценились как важнейшие, образующие самое это явление, качества, внутренне традиционные, стали отчуждаться.

Под подозрение нередко попадает главное — живая преемственность и ответственность за всю свою историю и всю палитру современной жизни и современных проблем. Под подозрение взята также вселенская отзывчивость и устремленность к открытости, к полноте самореализации русской культуры и российского Православия. Под подозрение берется даже то, что, кажется, и невозможно подозревать в общечеловеческом контексте ни в чем дурном: подозревается стремление к свободе, любви, творчеству. Ныне существует масса обскурантистских движений, которые ведут борьбу с этими качествами, и делают это именно во имя русской культуры, столь специфически ими понятой, и во благо российского Православия.

2. Это не просто констатация печального факта. Мне представляется, что отсюда вытекает очень существенный для нас вопрос: а существует ли сейчас преемственная с тысячелетним прошлым русская культура, и существует ли на нашей земле также преемственное с

тысячелетним прошлым российское Православие? Иногда такие вопросы уже ставятся, но слишком политизированно, слишком внешне, почти обрядоверно, как в церковном, так и в культурном контексте.

Нам, чтобы ответить на этот вопрос, мало формально-юридической стороны, хотя мы понимаем, что и эта формально-юридическая сторона его не проста, идет ли речь о российском православии или о русской культуре. Нам даже формально трудно очертить здесь какие-то границы: государственно-юридическими нормами, законами и церковными канонами, образованием некоей юридически преемственной структуры, канонической территории, некоего культурного и национального ареала и т. д. Нам это трудно сделать, но и это не главное, ведь даже если бы мы это сделали, перед нами все равно остался бы вопрос, кто сейчас по своей культуре подлинно «русский» и какое Православие сейчас подлинно «российское»? Да и не случайно сразу после революции 1917 г. многие деятели русской культуры и русской церкви говорили о том, что произошел крах, который способен убить живую душу в русском народе, и его Православие, и его культуру. Потом, правда, как вы помните, уже в зрелых 30-х годах, Осип Мандельштам писал о нарождавшейся в огне страданий и размежеваний новой связи, о том, что все, что культурно, то и церковно. «Всякий культурный человек нынче христианин», говорил он. Заметим, что позже в дополнение к этому в мире прозвучали подобные же слова, которые нам тоже сейчас стоит вспомнить, хотя они и были сказаны вне прямого контекста российского Православия и русской культуры одним африканским миссионером: «Всякий христианин ныне культурный человек». Поэтому теперь всякое восстание во имя Церкви против культуры, понятой не только внешне, как и всякое восстание против Церкви, понятой не формально, не обрядоверно, во имя культуры, может быть только пагубно. Иначе мы должны поставить перед собой вопрос: может ли нынешнее «русское» по-прежнему называться подлинно православным, а нынешнее «православное» в нашей стране подлинно русским?

Мы знаем, как много бед терпят наши церковь и народ, их духовно- и культуuroобразующее начало, потому, что люди не задумываются над этим. Как часто, например, думают, что если ты называешь себя русским, то уже поэтому ты можешь называться и православным, ты даже должен быть им, и никак иначе, или наоборот.

3. Мы хорошо понимаем, что в XX в. в России произошли необратимые изменения, поэтому нам невозможно вернуться ни в XIX в., ни в XVIII в., ни в XVII, XV или X века. Это невозможно! И это тоже факт, который нужно принять со всем смирением и всей серьезностью. Поэтому нам нельзя поддерживать стремление к тому многих сил, нередко очень активных в нашем народе и в церкви, сил, которые пытаются построить жизнь просто по механически воспринятым образцам прошлого XIX, даже пуще того по образцам XVIII в. и т. д.

Конечно, изменения, которые произошли в наше время, в этом веке в России, амбивалентны, понятно, что в них есть и положительная, и отрицательная стороны. Одни делают акцент на одном, другие на другом, но есть в них все: и то, и другое. И это живая жизнь, в истории так было, есть и будет всегда. Поэтому для укрепления в своей традиции и преемственности нам нужно укрепиться в положительном, в добром и отринуть всякое зло, как новое, так и старое. Но увы, эта очистительная, покаянная работа почти еще не началась ни на культурном, ни на церковном уровне. И это беда, ибо в церкви сейчас, как всем нам хорошо известно, основная часть живых, активных ее членов не воспитанные в церкви с детства и не традиционные для церкви люди.

И все же для них изменения нашего времени иногда оказываются во благо. Во всяком случае для тех, кому ранее могли сильно мешать жесткие рамки и границы церкви, в том числе культурного и национального свойства. Таким людям стало легче войти в церковь. И не

случайно во всех хоть сколько-то живых церковных молодых общинах есть множество людей разных национальностей и разных культур. И среди них очень большой, думаю, небывалый за всю историю России, процент людей, по происхождению совсем не традиционных для Православия, людей, традиционно мусульманской или иудаистской веры. Сейчас они еще не растратили свой запас доверия к Православной церкви и к русской культуре, которые привлекают их, и они еще бывают способны воспринимать сокровища русской культуры и духовности в их настоящей традиции. Но надо признать, что этот запас тает, и тает с какой-то ужасающей, страшной скоростью. В отличие от них, новообращенные русские люди часто стремятся в Православии механически найти и воспроизвести лишь русское, что, конечно же, есть предательство Православия, российского Православия и мирового. Ведь если человек ставит свою веру и церковь в подчиненное положение по отношению к своему национально-культурному началу, то этим, конечно, он предает Православие.

Но иные православные на Руси, наоборот, совсем перестали понимать и ценить то, что Православие дало русское, именно как национально-историческое и культурное партикулярное начало. Да, мы хорошо сознаем, что это начало партикулярное, пусть это так, но это нисколько не умаляет ни великую русскую культуру, ни великие духовно-исторические традиции. Вообще же всякое национальное и культурное начало партикулярно и оно всегда еще принадлежит, по выражению Н. Бердяева, «срединному царству».

4. Из того, что сейчас было сказано, как мне представляется, неизбежно вытекает острейшая проблема восполнения и возрождения русской культуры и российского Православия. То и другое нуждается не просто в возрождении, но и в восполнении с учетом всего опыта жизни в XX в. Без этого неизбежна духовная смерть, или, если хотите, «тепловая» смерть страны и нации, без этого и церкви грозит превращение в историко-этнографический музей или, хуже того, просто уход в гетто. И мы наблюдаем уже первые признаки этого движения. Это, по-существу, означает для русской нации лишение ее прав и чести «великого народа». Мы как-то свыклись с тем, что русские великая нация, что она представлена где-то там в ООН как великая нация и т. д., но мы нередко забываем, что это означает в духовном и культурном контексте. Это что-то значит в этом контексте или нет? Это вещь живая или просто некий, так сказать, реверанс в пользу прошлого?

Если мы лишимся чести и прав великого народа, то мы потеряем самую актуальную возможность служить миру, показывая образцы духовной и культурной жизни, значимые на мировом уровне, как это было в истории Руси в XI-XII, XIV-XV и XIX-XX вв. Мне представляется, что это именно и есть то, что образует честь и право быть великим народом, быть живым духовным и культурным образцом жизни на мировом уровне. Кто сейчас усомнится в том, что святые Андрей Рублев и Сергей Радонежский имеют мировое значение? Кто усомнится в том, что русская культура домонгольского периода или русское религиозно-философское возрождение в его полноте и целостности, при всей внутренней противоречивости этих эпох и созданных ими вещей, имеют мировое значение? К концу XX в., думаю, мы уже можем делать выводы относительно качества жизни и творчества этих эпох, и делать их достаточно определенно.

Но превращение церкви в какой угодно музей или ее уход в какое угодно, даже самое замечательное, гетто ставит Русскую православную церковь в опасную ситуацию превращения ее в огромную секту типа наших старообрядцев или карловчан-зарубежников, которые свободны, но так, как индейцы Америки в своих резервациях. Когда они говорят: «Мы свободны, а вы не свободны», они не совсем-то неправы. Но их свобода уж очень особенная, она не традиционна для Руси и России.

В связи с проблемой возрождения и восполнения русской церкви и культуры перед нами стоит

еще одна задача объединить разорванные традиции. Ведь русское и православное существуют в своих разных ветвях в России (бывшем СССР) и в дальнем зарубежье по-разному. Мы доныне еще стоим перед этой дихотомией традиции, возникшей после 1917 г. Да, что-то промыслительно унесено за рубеж советской России, спаслось и дало свой добрый плод, но что-то же было очень плодотворным здесь, в самой России. И если хорошенько взглядеться в то и другое, то мы увидим, что это дополняющие друг друга вещи.

В зарубежье, в этой русской эмиграции были необыкновенно раскрыты начала открытости и творческий и интеллектуальный потенциал. Там же мы находим непрерывный опыт воплощения тем, поднятых в начале XX в. и отразившихся в работе и решениях Московского собора 1917–1918 гг., собора Русской православной церкви. Это и опыт дерзновенного творчества деятелей русского религиозно-философского возрождения в эмиграции. А в самой России в то же время был накоплен уникальный опыт борьбы и свидетельства веры, «даже до смерти», особенно в период до 1943 г., т. е. до «второго восстановления патриаршества», позвольте употребить такой термин. А потом еще был противоречивый опыт выживания в чужой и агрессивной среде нерусского и неправославного общества и тоталитарного идеологизированного государства. И тем не менее, этот опыт в лучших своих чертах опыт живой и, повторяю, к сожалению, столь малоисследованный и малоизвестный целиком соответствует тому созерцанию, тому подвигу духовной борьбы и творчества, который дал столь обильный плод в русской эмиграции.

Конечно, при том, что это вещи взаимодополняющие, являющиеся как бы двумя сторонами одной медали, мы не можем не видеть здесь больших проблем. Проблемой является даже само принятие плодов русского религиозно-философского возрождения и новомученичества в Русской православной церкви нашего времени. Да, сейчас сама церковь отнюдь не готова говорить на их языке или хотя бы продолжать разговор на том языке, который сложился в ней самой к 1917 г. Мы сейчас говорим на языке конца XVIII в. (хорошо, если XVIII-го!).

6. Однако будет недостаточно лишь объединения разорванных традиций. Нельзя смотреть только назад. Традиция всегда живет, иначе это не та не культурная, не церковная традиция. Традиция всегда раскрывается в обновлении духа, и души, и тела церкви и нации.

Не случайно с древних времен святые отцы церкви говорили о том, что «ecclesia semper reformanda» («церковь всегда обновляется»). И мы ежедневно читаем в храмах молитву призывания Духа Святого для обновления нас.

Мы должны обновиться и в духе своем, и в душе своей, и в теле своем. Что-то такое у нас уже происходит, все это видят. Даже типы лиц начали меняться, Слава Богу, в лучшую сторону. Как здесь не вспомнить бердяевскую статью 1918 г. «Духи русской революции», где он так страшно писал о том, как изменились типы лиц русских людей сразу после 1917 г., когда совершилось что-то немыслимое.

Но наше обновление, конечно, должно обходиться без обновленчества, без одного из тех исторических тупиков обновления, которые знает наша культурная и духовная история. Все знающие этот вопрос согласятся с тем, что обновленчество ставило и реальные, живые, актуальные проблемы перед церковным сознанием. Оно старалось жить этими проблемами. В какой-то части своей оно училось даже решать эти проблемы церковно, как следует. Обновленчество это не просто черное пятно в истории, там были разные люди, они тоже гибли в лагерях, они тоже голодали, они тоже испытывали давление НКВД и т. д. Но был грех, который не позволяет нам много говорить в положительных тонах об этом явлении. Грех недолжной связи с государственной системой, грех предательства ближних, использования этих своих возможностей для того, чтобы продвинуть свои интересы за счет других.

Итак, перед нами стоит задача объединить разорванные традиции и идти вперед, к обновлению жизни. Эта задача очень актуальна в наше время. И она не может не осознаваться как людьми, носителями русской культуры, небезразличными к русской культуре, так и людьми, носителями российской православной традиции, небезразличными к Православию. И это означает, конечно, что перед нами стоит творческая задача, которую надо решать не только «сверху», но главным образом, «снизу», исходя из потенциала творческой личности и местной соборности общины. Но здесь мы тоже сталкиваемся с недоразумениями. Люди настолько уже не верят друг другу, не доверяют, что они иногда думают, что другие способны что-то делать в культурной и церковной области лишь «от ветра головы своя», и никак иначе. Будто бы не «от ветра головы своя» могут что-то делать лишь большое начальство, какие-то официальные комиссии и т. д.

Конечно, это великое заблуждение. И культурное творчество и духовное церковное творчество, в том числе и литургическое, всегда основывалось, если оно хотело быть успешным, именно на местной соборности общины и на творческом потенциале личности человека. В церкви это означает на общине евхаристической, состоящей из возрожденных в Духе ее членов как личностей. В народе тот же потенциал возрождает и все другие виды личностных связей, обладающих хотя бы элементами соборности, будь то семья, круг друзей, профессионалов, общественных деятелей, деятелей культуры и искусства и т. д.

Это же означает сугубую ответственность друг за друга во всяком деле и служении, особенно если оно имеет признание и успех, а следовательно, и влияние на многих. Сейчас нам особенно печально бывает видеть, когда люди, имеющие именно такое признание и такой успех в области культурной в первую очередь, но и научной и т. д., с легкостью покидают Россию надолго, если не навсегда, с легкостью порывают все связи и отказываются от ответственности в своем служении.

Нам нужно восстановить и вселенскую отзывчивость нашего сердца в культурной и духовной сфере жизни. Но эта его открытость должна быть открытостью без компромиссов в основах веры и культуры. И все же она должна быть. Она должна быть связана с ответственностью и отрицать легкомыслие, отрицать и всякое уныние, и всякое неверие в то, что можно еще что-то сделать доброе, хорошее в этом мире.

7. Если в этой связи касаться особых проблем русской нации и Русской православной церкви, то сразу хочется назвать такую проблему, которая стоит как раз на перекрестке начала духовного и культурного, собственно культурного. Это проблема языка, русского языка. Несомненно то, что необходимо его очищение и обновление, но также необходимо и его освящение через постепенное введение в богослужение, что не должно мешать изучению в нашей стране церковнославянского языка все большей частью русского и вообще православного народа. А то мы слишком привыкли к тому, что есть раскол между духовным (церковным) и светским. Мы слишком привыкли к этой двойственности нашей жизни. Более того, мы стали воспринимать ее как единственно возможную норму. А всякий такого рода раскол грех и зло. Мы должны в связи с этим признать антинациональными и антицерковными высказывания о том, что русский язык есть «язык спекулянтов, наркоманов и сутенеров», язык «банщиков в Сандунах» и потому он язык по природе профанный, не подлежащий освящению (см. например, статью Ю. Исатова «Готовят новый раскол?», «Русский вестник», № 1 за 1994 г.).

Очень жаль, что такие высказывания проходят совсем мимо. Но и церкви, и нашему культурному обществу надлежит однозначно высказаться в этом отношении. Хотя интересно и, наверное, не случайно, что такого рода высказывания исходят как раз от русских националистических кругов, что эти русские националисты способны говорить о русском языке так, как не скажет ни один его враг, ненавидящий русскую культуру, русское

Православие и народ.

8. Решение этих проблем позволит разрешить и стоящие перед нашим народом и нашей церковью глобальные проблемы объединения и исполнения в них духа и смысла, проблемы возрождения вкуса, стиля, такта в жизни и общении, без чего также невозможно решение современных проблем русской культуры и российского Православия.

Спасибо за внимание.

Вопрос. Вы задали чрезвычайно много таких содержательных вопросов, а как правило, хорошо поставленный вопрос уже позволяет на многое найти ответ. Но не кажется ли вам, что Ваш тезис о том, что мы должны восстановить русскую отзывчивость, как-то мягко говоря, не совсем к месту. Я сейчас сделаю некую, так сказать, стимулированную Вашими вопросами попытку ответа, может быть.

Так вот, сейчас мы переживаем главный наш духовный кризис то, что наше общество стало именно открытым, и поэтому, по гамбургскому счету, наша религия, наше православие работать не может. За века оно, грубо говоря, разленилось. Поэтому во многом наша религия стала не культурой, а некой превращенной формой сознания, а она должна быть, выражаясь философским языком, некой конструктивной машиной, которая бы упорядочила сознание. И вот, когда она сталкивается с другими конфессиями, с другими религиями, с другими группками, она фактически не способна бороться с ними. И народ, который видит, что существующая религия не упорядочивает его теперешнюю жизнь, пытается перейти в другие религии. Понимаете, тут многое связано с церковью, с ее удивительной пассивностью, с ее неумением работать в современном обществе. Здесь есть испытание, и это можно решить, но для этого нужно избрать в каком-то смысле новую стратегию. О новой стратегии я и хотел бы услышать от Вас.

О. Георгий. Спасибо. Это очень важные, на мой взгляд, вопросы. Мне кажется, что нам нужно четко различать открытость, которая связана со свободой, и какую бы то ни было неупорядоченность и хаос, и вообще всякого рода безответственность, которая, как пена, всегда плавает сверху. Я действительно не мог дать, к сожалению, определений тех понятий, которые использовал, надеясь, что из контекста это будет достаточно ясно, но понимаю, что вопросы могут возникать естественным образом. Я, конечно, под открытостью подразумевал такое внутреннее духовное качество, которое действительно является одним из как бы системообразующих в русской культуре. Русская культура перестанет быть русской и, тем более, великой, если она закроется, замкнется. И это несколько не означает, что она не должна быть упорядочена, что она не должна иметь силу. Наоборот, открытость есть возможность диалога, а не борьба, когда или ты победил и враг сдался, или враг тебя победил и ты сдался, и все, больше ничего третьего не дано. Русская культура великая культура, и она всегда была внутри себя многоуровневой, существовала в сложной структуре, в том числе национальной, о чем много-много раз говорили С.С.Аверинцев и другие. И человек, который способен говорить на высоком уровне как представитель русского, российского Православия или русской культуры с другим, доставляет радость носителю другой культуры, потому что он способен обогащать его и в то же время признавать все ценное, доброе, что есть там. Другое дело, что если мы хотим принять это в себя, то потребуются еще дополнительные усилия для воцерковления. Тут не все так просто: нельзя ничего механически принять в культурную или духовную традиционную сферу. Мы должны очень хорошо разобраться во всем, мы должны быть при этом очень ответственными, но без открытости теряется не только свобода, но и вера. Сама вера, на мой взгляд, своим главным качеством имеет открытость. Если хотите определить, кто верующий, а кто неверующий, посмотрите открытый это или закрытый человек, но, конечно, здесь имеется в виду открытость в том смысле, в каком мне хотелось о ней сегодня

сказать. А новой стратегии в новых условиях жизни был посвящен весь мой доклад.

* Доклад, прочитанный в МАИ на международной конференции «Русская культура на межконфессиональных перекрестках», организованной Российским межвузовским центром по религиозной философии и культуре и религиозно-философским журналом «Начала» (22-23 мая 1995 г.).

Илья Басин: Пастырь на рубеже эпох (к 150-летию со дня рождения митр.Антония (Вадковского))

История церкви

В 1909 г. Сергей Николаевич Булгаков писал: «Церковная интеллигенция, которая подлинное христианство соединяла бы с просвещенным и ясным пониманием культурных и исторических задач (чего так часто недостает современным церковным деятелям), если бы таковая народилась, ответила бы насущной исторической и национальной необходимости». Ко времени выхода в свет сборника «Вехи» Петербургскую кафедру уже двенадцатый год занимал иерарх, который с почти столетнего расстояния может показаться идеальным образцом как раз той церковной интеллигенции, которую не находил среди «современных церковных деятелей» С.Н.Булгаков. Но мы не в праве обвинить философа в близорукости или же усомниться в выдающихся качествах личности владыки Антония (Вадковского), митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. О причинах такой странной на первый взгляд «невстречи» владыки с С.Н.Булгаковым я скажу чуть позже; сейчас же обратимся к обстоятельствам жизни митрополита Антония.

Биография

Будущий митрополит родился 3 августа 1846 г. в бедной семье приходского священника Василия Иовлевича Вадковского в селе Гремячки Кирсановского уезда Тамбовской губернии. С 1858 г. о. Василий служил в селе Ширингуши, здесь прошло отрочество будущего митрополита. Маленький Александр много раз слышал от матери Ольги Никифоровны рассказы о чудотворениях на могиле о. Серафима в Саровской пустыни, находившейся тогда в составе Тамбовской епархии. Через полвека сын сельского священника один из немногих поддержал инициативу канонизации преподобного Серафима, казавшуюся тогда почти невозможной, а летом 1903 г. возглавил открытие мощей святого.

В 1866 г., после окончания духовной семинарии в Тамбове, Александр Вадковский как лучший ее выпускник был принят в Казанскую духовную академию. По воспоминаниям друзей, именно здесь он сложился целиком, в духе интеллигенции 1860-1870-х годов, здесь же обрел на всю жизнь особую любовь к славянофилам, из которых выше всех ставил А. С. Хомякова. Возвышенный идеализм шестидесятников, не замутненный левым радикализмом, но пронизанный пламенной верой, определил весь строй личности Александра Вадковского.

Владыка Антоний был по своим религиозно-философским воззрениям идеалистом в лучшем и возвышеннейшем смысле этого слова. Основные идеи гегельянства и феноменологизма как бы встретились в его душе с учением Евангелия Иоанна и Климента Александрийского о Логосе, и

с народным поэтическим воззрением на вселенную как многоцветную, чудно сияющую ризу Божества».

Окончив в 1870 г. академию, Вадковский остался в ней в качестве преподавателя гомилетики и пастырского богословия. Вскоре Александр Васильевич женился. В 1871 г. он получил степень магистра богословия за диссертацию «Из истории древнеболгарской церковной проповеди. Константин, епископ Болгарский, и его Учительное Евангелие», опубликованную в Казани, 1885 г.; с 1875 г. участвовал в описании рукописей Соловецкой библиотеки, которая была передана в Казанскую духовную академию. Продолжая изучение истории церковного проповедничества, доцент А. В. Вадковский в 1874 г. возглавил солидный научный журнал «Православный собеседник».

Однако вскоре на Александра Вадковского обрушились несчастья. В 1879 г. умирает его жена Елизавета Дмитриевна, а через два года — оба ребенка, Борис и Лидия. Через много лет друг митрополита Антония вспоминал, что молодой ученый выдержал страшную катастрофу только благодаря вере... Но в своей беде Александр Васильевич сумел различить голос Божий, и он решает уже всецело посвятить себя церковному служению, приняв монашеский постриг. Надо сказать, что в начале 1880-х годов в Казанской духовной академии не было ни одного монаха ни среди преподавателей, ни среди студентов. 4 марта 1883 г. Александр Вадковский был пострижен с именем Антоний, 6 апреля посвящен в иеромонаха, 14 ноября — возведен в сан архимандрита. В том же 1883 г. Антонию (Вадковскому) присвоили звание профессора.

О. Антоний имел большое влияние на студентов, пользовался всеобщей любовью. В 1884 г. он получил назначение на должность инспектора академии. В 1885 г. о. Антония перевели в столицу, он становится инспектором Петербургской духовной академии, с которой спустя несколько лет его имя будет связано уже неразрывно. Владыка Антоний был не только блестящим педагогом, но и человеком редкой отзывчивости, благородства и такта. Интересно, что своим любимым русским святым владыка Антоний называл Тихона Задонского, он очень любил и Серафима Саровского и после его канонизации устроил для себя за городом скит с Серафимовской церковью. Зная о человеке лишь то, что он — ревностный почитатель святителя Тихона и преподобного Серафима, можно уже составить о нем некоторое представление...

С 1887 г. архимандрит Антоний — ректор Петербургской духовной академии; в том же году он посвящен в сан епископа Выборгского, викария Петербургской митрополии. В 1892 г. владыка расстается с академией, получив назначение на Финляндскую кафедру. В 1890-х годах ему присуждена степень доктора церковной истории, он избран почетным членом всех российских духовных академий, благодаря активному участию в богословском диалоге с западными христианами имя владыки Антония становится известным всему миру. В 1897 г. Финляндский архиепископ участвует в епископской хиротонии архимандрита Тихона (Белавина), впоследствии — Патриарха Московского и всея России. В 1898 г. владыка Антоний назначен петербургским митрополитом.

Позднее митрополит Евлогий (Георгиевский) говорил, что «за немногими исключениями, пышно-пустая петербургская аристократия была средоточием всевозможных политических, церковных и карьерных интриг. Некоторые представители высшего духовенства к ней тянулись. В стороне стоял Петербургский митрополит Антоний. Он целомудренно и скромно шел своим путем, не впускаясь в сеть карьерных домогательств, козней и интриг. А вся атмосфера была ими насыщена». Во всех жизненных ситуациях владыка оставался прежде всего человеком по имени Антоний, а уже потом — профессором, величественным иерархом, государственным мужем. Он ценил человеческое общение, старых друзей; умел завязывать новые знакомства, не обусловленные его церковно-политическим положением. Например, в конце жизни он крепко

подружился со старушкой Марией Павловной Ярошенко, вдовой знаменитого художника-передвижника Н. А. Ярошенко. Сверстница владыки, знавшая всех выдающихся людей России 1860–1870-х годов, Мария Павловна была последним звеном, связующим митрополита Антония с его молодостью, с ушедшими людьми и минувшими временами.

В столице владыка Антоний получил возможность еще шире заниматься благотворительностью, больше проповедовать. Его подпись стоит теперь под всеми документами Синода, в частности, под известным Определением о графе Льве Толстом. Митрополит активно участвует в подготовке Собора Российской Церкви, ведет официальную церковную переписку с предстоятелями всех поместных православных церквей, произносит речи перед открытием Государственного Совета и Государственной Думы, принимает в Петербурге президента Франции. Но здоровье владыки уже надорвано. Сказались мучительное напряжение времен смуты 1905 г., обманутые надежды на созыв Собора. 24 октября 1912 г. у митрополита Антония случился инсульт, 2 ноября он умер. Тех, кто знал нравы «князей Церкви», поразили размеры состояния, оставленного митрополитом, — семь рублей. Согласно завещанию, владыку Антония похоронили в очередной братской могиле Александро-Невской Лавры под простым деревянным крестом.

Благовестие любви

Научные интересы молодого преподавателя Казанской духовной академии А. В. Вадковского были самым непосредственным образом связаны с нуждами Церкви. Изучая историю проповедничества, он имел в виду и упадок церковного учительства в современной ему России. В IX в. Свт. Константин, просветитель болгар, перевел на славянский язык Учительное Евангелие, сборник толкований на зачала Евангелия, читаемые на воскресных литургиях. Этим он стремился возродить уже угасавший в то время тип проповеди — толкование в евхаристическом собрании Священного Писания. (Для эпохи свт. Константина Болгарского были характерны витиеватые проповеди, содержащие похвалу либо Богородице, либо святому дня.) А. В. Вадковский не только предпринял фундаментальное исследование памятника, но на примере деятельности свт. Константина показал необходимость постоянного обновления церковной жизни через творческое возвращение к Преданию.

В дальнейшем проповедь была одним из главных служений владыки Антония. В Петербургской духовной академии он создал кружок студентов-проповедников, отправлявшихся «в народ». Члены кружка вели популярные богословские беседы в ночлежках и тюрьмах, в общественных залах и приходских церквях. Из этого кружка студентов-проповедников вышло немало известных впоследствии людей, в частности три архиерея — Сергей (Страгородский), Гермоген (Долганов) и Амвросий (Гудко).

Возвещение Евангелия было для митрополита Антония непосредственно связано с делами милосердия. Количество разнообразных благотворительных и просветительских организаций, в деятельности которых митрополит принимал активное участие, едва ли можно теперь точно подсчитать. Владыка Антоний открывал и новые, ранее не испытанные пути благотворительности. В бытность Петербургским митрополитом он основал специальное братство для помощи людям, страдающим болезнью Дауна, эпилепсией, психическими расстройствами. Митрополит Антоний хорошо знал народную жизнь, ему была известна горькая участь изгоев общества, подвергавшихся самому жестокому обращению. Он основал Христианский союз образованных женщин и девиц, члены которого отправлялись читать вслух Библию (вспомним уровень неграмотности в старой России) в тюрьмы, больницы, богадельни. Владыка Антоний опекал еще несколько крупных учреждений, оказывавших прямую помощь обездоленным или борющимся с пьянством. Предметом особой заботы митрополита было Христианское содружество учащейся молодежи, объединявшее студентов высших учебных

заведениях. Личным подвигом владыки были посещения петербургских тюрем, беседы с заключенными, материальная и духовная поддержка.

Вкупе с устной проповедью все эти предприятия были именно благовестием, светом во тьме. Осознание морального императива Евангелия составляет одну из самых характерных черт личности митрополита Антония. Своих учеников и друзей он вновь и вновь призывал трудиться ради Бога и людей. Приняв монашеский постриг как полное посвящение на служение воле Божией, владыка не знал того специфического пессимизма, который окрасил мироотречение иных аскетов. В частности, владыка Антоний всегда был покровителем христианского брака. В одном из его частных писем есть такие слова: «Бог создал человека для радости. Христианский взгляд на жизнь светлый, чистый, радостный. Бог благословил людей любить друг друга. Он Сам Себя назвал Любовию. Чувство женщины, влекущее ее к избраннику сердца в браке, не есть чувство для греха, а для благословенного Богом сожителства, во исполнение воли Божией о мужчине и женщине. Но все, что от Бога, в Боге и для Бога, не есть земное греховное, а есть небесное, Божие, святое».

Благая весть Христа возвещается в гуще народа. Поэтому проповеди митрополита Антония, глубокие и искусные, не походят на богословский трактат, но разворачиваются во времени как беседа с конкретными людьми. Отправной точкой проповеди имеют не «тему», а какое-то жизненное обстоятельство, то или иное событие, внутри которого владыка Антоний раскрывает правду о Боге и человеке. Мысль владыки постоянно возвращается к Христу Спасителю, Который и становится для проповедника мерилom всех обстоятельств, всех поступков. Больше всего владыке хочется говорить о любви; Иоанновы Евангелие и Послания служат для него неисчерпаемым кладезем. Здесь следует упомянуть о правиле, которое владыка исполнял в течение всей жизни: каждый вечер прочитывал одну главу Евангелия и один псалом, а утром — одну главу из Апостола. И любимым чтением было, конечно же, Евангелие от Иоанна¹.

Разговор о благовестии митрополита Антония останется неполным, если не сказать о присущем ему духе жизни, как называли это позднее мемуаристы, качество, столь же трудно определяемое словами, сколь и вполне понятное. Им согрето и воодушевлено все общественное служение Петербургского митрополита, оно придавало силу тем проповедям, которые, вероятно, сильно проигрывают на бумаге. Но сам дух жизни не мог бы пройти красной нитью через всю судьбу владыки, если бы Дух Божий не вдохнул его в ум и сердце владыки Антония.

Жажда единства

В понедельник страстной седмицы 1886 г. Петербургскую духовную академию по приглашению ректора архимандрита Антония (Вадковского) посетил Владимир Сергеевич Соловьев. Встреча состоялась в присутствии преподавателей и студентов, интересовавшихся экклезиологическими воззрениями философа. Среди собеседников Соловьева, кроме владыки Антония (Вадковского), были иеромонах Михаил (Грибановский), впоследствии епископ Таврический и Симферопольский, и иеромонах Антоний (Храповицкий), впоследствии митрополит Киевский. На следующий день после встречи в Академии, посылая для двух Антониев и Михаила свои книги, Соловьев писал ректору: «Вчера я чувствовал себя среди общества действительно христианского, преданного делу Божию прежде всего»¹.

В 1901 г. митрополит Антоний (Вадковский) благожелательно отнесся к замыслу Религиозно-философских собраний, предложенному Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус и их единомышленниками². Председательствовать на собраниях митрополит благословил своего викария, молодого епископа Сергия (Страгородского). Собрания стали важной вехой как церковной, так и общественно-культурной жизни России.

Эти два события, разделенные пятнадцатью годами, находятся в самой непосредственной связи. В своем попечении о Церкви митрополит Антоний умел видеть далекие исторические перспективы, а значит, не мог не думать о последствиях отчуждения интеллигенции от Церкви, а Церкви — от секулярного общества. В молодости владыка был не только свидетелем, но и участником формирования первых поколений русской интеллигенции, и раскол этот должен был переживать как собственную рану. Заметим, что в случае с Соловьевым митрополит Антоний приглашал «светского» богослова в круг богословов «профессиональных», а через пятнадцать лет речь шла уже о встрече представителей двух изолированных миров...

Характерно, что владыка старался не допустить опрометчивых шагов по отношению к Л.Н. Толстому, чей уход от католического Православия стал грозным предвестием крушения всех связей между государственной Церковью и либерально настроенным обществом. Подписав Определение Синода о графе Льве Толстом, митрополит с большим тактом ответил на экспансивное письмо Софьи Андреевны и в дальнейшем многократно давал понять Толстому, что для него дверь в Православную Церковь еще не закрылась навсегда. Сама форма Определения — свидетельство об отпадении Толстого от Церкви — является плодом редакторской работы митрополита Антония (первоначальный вариант обер-прокурора Победоносцева представлял собой не свидетельство, а отлучение)¹. Но мистическая интуиция любви, собирающей людей в единую святую Церковь, привела владыку позднее к сожалению о том, что Определение вообще было выпущено. В этой связи мемуарист говорит, что митрополиту Антонию очень хотелось отменить ежегодные анафематствования в первое воскресенье Великого Поста².

Петербургский митрополит стремился поддерживать связи не только с разнообразными людьми; ему довелось много потрудиться для сближения Церквей Востока и Запада. В те времена Католическая церковь, запрещавшая даже совместную молитву с не католиками, не могла быть партнером в диалоге Церквей³. Но старокатолики, отколовшиеся от Католической церкви из-за непризнания догмата о безошибочности Папы Римского, настойчиво искали соединения с Православием. В 1892 г. архиепископ Антоний встал во главе комиссии, которая должна была рассмотреть этот вопрос. Вслед за старокатоликами о соединении с Востоком всерьез заговорили англикане.

Российская Церковь, в отличие от Католической, не делала резких и безапелляционных суждений по поводу законности рукоположений в Англиканской Церкви, что позволило успешно начать переговоры. Когда англиканские епископы посещали Россию, их принимали именно как архиереев, и они преподавали благословение народу; архиепископ Йоркский Уильям Маклаган в Петербурге присутствовал при богослужении в алтаре. Архиепископ Антоний, в свою очередь, посетил Англию. В 1897 г. владыка выступал в Лондоне на епископском Соборе, тогда же он побывал в центре старокатоликов в Бонне.

Под руководством митрополита Антония было предпринято доскональное богословское исследование всех вопросов, разделявших православных с англиканами и старокатоликами. Владыка испытывал больше симпатий по отношению ко вторым, каноничность англиканской иерархии вызывала у него некоторое смущение и он соглашался лишь на условное признание ее законности¹. Тем не менее владыка Антоний не спешил с выводами и настаивал на продолжении работы. На Западе труды петербургских богословов вызвали большой резонанс, имя архиепископа Антония стало известно во всем мире.

Труды сторонников церковного единства не привели ни к каким конкретным результатам. Причин тому было несколько — косность бюрократического аппарата Российской Церкви, недопонимание западными христианами позиции православной стороны, вынужденный разрыв всех связей после 1917 г. Тем не менее вклад владыки Антония в дело сближения христиан

Востока и Запада не должен быть забыт. Христос не разъединяет, но соединяет, собирает рассеянных чад Божиих; митрополит Антоний понимал это значительно лучше многих своих современников.

Попечение о Церкви

В своей Петербургской епархии митрополит Антоний достиг впечатляющих успехов. Совершенно новыми стали взаимоотношения архиерея с духовенством. Протоиерей Михаил Чельцов (позднее — новомученик) писал в 1928 г. о том, как дорожил митрополит Антоний желанием приходских священников «почесть не столько за свое право, сколько за обязанность иметь свой голос и судить о делах как епархиальных, так и общецерковных, познать себя в качестве активных помощников правящему епископу... Как духовенство, так и митрополит Антоний стремились лишь к одному: укрепить истинный строй жизни, надлежащую соборность, авторитет и идейную деятельность пастырства, в том числе и даже главным образом — епископата, оживлять всю церковную работу и церковное управление»².

Но как раз церковная работа и обнаруживает существующие недостатки общего характера. Владыка Антоний не мог не видеть, что препятствием и для благовестия, и для единства народа Божия зачастую оказывался сам статус господствующей Церкви, равно как и некоторые особенности ее внутренней жизни. О церковных реформах все чаще говорили и в среде петербургского духовенства. Одной из инициатив того времени была знаменитая записка «О необходимости перемен в русском церковном управлении», подписанная тридцатью двумя священниками и поданная владыке Антонию. Позднее сам факт появления «группы 32-х» оценивали крайне негативно и ставили в вину митрополиту Антонию, напрямую связывая дореволюционные выступления за реформы в Церкви с обновленческим расколом 1922 г. К тому же одним из лидеров раскола стал бывший vicарий Петербургской митрополии епископ Антонин (Грановский)¹.

Но митрополит Антоний не может нести личной ответственности за сервиллизм обновленцев, их противоканонические действия и предательства. Кроме Антонина (Грановского) и Сергия (Страгородского), у владыки Антония был vicарием св. Вениамин (Казанский), в 1917 г. избранный Петроградским митрополитом и ставший первой жертвой союза обновленцев с коммунистической властью. Известны многочисленные примеры того, как бурные события первой четверти XX в. делали непримиримыми врагами даже членов одной семьи. Почти так же можно было бы назвать и людей, которых владыка Антоний собрал некогда под своим омофором ради блага Церкви. Осудить митрополита за что-либо может лишь человек, нечуткий к трагизму жизни и не имеющий горького опыта потерь и разделений...

Вся деятельность владыки в области церковных реформ была строго продумана, лишена всякой политической конъюнктуры и поставлена на серьезное каноническое и церковно-научное основание. Особенно хорошо это видно из материалов Предсоборного присутствия, работавшего под председательством митрополита Антония в 1906 г. в связи с ожидаемым Поместным Собором². От разговоров о Соборе к созыву Предсоборного присутствия удалось перейти благодаря записке митрополита Антония, поданной императору в 1905 г. Владыка Антоний просил разрешить совещание архиереев Русской Церкви с участием богословов, приходского духовенства, мирян, но без участия каких бы то ни было представителей государственной власти. Надо заметить, что переход от патерналистских отношений Церкви и государства к партнерским владыка Антоний связывал как с восстановлением соборного церковного управления, так и с реформой приходской жизни.

Владыка умер за пять лет до Собора 1917–1918 гг. В деле церковных реформ он зачастую был одинок, и можно только догадываться, что пережил митрополит Антоний, когда выяснилось

правительству все начинания Предсоборного присутствия попросту не нужны. «Обратный ход» светских властей начался уже в 1907 г. и продолжался до самой революции...

Кратко перечислю еще несколько вопросов церковной жизни, которые были важны для митрополита Антония. Владыка был ревностным поборником свободы совести и настаивал на прекращении всех полицейских преследований старообрядцев, сектантов и православных, перешедших в другое исповедание. Постоянными выступлениями на эту тему он нажил несчетное количество врагов. Митрополит Антоний энергично противился вмешательству духовенства в политическую деятельность, в частности, он был против избрания архиереев в Государственную Думу. Владыка настаивал на исключении из законодательства формулировки «господствующая Церковь» на том основании, что господство — нехристианская идея. Он всегда был врагом обскурантизма в среде духовенства, отстаивал обязательность для каждого пастыря самого серьезного, всестороннего образования и высоко ценил образованных священников.

Попечение владыки о Церкви не ограничивалось только деятельностью, связанной с жизнью Церкви Российской. Митрополит Антоний был активным поборником православного единства, много сделавшим для оживления связей с Церквями Востока. Почитатель славянофилов, он стремился сделать все от него зависящее для блага Православия среди славянских народов¹. Особенно содействовал владыка укреплению церковной жизни южных славян, усматривая опасного соперника в лице Католической церкви.

Митрополит Антоний глубоко чтит Константинопольского Патриарха Иоакима III, чьи планы созыва Вселенского Собора были ему особенно близки. Разрабатывая проекты церковных реформ в России, митрополит Антоний постоянно соотносил их с аналогичными проектами, над которыми работали тогда богословы и иерархи Константинопольского и Александрийского Патриархатов. Это касалось, в частности, проповедничества, комплекса проблем, связанных с реформой церковной школы, соединения со старокатоликами и англиканами, реформы церковного календаря. Митрополит Антоний поддерживал постоянную переписку с главами всех автокефальных Православных Церквей, старался умиротворять вспыхивавшие на Востоке церковные конфликты. Духовенство русских храмов в Иерусалиме, Константинополе и Афинах периодически представляло митрополиту подробнейшие доклады по всем современным проблемам Православия на Востоке и в Греции¹. Эта его постоянная, кропотливая работа основывалась на тех же идеалах единства вселенского Православия, которые некогда вдохновляли А.С. Хомякова: «Церковь называется православною, или восточною, или греко-российскою, но все сии названия суть только названия временные. Когда распространится Церковь или войдет в нее полнота народов, тогда исчезнут все местные наименования, ибо не связывается Церковь с какою-нибудь местностью и не хранит наследства языческой гордости, но она называет себя единою, святою, соборною и апостольскою, зная, что ей принадлежит весь мир и что никакая местность не имеет особого какого-нибудь значения, но временно только может служить и служит для прославления имени Божьего, по Его неисповедимой воле».

Митрополит Антоний и св. Иоанн Кронштадтский

Известно, что отношения знаменитого харизматика и чудотворца, протоиерея Андреевского собора в Кронштадте, св. Иоанна со своим петербургским епархиальным начальством складывались неровно. В частности, деятельность святого вызвала раздражение митрополита Исидора (Никольского) (1799–1892 гг.). О митрополите Антонии биограф Кронштадтского пастыря сообщает, что тот завидовал славе о. Иоанна и даже... ненавидел его³. В качестве подтверждения указывают на некоторые попытки митрополита Антония стеснить действия поклонников св. Иоанна. Само по себе это не говорит ни о зависти, ни, тем более, о ненависти.

Заметим, что митрополита Антония и св. Иоанна никогда не разделяла в жизни глухая стена. Зная митрополита Антония, который пребывал в Петербурге с 1885 г., Иоанн Кронштадтский послал поздравление его матери, когда владыку назначили на Петербургскую кафедру¹. Св. Иоанна неоднократно приглашали сослужить митрополиту Антонию, в частности, при освящении церквей². В 1902 г. владыка Антоний в сослужении Иоанна Кронштадтского освящал главный храм Иоанновского женского монастыря на Карповке, а в 1908 г., накануне погребения святого, освятил его церковь-усыпальницу, приготовленную о. Иоанном заранее³. И все же слухи о трениях между митрополитом Антонием и Иоанном Кронштадтским не беспочвенны. Попытаемся понять, что разделяло двух выдающихся представителей Православной церкви в России.

Повесть Н. С. Лескова «Полунощники» называют иногда сатирой на Иоанна Кронштадтского, отмечая при этом точность писателя в изображении быта той среды, которая долгое время окружала святого. На самом деле образ Иоанна в повести Лескова вызывает симпатию и сочувствие и ни в коей мере не является ни карикатурой, ни сатирой. Что же касается экзальтированного прижизненного почитания святого, то его формы действительно порой были уродливы. Отчасти это связано с тем, что среди тех, кто постоянно теснился вокруг св. Иоанна, появлялись люди, искавшие наживы, желавшие властвовать, распоряжаться. Постоянно ощущалось в Кронштадте и присутствие безумных сектантов «иоаннитов», с которыми сам святой вел постоянную и изнурительную борьбу. Сегодня легко отделять св. Иоанна Кронштадтского от того «кокона» больных характеров, который ужаснул в свое время не одного только Лескова. Но современники вынуждены иметь дело и с человеком, и с его окружением... Можно ли упрекать митрополита Антония за то, что он далеко не всегда и не во всем шел навстречу поклонникам св. Иоанна Кронштадтского? Скорее, стоит обратить внимание на тактичность поведения владыки.

Но есть еще одна причина, объясняющая прохладное отношение митрополита Антония ко всему тому, что происходило вокруг св. Иоанна, и эта причина кажется даже более весомой, нежели предыдущая. Владыку не могла не беспокоить политическая позиция Иоанна и его роль в деятельности «русской правой». Можно спорить о том, насколько продуманным и последовательным был либерализм митрополита Антония, но дело в конечном счете даже не в политических взглядах. Владыка обладал особенным внутренним благородством, в жизни неизменно руководствовался самым возвышенным идеализмом, и для него никогда не мог быть приемлем сам дух «черной сотни».

Митрополит Антоний отказался не только освящать знамена «Союза русского народа», но даже присутствовать на его собраниях. А. И. Дубровину, создателю и главе Союза, владыка Антоний прямо объявил, что считает его приверженцев террористами. После этого черносотенные газеты начали кампанию травли митрополита. Поток грязной клеветы и оскорблений был до такой степени неприличен, что в конце концов Дубровин был вынужден вновь посетить владыку, на этот раз — чтобы просить у него прощения.

Что же касается св. Иоанна Кронштадтского, то он согласился стать почетным членом «Союза русского народа» и в отличие от митрополита, освятил знамена погромщиков¹. По-видимому, о. Иоанн считал, что в битве с демоническими «темными силами», в битве за веру и царя хороши все средства. Петербургский митрополит, неизмеримо ближе стоявший к реальным политикам, имел возможность более трезво оценивать политическую ситуацию, не мифологизируя ни врагов, ни сторонников государственного строя². Именно поэтому обвинение владыкой «Союза русского народа» в терроризме не было пустой фразой. «Раскачать ситуацию» в предреволюционной России стремились не только ультралевые, но и ультраправые... И митрополит Антоний должен был серьезно обеспокоиться появлением в рядах

праворадикальной организации всероссийски известного харизматика, способного повести за собой многие тысячи человек.

Если добавить к этому, что митрополит Антоний как правящий архиерей нес ответственность за деятельность св. Иоанна, но реально не имел возможности никак на него влиять, проблемы во взаимоотношениях его и о. Иоанна становятся ясны.

Остается только добавить, что сам владыка (так же, как и св. Иоанн) был монархистом, но в духе все того же идеализма людей 60-х годов. Инсульт, который свел митрополита в могилу, случился с ним из-за чрезвычайного утомления на молебнах 5, 17 и 21 октября, в царские дни, посвященные Дому Романовых. Митрополит Антоний, чувствовавший недомогание, мог послать служить вместо себя одного из своих викариев, но не сделал этого. Владыка привык жертвовать собой, а молитва за пошатнувшийся уже царский престол была для него неотделима от молитвы «о мире всего мира» (ср. 1 Тим 2: 1–4).

Прошлое и будущее

Так почему же С. Н. Булгаков «не заметил» митрополита Антония? Владыка Евлогий (Георгиевский) передает слова, сказанные митрополитом Антонием от лица русских архиереев обер-прокурору Синода В. К. Саблеру: «Знаете, Владимир Карлович, мы вас любим, но у нас камень за пазухой против засилья обер-прокурора»¹. Скванность митрополита Антония в самом главном, в его епископском служении — трагедия этого прекрасного человека. Булгаков, мечтая о церковной интеллигенции, которая соединила бы веру и культурно-социальное творчество, имел в виду мирян, мало мальски свободных от государственного контроля. Ему, деятельному «общественнику», вчерашнему марксисту, нелепой показалась бы одна только мысль о поиске единомышленников среди высших иерархов государственной Церкви. Известно, что Булгаков был склонен искать живое слово скорее в келье старца-духоносца, нежели в консистории.

Существенным является и другое обстоятельство. Владыка твердо уходил от всякого участия в сиюминутной политике, отстаивая духовную независимость и аполитичность Церкви. Булгаков, с его напряженным исканием синтеза церковности и общественной деятельности, мог этому и не сочувствовать (впрочем, сам же Булгаков был противником создания христианской политической партии). Можно добавить, что люди типа Д. С. Мережковского должны были разочароваться, не найдя у митрополита Антония глубокой заинтересованности религиозно-философскими проблемами, будоражившими в начале века творческую элиту России².

Вспомним также, что епископы Русской Церкви, в том числе и митрополит Антоний, не смогли дать прямой ответ на вызов истории, брошенный грозными событиями первых пяти лет XX в. Произносились проповеди, Синод издавал те или иные документы, но вокруг этих текстов уже была пустота. Церковные власти были неспособны говорить, как «власть имеющий», а Булгакова и многих его современников, религиозных философов, волновала именно новая роль христианства в истории, определенная Господом в притчах о закваске и свече на подсвечнике (Мф 5: 15, 13: 33; Мк 4: 21; Лк 8: 16, 11: 33, 13: 20–21).

Сосредоточивая в себе лучшие качества православных архиереев своего времени, митрополит Антоний, наряду с такими людьми, как св. патриарх Тихон, был в то же время одним из последних представителей старой русской церковности... И дело не только в том, что приближался тотальный погром, физическое истребление верующих. Одновременно приближалось и начало совершенно новой эпохи — в жизни Церкви и в истории человечества, — требующей, в частности, нового осмысления пастырского служения. Наглядный пример

«невстречи» митрополита Антония с С.Н. Булгаковым (и не с ним одним) еще раз напоминает нам об этом.

И все-таки в истории жизни митрополита Антония (Вадковского), кроме очевидной драматической ноты, звучит и голос надежды. Все его служение устремлено в будущее, зиждется на беспредельной любви к Христу, дышит Преданием Церкви, и потому способно открыть новые перспективы в жизни Православия. Владыка стоит на рубеже той ушедшей эпохи, которой он, казалось бы, должен был принадлежать целиком. Но, подобно патриарху Тихону, митрополит Антоний и своими трудами, и внутренним обликом говорит нам о дне завтрашнем.

И в этом его величие. На свете много хороших людей, и митрополит Антоний был одним из них. Но еще он — добрый пастырь, смиренно берущий на себя проблемы своей Церкви, чтобы отдать нерешаемое Христу. Для нас это пример и ободрение, урок терпения и надежды.

Архимандрит Виктор (Мамонтов): Пустынный житель (Жизнеописание старца Космы)

Дневники, письма, воспоминания

Душа благословенна всякая простая (Притч. 11, 25)

Три паломницы шли в Рижскую пустыньку. Одна из них уже была в ней и полюбила ее и ее духовника о. Кирилла. Спутницы вдруг возроптали на нее: «Куда ты нас привезла? Какой тут монастырь? Один лес. Никаких святынь нет — ни мощей, ни чудотворных икон. Благодати тут нет».

Подошли к святым вратам, вошли. Навстречу им в белом холщевом подряснике спешит сияющий о. Кирилл и говорит: «Куда же вы, миленькие мои, приехали? Здесь у нас нет никаких святынь — ни мощей, ни чудотворных икон».

Женщины упали в ноги старцу и просили прощения**.

Перед ними стоял человек, живущий глубокой духовной созерцательной жизнью. Внутреннее делание невольно отобразилось на его внешнем облике. Старец излучал внутренний свет, не как какое-то озарение, а свет незримой, чистой, тихой Христовой любви.

Схиархимандрит Косма (Кузьма Иванович Смирнов (1885–1968), истинный подвижник веры нашего века, был первым старцем Спасо-Преображенской пустыньки в Латвии. Его имя должно быть вписано в историю нашей Церкви как пример высокого исповедничества и праведности в длительную эпоху гонения на христиан. Своим ревностным служением Церкви, своей святой жизнью он укреплял дух веры в народе, оберегал его от духовного разрушения, призывал к святости. Люди любили о. Косму за его любовь ко всем и служение всем, потому он и стал старцем не только маленькой обители в Латвии, но и всей страны. Через него Господь нес Свой мир и любовь всем, кто нуждался в них. «Любви и скорби брат» — так гласит о нем надгробная надпись в пустыньке.

Он был воспитанником Валаамского монастыря, куда поступил двадцати пяти лет с надеждой,

что это святое место будет последним его земным пристанищем, где он, ведя аскетическую жизнь, служа Богу и братии, обретет желанный душевный мир.

Но Господь вывел его из монастырской ограды в мир, который превратился в духовную пустыню и который нужно было одухотворять. В наш «пустынный век» все стало миром, некуда удалиться. По слову монахини Марии (Скобцовой), «сейчас для монаха один монастырь — весь мир». Ныне уже невозможно исполнить совет великого подвижника XV века Нила Сорского: «а жили бы чернецы по пустыням, а кормились бы рукоделием».

Исход в мир не есть духовная потеря для монаха, а приобретение, ибо «чем больше мы выходим в мир, чем больше отдаем себя миру, тем менее мы от мира, потому что мирское себя миру не отдает» (Скобцова).

Чем больше монах живет нуждами людей, тем ближе он становится к Богу, тем больше жаждет уединения с Ним. Оказывается, что очень совместимы глубокая созерцательная жизнь и жизнь среди людей. Ради людей уходили подвижники веры в монастыри, ради людей они выходили в мир, а монастырь, пустыню несли в своем сердце, ибо там они и зарождаются.

Сущность созерцания не в физическом удалении в пустыню, а в том, чтобы всегда быть в Боге.

О. Косма, как и многие монашествующие братья и сестры, находящиеся в рассеянии по всей стране, осуществляя свое служение в миру, открывал людям таинство присутствия в них живого Бога.

Господь желал научить Своего избранника, как апостола Петра, ходить по воде, то есть всегда верить Ему и надеяться только на Него.

Господь хотел, чтобы он всегда был с народом, вошел в его горе, чтобы он, подобно воссоздателю старчества прп. Паисию Величковскому, подобно прп. Серафиму Саровскому и оптинским старцам, широко открыл двери своей кельи миру. В годы стремительного расцерковления народа была крайняя необходимость в служении любви.

Призвание к святости о. Косма почувствовал еще в детстве. С годами он укрепился в мысли, что его путь в Церковь лежит через монашество. «У меня не было никакого чувства привязанности к миру, — писал он, — не было плотских чувств, были видения, что должен стать иноком». Монашеское облачение очень нравилось ему, и он просил себе у Господа балахончик. Кто-то из домашних говорил ему : «Ты такой некрасивый, поэтому в монастырь хочешь». Он отвечал: «В этой жизни я некрасивый, а в той — красивый». Отроку Косме было видение, что он очень красивый, он удивился и спросил: «Неужели это я?»

Старец Косма родился 22 октября 1885 г. в деревне Дуплино Мышкинского уезда Ярославской губернии. По своему воспитанию он был человек «некнижный и простой».

С малых лет он вместе с родителями, Иоанном и Синклитикией, братьями и сестрами крестьянствовал. Умел делать все: и грабли мастерить, и лапти плести. Когда умирали в их семье младенцы, Косма делал им гробики и крестики. Он не любил, чтобы ему прислуживали, но всегда сам хотел помогать всем. «Я служу, — говорил он, — спрячусь и радуюсь, и молюсь». На нем исполнились слова Господа: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» (Мф 20: 28).

Четыре зимы ходил Косма в церковно-приходскую школу в селе Шипилове, находившуюся рядом с очень красивым пятипрестольным храмом Иоанна Предтечи, в котором пели и читали на службах школьные учителя и дети священников. В храме имелся престол святых

бессребреников Космы и Дамиана. В зимнее время, в метель, церковный сторож звонил в колокол каждый час, подавая знак заблудившимся путникам.

В Шипилово на Преображение Господне приезжали монахи из Югского Богородицкого монастыря, что в Рыбинском уезде, с Югской чудотворной иконой Богоматери. Икону встречали потом во многих деревнях уезда. Из Углича в июле месяце ходили с иконой Покрова и преподобного Паисия.

Было принято в этих краях, когда люди управятся с яровой, идти куда-нибудь на богомолье: в Рыбинский Софийский монастырь, в Югский и в другие святые места, которых на Ярославщине, как и повсюду в России, было много.

Мать Синклитикия тоже ездила с Космой в монастыри, и однажды старец одной обители пророчествовал о ее сыне: «Какая ты счастливая! Сын твой родился не только для вашего спасения, но для спасения очень многих людей».

В одном из видений в детстве о. Косма услышал голос: «Родился не от рода сего». «А я думаю, — вспоминал о. Косма, — как же так — не от рода сего? Значит, я плохой? И слышу голос: «Нет, ты Божий».

Пророчествовала о будущем служении о. Космы и блаженная старица Ксения (Красавина Ксения Степановна), жившая неподалеку от деревни Дуплино. Ее открытые голубые глаза ничего не видели, но сердце было зрячим. Поэтому возле ее дома в селе Ларионовка всегда было много людей, желавших получить ее духовный совет. Родилась она в Мышкинском уезде, ее все знали и любили за доброту и мудрость. Около тридцати лет она прожила в землянке, как затворница, питаясь сухариками, а когда их не было, тербила мох и ела его.

Жаждавшие ее помощи приезжали за ней из разных мест и увозили к себе пожить, чтобы многие люди имели возможность получить духовную поддержку блаженной старицы. За это гонители веры ненавидели ее, преследовали, сажали в застенки, где она претерпела издевательства и поношения. Однажды тюремные начальники, глумясь над ее святостью, подали ей жареную ворону: «Вот мы курочку тебе приготовили». Старица ответила им: «Ворона летала, летала и Ксении на тарелочку попала. Кушайте сами».

Умерла блаженная старица Ксения 14 августа 1940 г., не дожив два года до ста лет.

Веря в молитву праведницы, многие люди приходили во время войны и приходят по сей день на ее могилку получить помощь свыше.

«После смерти родителей по склонности к духовной жизни я поступил в 1910 г. на служение Богу в Валаамскую обитель», — писал о себе старец Косма.

Вместе с братом Николаем он уехал в Петербург, где устроился в булочную на Апраксином дворе. Торговля была без выходных дней, поэтому удавалось прибегать только на вечернюю службу в Казанский собор. Однажды в булочную пришел странник и попросил у Космы хлеба, получив его, он сказал юноше: «Когда приедешь на Валаам, я тебя чайком угощу». Таинственный странник исчез, дав Косме знак Божественного призыва к иной жизни.

Вскоре Косма был уже в знаменитой древней северной обители, разместившейся на сорока двух островах, где, несмотря на сильное обмирщение монашеской жизни, многие ее насельники сохраняли древний дух иночества.

Как только он вступил на валаамскую землю, к нему подбежал знакомый странник, очень

худой, босой и радостно воскликнул: «А, Кузьма приехал! Я давно тебя ждал. Ты будешь помощником архиерея, будешь носить митру». И скрылся.

С большим смирением совершал Косма свой подвижнический, послушнический путь: он учился токарному делу по дереву и металлу, трудился в позолотной мастерской, в гостинице, потом стал келейником игумена монастыря старца Маврикия (Баранова) (1839–1918).

Он был послан в самое суетное место монастыря — гостиницу. На праздники в обитель приезжало много народу — «что каша крутая» — около четырех тысяч. Гостинники-монахи, принимающие паломников, несравненные терпеливцы, выслушивали тысячи разнообразных просьб, жалоб, распросов и всем служили с любовью. Они были здесь пастырями всего этого алчущего и жаждущего стада.

Служение паломникам было особенно по душе Косме, ибо соответствовало его натуре. Любовь к этому служению он пронес через всю свою жизнь, оно было прообразом его выхода в мир и его старческого служения в нем.

На Валааме закладывалась основа духовной жизни Космы, здесь он, порученный старцу, самому игумену монастыря Маврикию, приобщился к живому опыту валаамских подвижников.

Господь вывел Косму из монастыря в мир, в пекло начавшейся первой мировой войны. Он был мобилизован 2 апреля 1915 г. В списке лиц, выбывших из монастыря при мобилизации 1914–1915 гг., хранящемся в Петрозаводском архиве в фонде Валаамского монастыря, под номером тридцать восьмым записан послушник-богомolec Кузьма Смирнов.

Послушник Косма, как и большинство призванных из монастыря, покинул любимый Валаам навсегда. Возвратившись из армии в 1918 г. и приехав в Петроград, он не мог вернуться на Валаам из-за полного разобщения обители с Россией.

Косма поступил на Валаамское подворье, что на Калашниковской пристани у храма Бориса и Глеба, где проживал до призвания его на келейное послушание к епископу Илариону (Бельскому).

15 марта 1924 г. епископ Каргопольский Иларион лично постриг Косму в монашеский чин в подворьевской часовне с наречением имени Кирилл в честь преподобного Кирилла Челмогорского (память его 8/21 декабря) и взял его с собой в Олонецкую епархию.

Вскоре, 10 ноября 1924 г., монах Кирилл был удостоен принять сан иеродиакона от епископа Илариона в Никольском храме г. Каргополя.

Гонимого епископа Илариона переместили в Смоленск, где 9 мая 1925 г. он посвятил иеродиакона Кирилла в сан иеромонаха с исполнением обязанностей келейника и эконома.

Иеромонах Кирилл проживал с епископом до ареста владыки и ссылки его в 1926 г.

О. Кирилл со скорбью разлучился с любимым владыкой; он не мог разделить с ним тяготы ссылки, хотя очень желал этого. На Соловках «маленький Иларион» (так там прозвали епископа Илариона в отличие от бывшего также на Соловках архиепископа Илариона (Троицкого) был «запретником», т. е. приговоренным на весь срок на тяжелые физические работы. В сентябре 1931 г. его перевели на Беломорстрой, по окончании срока с 1935 г. он жил в Чебоксарах, где в конце 1937 г. был вновь арестован и расстрелян.

По разлучении с владыкой о. Кирилл в условиях жестокого гонения на Церковь и массового

вероотступничества продолжает свое служение как пастырь.

Не имея постоянного места служения, он жил как странствующий благовестник, гонимый с одного места на другое. Он служит в разных местах Смоленской и Тверской епархий — то в монастырях, то на приходах: в женском монастыре с. Комары, в Ордынском Богородском монастыре, в г. Велиже, в с. Высочерт.

В эти годы меньшинство хранило мученическую верность канонической Церкви, не соблазняясь, подобно «живоцерковникам» чечевичной похлебкой лживых благ. Церковный народ не принял «живоцерковников».

За непризнание обновленческой деятельности епископа Александра Великолуцкого о. Кирилл был арестован и гоним по тюрьмам Велижа и Смоленска. Он твердо стоял в Истине, не поступаясь самым драгоценным, что дал Господь всем нам — внутренней свободой.

После освобождения о. Кирилл был переведен в село Высочерт Тверской епархии, где служил до дня своего ареста 2 февраля 1931 г.

Он был выслан ОГПУ без суда по 58-й статье УК на девять лет в лагеря Беломорканала. С великодушием Иова он принял все утраты и не возроптал на Бога, был спокоен, всецело предав себя Его благой воле. Совершенно неизвестны подробности его пребывания в тюрьмах и лагерях, ибо он в годы гонения на Церковь не имел возможности говорить об этом открыто, а те, кто испил с ним чашу страданий, почти все уже умерли.

Вскоре после освобождения начались новые испытания не только для о. Кирилла, но и для всего народа — война с фашистами. По приглашению верующих станции Саблино о. Кирилл служил в кладбищенском Никольском храме, но всего только восемь месяцев, ибо был отстранен от служения благочинным о. Иоанном Амосовым, самосвятом, начавшим травлю батюшки. Бывший милиционер, агент органов безопасности, он объявил себя священником, носил рюкзак, сшитый из старинных парчовых риз. Он постоянно писал в Управление Миссии в Псков и немецким властям, а также в другие учреждения клеветнические письма на о. Кирилла, называя его самозванцем, лжепастырем, продавшимся большевикам. Эти письма сохранились в личном деле о. Кирилла и стали венцом блаженства на его главу исповедника и бескровного мученика.

В Православной миссии, созданной во время войны в Пскове для управления церковной жизнью по благословию митрополита Сергия (Воскресенского), дело о. Кирилла было рассмотрено положительно, и он был назначен в 1943 г. обслуживать несколько приходов — Любанский, Пельгоровский, Ильинский, Хоченский, Суствие-Поляны.

В том же году вследствие эвакуации всего населения немецкими властями о. Кирилл вместе со своей общиной, с церковной утварью был увезен в Латвию, в г. Бауск.

Здесь, в Латвии, до конца своей жизни о. Кирилл служит только в Церкви.

20 сентября 1943 г. Рижским епископом Иоанном (Гарклавсом) он был назначен в Спасо-Преображенскую пустынь Валгундской волости Митавского уезда.

Но постоянного служения о. Кирилла в пустыньке пока не получилось: из-за нехватки священников его часто отзывали служить в разные места Латвии. Он временно, до приезда о. Сергия Виноградова, служит в женском монастыре г. Илуксте, Двинского уезда, а осенью 1949 г. помогает ослепшему настоятелю Троицкого храма в с. Голышево в Латгалии, затем совмещает служение в Дубултском Свято-Владимирском и в Кемерском Петро-Павловском

храмах.

На Пасху 30 марта 1953 г. по благословению архиепископа Филарета о. Кирилл был возведен в сан игумена и осенью этого же года — 23 октября — его назначили на постоянное служение в Спасо-Преображенскую пустынь. С этого времени началось ее возрождение, духовное и материальное, превращение ее в духовный центр не только для жителей Латвии, но и всей страны. Все это совершилось благодаря духоносному служению в ней старца Кирилла, великого молитвенника и доброго пастыря.

Пустынька была мало кому известна за пределами Латвии. В нее, бедную, разоренную войной, приезжали редкие паломники, в основном из Латвии. Но прошло немного времени, и народ потянулся в нее со всех концов страны — от Владивостока до Санкт-Петербурга.

Существует предание, что на месте пустыньки жил когда-то старик-лесник, латыш. Ему было трижды видение православного креста. «Что-то здесь должно быть, — говорил он собратьям. — Наверное, русская церковь».

Сестры Мансуровы, Екатерина Борисовна (1861-1926) и Наталья Борисовна (1868-1935), подвижницы, исполненные миссионерского духа, основали в Риге в 1892 г. женскую общину, переименованную в 1902 г. в Свято-Троицкий женский монастырь — оплот Православия в Прибалтийской окраине. Они попросили землю для нужд монастыря, и в июле 1894 г. монастырь получил высочайший дар от Государя 173 десятины земли с лесными угодьями недалеко от Митавы, близ реки Аа.

В августе 1894 г. сестры Мансуровы приехали из Риги осмотреть участок и выбрать место для храма и для воскобелильни. В дневнике 20 августа они сделали запись: «Выбрали место селения Славы Божией и прикрепили к дереву образок явления Божией Матери преподобному Сергию».

Так появилось место молитвенного уединения для сестер Рижской обители, напоминавшее своей тишиной и соснами знаменитую Саровскую пустынь.

Первые пустынножительницы появились летом 1895 г. Они построили в лесу маленькую келью, водрузив на месте нынешней часовни деревянный крест у дерева с образком (крест сохранился и находится в часовне у храма прп. Иоанна Лествичника), и стали собираться сюда на молитву.

Слух о бесстрашных подвижницах, живущих в лесу, быстро пронесся среди местных жителей-хуторян, и они стали приходить молиться вместе с инокинями.

Беление воска продолжалось с мая до сентября, а осенью сестры возвращались в Рижскую обитель.

Для непрерывного пустынножительства нужен был храм, в нем нуждались и православные рабочие, приезжавшие из России трудиться на кирпичных заводах, расположенных на большом протяжении по реке Аа вблизи Митавы. Летом их число достигало шести тысяч, а зимой рабочих оставалось от шестисот до восьмисот человек. И вот эти бедняки посоветовали сестрам обратиться к хозяевам заводов с просьбой пожертвовать кирпичи для постройки храма.

6 августа 1897 г. состоялась закладка первого храма в пустыньке во имя Преображения Господня, а 20 июня 1899 г. он был уже освящен. День освящения Преображенского храма является датой основания пустыньки.

С этого времени и начала созидаться в лесной тиши монашеская жизнь пустынниц.

Постепенно число сестер увеличивалось: в 1911 г. их было более тридцати, к 1915 г. — сорок четыре.

Слишком большой разницы в духе и строе жизни в пустыньке и в Рижском монастыре не было, но все же пустынный устав был строже, а молитвенное уединение, близость к природе накладывали на пустынных сестер отпечаток необыкновенной простоты, духовного умиротворения и радушия ко всем.

Постепенно пустынька благоустраивалась. В 1908 г. был освящен второй храм в честь преподобных Иоанна Лествичника и Сергия Радонежского, рубленый из соснового дерева, без всякой облицовки снаружи и внутри, в котором все было просто: деревянные церковные сосуды, холщевые ризы, деревянные подсвечники. Здесь сохранялся первохристианский дух: когда верующие заботились не столько о благолепии и красоте храмов рукотворных, сколько о созидании живого храма души.

По соседству с храмом приютилась небольшая деревянная часовенка в честь прп. Иоанна Лествичника, построенная в 1899 г. на месте того дерева, на котором был водружен крест с иконой первыми пустынножительницами, начинавшими здесь свое святое дело.

Постепенно в пустыньке были построены домики для сестер, странноприимный дом, устроена церковно-приходская школа, разбит небольшой плодовый сад с пчельником.

Дивная в своей духовной простоте и величии Спасо-Преображенская пустынь стала помощницей Рижской обители в ее духовно-просветительном служении в иноверном крае, соединяя в одну духовную семью рассеянных чад Православной Церкви, помогая иноверцам познать Православие. Такое значение пустыньки проявилось постепенно.

Основательницы монастыря игумения Сергия (в миру Екатерина) и монахиня Иоанна (в миру Наталия) были наставницами, старицами для сестер, беседовали с ними, исповедовали их, были доступны сестрам в любое время. Духовно опекали сестер старцы из разных обителей, но своего, постоянно живущего в обители старца еще не было. Наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Павел (Глебов; +1904), настоятель Псково-Печерского монастыря архимандрит Мефодий (+1906) постоянно поддерживали духовную связь с пустынными сестрами. Инокниги считали архимандрита Мефодия духовником своей обители. Один раз в год он приезжал на длительное время в пустыньку: сестры-основательницы ездили к нему, окормлялись духовно через переписку. В письмах к сестрам он называл себя духовником обители. Сестры-основательницы отмечают в дневнике, что у обители появился духовный отец, многоопытный старец.

После смерти о. Мефодия личным духовным руководителем основательниц монастыря и пустыньки стал схииеромонах Алексей, старец Зосимовой пустыни при Троице-Сергиевой Лавре. Он был одним из духовников Марфо-Мариинской обители.

В декабре 1909 г. игумения Сергия и м. Иоанна ездили в Зосимову пустынь для получения благословения на передачу старчества другим монахиням, ибо сами они из-за физической перегрузки не могли окормлять сестер. Старец Алексей благословил, и вскоре к нему приехали выбранные сестры-старицы для благословения и назидания.

Постриги в обители совершали либо владыки, либо архимандрит Иннокентий и архимандрит Вячеслав из Рижского Алексеевского мужского монастыря.

В пустыньке и в Рижском монастыре был штатный священник при храме.

В первую мировую войну жизнь пустыньки замерла, сестры эвакуировались в Ригу, а затем в Россию, в Новгородскую губернию, взяв с собой ценные сосуды и иконы, а престолы храмов при пении «Святой Боже» сожгли, пепел захоронили у Преображенского храма. Основательницы монастыря не возвратились в Латвию. В 1985 г. прах м. Сергии, принявшей схиму и скончавшейся в г. Пушкине под Москвой, перенесли по благословению митрополита Леонида в пустыньку.

Примерно с 1922 г. жизнь в пустыньке стала постепенно возобновляться. Возвращаются из России сестры во главе с игуменией Евгенией (Постовской), которая была до эвакуации игуменией Илукстского монастыря. До 1947 г. она управляет Рижским монастырем и пустынькой.

При сменившей ее в 1948 г. игумении Тавифе (Дмитрук) в пустыньке уже проживало более тридцати сестер, в основном это были старенькие монахини из закрытых монастырей новгородских, московских, Санкт-Петербургских и других. Тогда всех монашествующих, находящихся в рассеянии, подбирали, чтобы они могли окончить свою жизнь в обители. Всех, кто попросился, кого была возможность принять, приютили.

Начав свое служение духовника в пустыньке, о. Кирилл возрождает прежний ее дух, дух простоты и бедности, уединения и созерцания, который был присущ валаамским скитам, но в меньшей мере самому Валаамскому монастырю, где уже в пору пребывания в нем послушника Космы было много пышности и слишком много всяких удобств, которые вызывали справедливые сетования у некоторых монахов.

Формально задачей о. Кирилла как духовника было отправление монастырских служб, исповедь сестер и их духовное окормление. Но на самом деле новые условия существования Церкви требовали от него самых непредвиденных форм служения миру. Государственные власти хотели превратить Церковь в заповедник для старушек, где бы они жили своей богослужебной жизнью и не оказывали бы никакого влияния на жизнь мира. Но Церковь в лице ее истинных служителей всячески разрушала эти перегородки, неся в мир любовь и внутреннюю свободу.

В эти годы наиболее полно проявилось призвание о. Кирилла как старца. На него была возложена большая ответственность — помогать всякому человеку, жаждущему личного духовного возрождения, стать личностью пред живым и личным Богом. Святые врата пустыньки и сердце старца Кирилла были открыты всем, кто искал путь к Богу.

Старец в Церкви не есть иерархическое лицо, он вне иерархии, у него с ней свободное общение. Сам Бог избирает и призывает на служение старца, Он же Сам ниспосылает ему дары Святого Духа. Народ Духом Святым узнает, открывает этого Божьего избранника и, когда откроет его, радуется, потому что через него в мир приходит Божественная Любовь как жизнь, к которой можно реально приобщиться хотя бы на время, которую можно созерцать как духовную красоту. Та малая, человеческая любовь, которой живет мир, требует восполнения Божественной Любовью. Старец живет ею, она в его сердце, открытом каждому человеку. Он с большим дерзновением свидетельствует миру об этой Любви, свидетельствует своей жизнью. Любовь не любит слов, не учит, не морализирует, предпочитает свидетельство. Поэтому многие старцы были свидетелями, но не учителями.

Ради народа, а не в награду за аскетические подвиги, которые у каждого старца имеются, дается Господом харизма старчества. «Как птица не может летать без крыльев, — говорил мудрый Акива, — так и народ не может жить без своих мудрецов».

Самым главным в своем служении старца о. Кирилл считал борьбу за человека, за то, чтобы каждый человек стал личностью. Личный Бог должен встретиться с лицом, а не с личиной, маской, с пустым местом. «Как встретить Бога лицом к лицу, если лица нет или вместо него — личина? Как стоять перед Богом, если отсутствует «самостоянье»?» — говорит праведник С.С.Аверинцев. Тем самым о. Кирилл вступил в самое решительное противостояние, в самую смелую борьбу с господствующим в стране направлением уничтожения личности, превращения человека в механизм, из свободного — в раба. Его келья, пустынька стали местом, где люди освобождались от рабства, от страха. В страну несвободы они возвращались свободными, окрыленными, преображенными. Он хотел, чтобы все приходящие к нему люди общались с Богом лично, не отдавая этот драгоценный дар — возможность личного общения — кому-то другому. Он стремился привести человека к Богу, чтобы Бог стал ему настолько близким, что он мог бы сказать Ему, как псалмопевец Давид: «Боже! Ты Бог мой» (Пс 62: 1). Когда старец встречал попытки нарушить это святое правило жизни — личного общения человека с Богом и с ближними, с самим собой, он вразумлял человека. Он пресекал магическое отношение к себе, к таинствам, которые он совершал, порой делал это с доброй шуткой. Однажды крестьяне пригласили его отслужить молебен на поле, а потом хотели покатасть по ржи, чтобы она была высокой. Батюшка мудро уклонился: «Я маленький, у вас хлеб будет низкий. Вы ко мне лучше в пустыньку покатайтесь, и ваша рожь будет хорошая».

Он хотел, чтобы человек не надеялся всегда только на чужую молитву, не оставался на всю жизнь духовным младенцем, не имеющим общаться с Богом, но сам обрел живое общение с Ним, имел пред Ним «самостоянье». Он сам не требовал от человека, приходящего к нему, подвигов, потому что он их не может совершить, а желал только присутствия в нем благого произволения, доверия Богу.

Сам он всегда надеялся только на Бога и всегда хотел слышать Его, никогда не препятствовал действию Духа Святого в себе, в ближнем, в событиях жизни. Он покорялся Ему полностью: «Душе Святой, Сам во мне живи, Сам говори, Сам действуй».

Он не надеялся на свой опыт, хотя он у него был богатый, на начитанность (она у него была скромная, батюшка был некнижный человек), а на Того, Кто всегда дает истинный совет, истинное вразумление.

Когда спрашивали у валаамских старцев совета, то не тотчас же получали ответ. Старец долго молчал, потом скромно отвечал: «Остановимся на таком решении» и тут же прибавлял: «Приемлемо или неприемлемо такое решение?». Человек чувствовал, что ему предлагается не арифметическая формула, безразличная к лицам, не совет от себя, а нечто другое, касающееся глубин сердца и совести.

«Подавая совет, — писал свт. Василий Великий, — не произноси решительного приговора, потому что не знаешь таин Божиих». Поэтому совет, полученный от Бога через батюшку, очень ценили, помнили всю жизнь. Он не был прописной истиной на все случаи жизни, которые мы иногда слышим из уст некоторых пастырей. Не видя того, кто перед ним стоит, порой рассерженный поведением своего чада священник дает эпитимью: «Сто поклонов!» А перед ним разбитый болезнью пожилой человек, который разогнуться не может, и он, естественно, не понимает этого совета, не принимает его, ибо это не совет любви, а палка для битья. Самое главное для о. Кирилла было пробудить совесть человека, оживить сердце. Одна из его духовных дочерей вспоминает: «Он брал мои руки и говорил: «Евдокия, руки мой!» А я думаю: «Я их всегда мою». А это значило, что они у меня «длинные» были. Я работала в общепите поваром и брала чужое. Все брали и брали, а я что хуже? Одна банку повидла украдет, другая — колбасу. И не думали, что воруют. Когда поняла это, поняла, и что руки мои водой не отмоешь — нужно покаяние».

Красота образа Божия совсем не утрачивается человеком, но может быть повреждена. Видя это повреждение в тех, кто приходил к нему, старец с глубоким сочувствием и состраданием старался помочь восстановить красоту разрушенного образа.

Если в миру воспитатели и родители говорили своим подопечным: «Я сделаю из тебя человека», то старец видел свою задачу в том, чтобы помочь человеку вырасти в меру его личного призвания. Он руководил духовными чадами без указов, без поучительства, без командования. Ломать человека, делать его подобным себе — духовное преступление, попрание духовной свободы, дарованной каждому человеку.

Старец приводил человека не к себе, а к Богу, не «делал» его, а возвращал, нежно и чутко, оберегая его душу от всяких соблазнов и внимательно следя за тем, как действует Дух Святой в человеке.

Будучи монахом очень строгой жизни, молитвенником и постником, живя в тишине пустыни, о. Кирилл не был пустынножителем-анахоретом, который покинул мир, чтобы вести тихую, спокойную, созерцательную жизнь, спасая свою душу. У него не было желания скрыться в Боге и никому не показываться, потому что он был призван служить миру. Пустынька и батюшка были тесно связаны с миром, потому что мир, пораженный безверием, превратившийся в духовную пустыню, нуждался в их служении. Мир не только обступил пустыньку, но и проник в нее в образе тех беженцев войны, которых приютили сестры, в образе тех многочисленных паломников, которые жаждали научиться жить с Богом.

Пустынницы по просьбе властей ездили работать в колхоз, поднимали его. «У нас некому работать, — говорили приглашавшие, — молодежь учится, на поле одна-две старухи ковыряются».

Сестры трудились в колхозе с восьми часов утра до пяти вечера. О. Кирилл со старшей сестрой м. Евгенией провожал их, благословляя отъезжающую машину, и встречал их.

Работа монахинь всем нравилась. «Когда вы начинаете первыми сажать в парниках, — говорил председатель колхоза, — у нас все хорошо растет и чисто. Когда мы начинаем сажать первыми, у нас бывает много травы и всего нехорошего». Он очень любил и уважал сестер, всегда звал их потрудиться.

Колхозники заботились о монахинях: привозили на работу и увозили домой, приносили на поле еду, давали свою молотилку, чтобы обмолотить монастырское зерно, вспахивали монастырские поля, делали для монастыря все, что монахиням было не под силу. Сложилась удивительная взаимопомощь и общение. Колхозники стали приходить на монастырские службы. «Жили как одна семья, — вспоминают сестры, — мирно жили. Они нам помогали, а мы — им. Никаких упреков не было, что я колхозник, а ты монах».

Работа для сестер в колхозе была не благотворительной службой, а служением любви, поэтому она принесла плод открытости и взаимной любви.

Когда власти хотели закрыть пустыньку, колхозники встали на защиту монастыря: «Монахини хорошо нам помогают. Не трогайте их». Гонители отступили.

Ради служения ближним, созидания Церкви о. Кирилл нередко покидал свою маленькую пустыньку и бесстрашно удалялся в огромную пустыню жизни, где его ждали с жадной духовной общением в городах и селах, тайных монастырях и скитах монахи, находящиеся в рассеянии, гонимые христиане. В обстановке преследования за веру он миссионерствовал

тайно, прикровенно: для бдительных властей это были поездки по сборам на бедную пустыньку, разоренную войной.

О. Кирилл никому ничего не навязывал, люди сами просили его прийти к ним, приехать, и он с радостью отправлялся в ближние и дальние путешествия, а если сам не мог добраться до очень отдаленных мест, то посылал туда своих помощников. Так некий юноша, Александр из Ташкента, был отправлен им с пакетом в Усть-Кут к трем старцам, живущим в доме с зеленой крышей. Эти старцы повезли его в какой-то тайный монастырь на севере.

Самым главным в этих поездках была христианизация людей, их воцерковление, рождение живых общин. О. Кирилл миссионерствовал в разной среде: беседовал с отдельными людьми в семьях, которые очень хорошо знал в Елгаве, в Риге, в Белополье, в Москве, в Санкт-Петербурге, в Пензе, в общинах. В период гонений существовало немало христианских общин, не имеющих ни пастыря, ни храма. Одних несвобода сломила, другие жили не как запуганные христиане-одиночки, а духовной семьей, постоянно собираясь по домам на богослужения мирянским чином. Такая община была в Тверской области, в селе Жарки, в которую входило человек тридцать. Много раз община обращалась к местным властям с просьбой зарегистрировать ее и дать ей пастыря, но безрезультатно. Жарковцы, имея жажду евхаристического общения и духовного руководства, начиная с 1958 г. приезжали за помощью в Ригу к старцу-священнику Иоанну Журавскому (1867–1964), но когда тот физически ослаб не мог служить и принимать людей, передал своих чад о. Кириллу, будучи одного духа с ним. «Вас надо дальше вести, — сказал он им, — а меня скоро не будет». Жарковцы стали ездить в пустыньку иногда всей общиной или поодиночке, начали помогать ей: посылали муку, воск — «Боженькин хлеб», как называл его о. Кирилл.

Эта община испытанных христиан жива, имеет построенный своими руками храм и пастыря.

Благодаря такому служению старца приходы на месте оживали, увеличивались, в них появлялась закваска общинной жизни. Налаживалась духовная связь с пустынькой, с ее старцем. Ее поддерживали письма, которые батюшка писал всем, кто был близок ему сердцем. Многие из общавшихся со старцем стали познавать Церковь и церковность и вместе с тем яснее увидели что не есть Церковь и церковность.

Тех, кто боялся крестить детей в храме, старец жалел. У него был помощник, который разузнавал о таких. О. Кирилл говорил ему: «Скажите им, что есть батюшка, который сам придет, окрестит без денег». И ездил после вечерней службы по домам, тщательно скрывая это от матушек. Однажды летом, возвращаясь после крестин, о. Кирилл почувствовал себя так плохо, что не мог выйти из машины. Послушнику Ивану Андреевичу, пришлось его незаметно лесом пронести на руках в келью.

Люди просили батюшку освящать дома, квартиры. Приглашали и партийные, которые потом привязывались к нему и тайно приходили в пустыньку на исповедь или побеседовать. В одной семье начали все болеть. Призвали батюшку. Его молитвы помогли.

В общении с верующими или неверующими, сомневающимися в вере людьми о. Кирилл никогда не давил, не принуждал, но движим был только любовью, что в миссионерстве является самым главным. Общение его с людьми было в свободе, в Духе, очень живым.

Он никого не тянул ко Христу, но только свидетельствовал о Нем своей жизнью. О. Кирилл не был искусен в проповедях, редко произносил их: сиянию благодати в нем не нужны были слова. «Он очень многое умел объяснить человеку без слов, — пишет о. Георгий Блазма, — так, как мало кто умеет объяснить словами... Его отличало от других духовных лиц то, что он никогда

не учил. Это было удивительно при его жизненном опыте, при его монашеской жизни».

Проповедовало в нем все: и душа, и тело, и дух. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф5: 16). В его глазах, маленьких, светло-серых, выцветших, все видели сияние вечной жизни, доброту. «Никогда я не видел этого взгляда равнодушным, безразличным, — вспоминает о. Георгий. — На каждого человека о. Кирилл смотрел очень внимательно, с чувством глубокого уважения и интереса. Это был взгляд снизу вверх не только в буквальном, но и в переносном смысле».

Быстрота, легкость, подвижность о. Кирилла показывали его постоянную готовность служить ближнему. Больные же ноги, застуженные в лагерях и утружденные многолетним стоянием на молитве, напоминали о его подвигах страдания и молитвы. От о. Кирилла исходил покой. «Меня поразила его тихость. Это все, что я могу вспомнить», — написал о. Сергей Богустов, видевший батюшку в двенадцатилетнем возрасте. «Когда он благословил меня, — вспоминает М.А. Кузнецова, — я почувствовала, и так всегда было, когда он благословлял, как от него исходит покой и тепло».

«Я сослужил ему на праздник Крещения Господня, — пишет о. Серафим Шенрок, — ходили на колодец освящать воду великим освящением. Я почувствовал тогда — старец близок к Богу. Как тихо на душе, когда с ним молишься». «Когда о. Кирилл приходил в храм, слезы прошибали», — вспоминает пустыница м. Афанасия. «Перед вечерним богослужением я вошел в алтарь Михайловского собора, земно поклонился и приложился к престолу, — вспоминает архимандрит Иоанн (Крестьянкин). — И не сразу я обратил внимание на гостя — смиренного старца, стоящего по правую сторону Горнего места у окна. Мы встретились взорами, и в тот миг я почувствовал то, что безмолвно говорило о внутреннем состоянии молящегося в алтаре гостя.

Живое чувство смирения и глубокой любви, внутреннего, согревающего душу света передалось мне на расстоянии. Я пошел к нему навстречу и по мере того, как расстояние между нами уменьшалось, сила этого чувства увеличивалась. Братски приветствовали мы друг друга, и я познакомился с настоятелем Рижской пустыньки о. Кириллом.

Краткая наша беседа только подтвердила то, что так ощутимо передалось мне на расстоянии в первый миг нашей встречи. Старец излучал внутренний свет, свет неизмеримой чистоты Христовой любви.

Тих, кроток, смирен и смирен, как послушник, он был истинным воспитанником Валаамского монастыря и носителем многих даров, полученных им в той святой обители.

Не имея долгих духовных отношений с о. Космой, в один миг и при первом взгляде я увидел в нем истинного, родного духом брата наших насельников-старцев Валаамского монастыря. Это было то же сияние, которому не нужны слова — сияние благодати».

Все чувствовали, что ему можно довериться, открыться, что он может понять каждого человека, выслушать его с настоящим уважением и истинным состраданием, порой даже не давая советов, а открывая своим вниманием собеседнику великую тайну его ценности, его внутренней свободы. «О. Кирилл относился к моему сану с гораздо большим уважением, чем я сам», — говорил о. Георгий Блазма.

Такое бережное выслушивание собеседника всегда возвышало человека, он познавал свое достоинство, свою ответственность и видел путь исцеления от всех своих недугов, душевных и телесных.

Став аввой, о. Кирилл сохранил в себе чувство послушника, оно всегда проявлялось у него как благоговейное и самозабвенное служение ближним. Он встречал человека и сразу же начинал ему служить.

«Одной из главных черт о. Кирилла, — вспоминает о. Георгий Блазма, — была его постоянная и исключительно активная нацеленность на добро. Он непрерывно искал и находил возможность чем-нибудь помочь людям, сделать им что-нибудь приятное. Отсюда и эта постоянная внимательность во взгляде: что человеку требуется? Что для него можно сделать?»

Однажды он был огорчен: в пустыньку нагрянули цыгане, проникли в келью к батюшке. Сестры с возмущением прогнали их, и когда сообщили об этом батюшке, он спокойно спросил их: «А вы их накормили, молочком напоили?»

Выходя из храма, он всем нищим, стоявшим на паперти, всегда подавал милостыню, каждого из них благословлял, внимательно смотря в лицо, и с каждым говорил.

Придя из храма, он сразу же насыпал зерно в птичьи кормушки и ставил еду кошке, потом все внимание уделял гостям. Он всегда ликовал, встречая человека. Он никогда не отпускал никого от себя, не накормив, да еще подорожничков — так он называл пирожки — попросит келейницу м. Амвросию настряпать. Всегда проверит, кто где ночует, и если увидит, что кому-то чего-то не хватило, найдет и принесет одеяло или подушку. Если кто заболит из сестер или паломников, непременно навестит и что-нибудь принесет.

На пастбище он приносил сестрам-пастушкам какое-нибудь утешение (угощение), на поле — грабли.

Поздно вечером батюшка надевал передник, клал в него хлеб, сахар, чай, фрукты и шел по кельям подкреплять сестер, много работавших, но имевших скудную монастырскую трапезу: пять мелких картофелин, огурец, хлеб. Постучит палочкой в окно или дверь и даст что-нибудь сестре из передничка: «Это тебе, подкрепишь».

М. Феофания после операции лежала в Елгавской больнице и чувствовала себя очень плохо, не могла ничего есть. Приходит к ней о. Кирилл и приносит всякую еду: «Фамилии не знаю, а все же тебя нашел». Она сказала, что ничего не может есть. «Бери все и ешь», — сказал батюшка, благословил и ушел. М. Феофания стала есть, постепенно все съела и поправилась. Выписывая ее из больницы, доктора просили ее проверяться у них, но она и забыла об этом.

У юноши-латыша Ивара, жившего вблизи пустыньки, умерла мать. Он ходил полуголодный, полураздетый. О. Кирилл благословил сестер ухаживать за ним, а его пригласил трудиться в пустыньке.

Старец взял на свое попечение семью Чуйковых — Елену и ее сыновей-близнецов Сергия и Михаила, которые впоследствии стали священниками.

За эту простоту и заботу о всех сестры очень любили о. Кирилла, поэтому одна монахиня сказала ему: «Давай мы тебя будем называть не отцом, а матерью».

О. Кирилла всегда видели трудящимся. Дождь идет, а он все равно что-нибудь делает. Он помогал сестрам по хозяйству: копал огороды, кому косу наточит, кому починит грабли, кому исправит крыльцо. Когда начиналась сушка сена, он всегда старался всем сделать грабли, починить сломанные, делал все хорошо и крепко, сам шел с сестрами на сенокос, сгребал и сушил сено. Не забывал птиц: делал им скворечники. У него была столярная мастерская, где он любил работать. Самым лучшим подарком для него был какой-нибудь столярный

инструмент. В сарае стоял чисто выструганный сосновый гроб и сосновый крест, сделанные им для самого себя. Он завещал похоронить себя в этом гробу. Это завещание было исполнено.

В храме прп. Иоанна Лествичника и в часовне стояли сделанные им подсвечники простые, с квадратными верхушками. В разоренной войной пустыньке не на что было поставить свечку. Когда пустынька разбогатела, эти подсвечники убрали, поставили дорогие. Монахини говорили: «В просто убранном храме Бога лучше видишь, не заставлен Он от тебя никаким «сокровищем».

О. Кирилл сам сделал стульчики и скамеечки для слабеньких матушек и паломников. Имея каллиграфический дар, батюшка-краснописец полууставом писал много молитв и акафистов и рассылал их, писал монастырские помянники, которые только недавно из-за ветхости переписали сестры.

Детям, приезжавшим вместе с родителями в пустыньку, он всегда старался привить навык трудолюбия, служения. По благословию батюшки их учили прислуживать в храме — ставить свечи и вовремя убирать огарки на подсвечниках, выносить свечу, читать шестопсалмие. Когда отрок Сергей Чуйков читал шестопсалмие, стоя на маленькой скамеечке, о. Кирилл находился рядом и поправлял его. Дети всегда участвовали в крестных ходах. На лошадке с монахиней они ездили на почту, охраняли огороды от диких кабанов, ходили на поля убирать урожай, пасли коров и овец, собирали грибы и ягоды для обители. Иногда родители с детьми уезжали на Рижское взморье купаться, но дети часто торопились вернуться в обитель, говоря, что «на взморье много народу, шумно, а в пустыньке — тишина, и там батюшка Кирилл». Пустынька жила своим хозяйством: овощи выращивали сами, пекли свой хлеб, было свое молоко. Жили без пышности, скудно, тихо, молитвенно, мирно. Даже маленькую баночку меда, пожертвованную сестрам, которую, казалось, невозможно было поделить поровну, поделили, растворив ее по благословию батюшки в воде.

Батюшка ничем не нарушал этот дух скромной пустынной жизни, наоборот привносил в него своим подвигом нестяжания и постничества еще больший дух аскезы.

Он жил в маленьком доме у соснового леса, в скромной маленькой келье, большую он отдал больному, пострадавшему в лагерях о. Сергию Виноградову, жившему в пустыньке на покое.

В келье — святой угол с маленьким иконостасом, устроенным самим батюшкой, перед которым теплились семь лампад, на стенах множество икон разных размеров, в основном бумажных.

Около иконостаса стоял аналой, сделанный из фанерного почтового ящика.

У окна стояли небольшой самодельный стол, на котором лежали книги, записи батюшки, и стул. Слева — маленькая печка, почти незаметная, топчанчик из двух сбитых досок, на которых отдыхало его тело, суконное черное одеяло, а под ним — ничего. Над ложем висела большая фотография с видом Валаамского монастыря, рядом фотографии старцев: Силуана Афонского, валаамских старцев, живших на покое в Псково-Печерском монастыре, с которыми он поддерживал постоянное общение лично и через своих посланников, а также начертанные на бумаге добродетели «смирение, терпение и послушание», которые старец считал для себя самыми главными в духовной жизни.

Келью о. Кирилла называли часовенкой всех святых, сам батюшка называл ее вторым алтарем. «У меня здесь второй алтарь, — говорил он проходящим. — Я хочу, чтобы на вас посмотрели мои святые».

Здесь свет всегда горел до двух часов ночи. Малый сон, как на Валааме. «А в четыре утра, — говорил батюшка, — мне всегда в рамочку стучат. Я проснусь и другой раз говорю: кто там? Никого нет».

Он читал Псалтирь стоя, держась за аналой и переминаясь больными ногами.

Послушник из мира Иван Андреевич Калиниченко однажды ночевал в келье у старца и решил не спать, пока старец не окончит свое правило; он боролся со сном до трех часов и заснул, а рано утром старец будит его и ласково говорит: «Иван Андреевич, пойдём на службу».

Когда были какие-нибудь неприятности, вражьи нападения, о. Кирилл уходил в затвор: закрывался в келье, никого не принимал и не выходил, пока все не утихнет. Иногда монахини с большой тревогой смотрели в окно: жив ли он, потому что его долго не было.

В этой келье за полуночной молитвой ему было явление Божией Матери. Она вышла из Почаевской иконы Божией Матери, пред которой предстоял старец. Потом эта икона была у о. Тавриона (Батозского).

О. Кирилл ничего при себе не имел: все его сокровище было в нем, он все, что получал, тут же раздавал, поэтому его невозможно было обокрасть. Воры, не раз влезавшие в его келью, всегда уходили недовольные.

Когда стирали его белье, видели заплату на заплате. Добрый пример нестяжательности и любви ко всем о. Кирилл имел на Валааме в лице игумена Маврикия, настоятеля монастыря, у которого он был келейником. О. Маврикий, кроткий и смиренный старец, ходил в простой, уже поношенной рясе, так что встречавшиеся с ним паломники не всегда признавали в нем игумена. Его игуменские покои состояли из трех маленьких низких сводчатых комнаток, очень скромно обставленных. «Освободившись от приемов и канцелярской переписки, — писал об о. Маврикии митрополит Антоний в некрологе, — он принимался за общебратские послушания — чистку картофеля, укладку дров, сенокос и т.п., ездил он всегда в третьем классе, даже тогда, когда ему вручали билет второго класса. В бане он мылся вместе с простыми послушниками, и когда один новоначальный, не узнав в лицо обнаженного настоятеля, окрикнул его: «Чего ты, старик, забрал две шайки?» — он ласково сказал: «Ну бери, Бог с тобой...» Он отменил все преимущества своего положения — довольствовался братской пищей, одеждой и пр.

Он жил своим внутренним миром, но не был чужд участия и любви к ближним, что выражалось не только в его радушном и ласковом обращении со всеми, но еще более в его чрезвычайно продолжительных молитвах в церкви и келье, во время которых он перечитывал бесконечные поминания с именами братии обители и всех знаемых им. От молитвенного стояния ноги его ниже колен были совершенно темные, почти черные, они и свели его в могилу.

Надпись на надгробной плите игумена Маврикия гласит: «Он управлял обителью десять лет и всем являл собой пример смирения, простоты, неустанного молитвенного подвига, многих трудов и сердечной отзывчивости».

Таковыми же были подвижники, столпы валаамские, во время пребывания о. Кирилла в обители — прозорливый иеросхимонах Исаия, слепец-схимонах Онуфрий из Всехсвятского скита, тоже прозорливый старец, воплощенная кротость, и другие, всегда жизнерадостные, умалившиеся по-евангельски, как дети, от одного слова которых и вида их невольно мог прослезиться самый черствый человек.

О. Кирилл был постник, питался скудно. На столе изобилие, но для других. Батюшка любил угощать, а сам делал вид, что ест. В среду и пятницу он до трех часов воздерживался от пищи. Белого хлеба не ел. Если упадет крошка на стол во время трапезы, то возьмет ее, поцелует и съест.

О. Кирилл принял от валаамских старцев священный дух простоты, кротости и смирения. В письме своим духовным детям он называл себя «пустынным жителем», который живет вместе со своими сестрами-пчелками в любимой пустыньке, где они «трудятся, молются да с грехами борются».

Келейница митрополита Вениамина (Федченкова), управлявшего Рижской епархией с 1948 по 1951 г., рассказывала, как однажды о. Кирилл приехал к владыке в Ригу из пустыньки и не застал его. Она предложила ему подождать, дала читать какую-то книгу, а сама пошла готовить обед, потом покормила вернувшегося владыку, сама пообедала, помыла посуду и пошла в свою комнату немного отдохнуть и тут задела тихо сидевшего батюшку. «Батюшка, прости ради Бога, тебя позабыла». «Ничего, ничего, мне тут хорошо с четочками, книжечку почитал». За все довольно долгое время ожидания он ни разу не вышел и не спросил, пришел ли владыка, только терпеливо ждал.

Ходили слухи, что кто-то из старших сестер-пустынниц поднимал руку на старца, но он никогда об этом никому не говорил, не жаловался. М. Евгения, старшая сестра, уставщица, очень суровая, часто ставившая ему разные преграды, однажды дерзко сказала: «Ты как наемник здесь, а я старица». «Я священник», — смиренно ответил о. Косма и ради мира безропотно удалился к митрополиту Вениамину, где некоторое время служил с ним, как в скиту, в маленьком храме при архиерейской даче в Дубултах.

Его никто никогда не видел в состоянии гнева, раздражения. «Если смиришься, — говорил он одной монахине, — то обиды не будет».

Незадолго до смерти о. Кирилла игуменья Тавифа хотела отправить его на покой в Печерский монастырь, а на его место взять одного рижского священника. «Он монах, пусть живет в монастыре», — сказала она. О. Кирилл скорбел, но никому не пожаловался, а все поведал Божией Матери: «Мать Божия, куда же мне такому старому и больному идти?» На Успение Господь взял к Себе священника, а о. Кирилла оставил в пустыньке.

Епископ Иоанн сильно притеснял старца, но о. Кирилл все нападки терпел. Православные латыши, каким-то образом узнав это, сказали владыке: «Если вы старца еще обидите, мы пойдем за него, как на войну».

Имеющий опыт мученика и исповедника, о. Кирилл был наставником в науке мужества.

В 20-е годы о. Кирилл обличил владыку-самосвята. Тот пригрозил, что посадит его. Так и получилось.

В тюрьме его принуждали отречься от Бога и обещали за это свободу. Когда он из ссылки возвращался домой, около Тосно немцы разбили поезд, и он пошел к брату в Саблино пешком, скрываясь в лесах, живя в бункерах.

Во время войны о. Кирилл тайно помогал партизанам, ходил к пленным по лагерям, бедным детям посылал хлеб. За это гестаповцы били его плетками и преследовали. Он скрывался в лесах, молился в подвалах. Немцы заставляли его пилить дрова и давали ему пайку хлеба с опилками в триста граммов. Однажды он увидел женщину с двумя детьми, очень истощенных и

голодных, идущих мимо его окна. Он побежал за ними и отдал им свою пайку.

За связь с партизанами немцы приговорили о. Кирилла к расстрелу. Два вооруженных немца увезли его в лес, поставили к березам. «Я перекрестился, закрыл глаза, сложил руки на груди. Слышу три выстрела. Это моя смерть. Глаза не открываю. После выстрелов не падаю. Почему? Потом подходят немцы и ищут дырки от пуль на моей телогрейке. Нет ни одной. Тогда говорят по-русски:

— Ты нас не подведешь?

— Я открыл глаза и вздрогнул.

— В чем?

— Мы тебя убивать не будем, если ты будешь скрываться от нашей комендатуры. Не показывайся, пока она не переедет. Если покажешься, нас расстреляют.

Я им дал слово, что не буду показываться. Они завели машину и уехали.

Добирался ночами до Саблино. Брату и многим людям было уже известно, что меня расстреляли. Я ночью пришел к брату и постучал. Брат открыл по голосу. Не верил, что перед ним я. Открыл, мы обнялись и заплакали».

Близкие о. Кирилла держали в тайне место его пребывания. Покуда немцы не ушли, он не показывался. И только после их отступления открылся. Вместе с диаконом Михаилом он совершал требы в Любани, в селах, ходя туда с посохом пешком пятнадцать километров. О. Кирилл не мог ходить в рясе, надевал штатское, но под длинным пальто была маленькая ряска, ее немного было видно из-под пальто. Наперсный крест носил всегда.

Будучи глубоко верующим, он понимал, что его жизнь не зависит ни от тирана, ни от патриарха, ни от кого из людей, а только от Бога. Бог — Любовь. Он никогда не хочет никому плохого, поэтому всем искушениям в жизни старец стремился доблестно противостоять, без смущения и озлобления. Своим гонителям и притеснителям он всегда мог сказать: «Я вас не боюсь, я вас люблю». Слова апостола: «Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте» (Рим 12: 14) были его жизнью.

Иноконе Валерии он говорил: «За правду Божию борись до крови».

Умудренный опытом мужества и терпения во времена гонений на Церковь в 20–30-е годы, о. Кирилл пережил новую волну гонений на христиан, начавшуюся в 1960 г. В Латвии, как и в России, стали закрывать храмы. Великолепный Рижский Христорождественский собор, в подвале которого когда-то жил владыка-мученик Иоанн (Поммер), без сопротивления со стороны правящего архиерея был закрыт 21 января 1961 г. и превращен в планетарий. Власти за этот «подвиг» повысили епископа в сане и перевели в Нижний Новгород. Рижскую епархию начали обслуживать приезжие епископы, среди которых был и нынешний патриарх Алексий. Только через три с половиной года на Рижскую кафедру был назначен постоянный архиерей. Епископ Никон (Фомичев), приехавший в Ригу в 1962 г., добился восстановления Рижской епархии.

Под угрозой закрытия оказался Рижский монастырь. Молодых и трудоспособных монахинь предполагали устроить на работу, а стареньких — отправить в пустыньку. Игуменья Тавифа ради спасения Рижского монастыря решила закрыть пустыньку. О. Кирилл решительно отверг этот человеческий план. В защиту правды Божией он проявлял всегда твердость,

кроткую независимость. Он и сестры, его духовная семья, горячо молились. Пустынька и Рижский монастырь были сохранены.

Удивительно кроткий, смиренный, о. Кирилл, всегда живя по совести, не отступал от правды, не человекоугодничал. Так, однажды он не допустил кощунства над исповедью со стороны любимого им рижского священника.

«Я с семьей одно время жил в очень большой нужде, — рассказывает о. Серафим Шенрок. — И как-то в состоянии отчаяния решил: поеду к о. архимандриту на исповедь, но внутренне думал о другом: он даст мне на дорожку, что меня в настоящий момент может серьезно поддержать. Приезжаю, меня все знали, пропустили к келье о. архимандрита. Стучу. «Кто там?» Я говорю: «Отец Серафим к Вам, о. архимандрит». «Я не принимаю». Я был удивлен. Он так был со мной мил, так любезен, как будто я один у него избранник. Он знает, откуда я приехал, не сосед же я его. Не принял. Я поехал обратно с чувством невероятного душевного волнения, даже подумал: вот тебе и старец. Только уж дома, придя в себя, порадовался происшедшему: старец-прозорливец, он не допустил меня совершить грех кощунства над исповедью».

Однажды в пустыньку приехали представители власти. О. Кирилл в запачканной одежде что-то мастерил. С раздражением они спросили его: «Где здесь у вас о. Кирилл? Нам надо с ним поговорить». — Батюшка ответил: «Сейчас он придет» и пошел переодеться, а гостей позвал попить парного молока. После беседы с о. Кириллом гости успокоились и, удивленные его миролюбием, покинули обитель.

У о. Кирилла не было страха перед инославными, потому что он был глубоко православным, сыном Вселенской Церкви. Отсюда его свободная открытость человеку другого опыта христианской жизни.

В пустыньку постоянно приезжала медсестра из Риги Клавдия Штессингер, православная, муж которой, Иван Юрьевич, был лютеранин. На этой почве у них был разлад. Познакомившись с о. Кириллом, Иван Юрьевич полюбил старца, православную службу. О. Кирилл не раз долго беседовал с ним, но без всякого давления. Ивану Юрьевичу открылась тайна неразделенной Церкви, и он пожелал принять Православие. В ночь после присоединения он видел сон: очень высокая стена — не перелезть. Кто-то говорит ему: «А все-таки ты ее перелезешь». И он перелез.

Схимонахиня Ксения из Москвы рассказывала, что когда о. Кирилл молился за убиенных в первую мировую войну воинов, похороненных в пустыньке, то однажды усомнился: «Может быть, Тебе неуютно, Господи, что я за них молюсь?» Я встал на колени, — вспоминал батюшка, — вдруг открылось небо, и на каждой могилке немецких и русских воинов я увидел венец. «Они у Меня мученики, — сказал Господь, — не по своей воле погибли». И я удвоил и утроил молитву о них».

О. Кирилл обладал не одним даром старчества, он имел и другие дары Духа — исцеления, прозорливости, совета. Все они помогали батюшке как можно лучше и больше послужить ближнему.

Монахиня Людмила из Пюхтиц была очень больна, ее волоком притаскивали в храм. С двумя провожатыми она приехала в пустыньку к о. Кириллу. Он в момент их появления разговаривал с питерской женщиной, уезжавшей домой, благословил ее, и она пошла на поезд и уже была далеко. «Мать Людмила! Она сумочку забыла. Отнеси ей», — громко, со властью сказал о. Кирилл. Людмила схватила сумочку и понесла женщине. «Да разве ты ее так догонишь? Беги», — приказывает батюшка. М. Людмила как побежит и догнала женщину. Возвращается, а

батюшка улыбается.

«У меня после операции разболелась правая нога, я не могла ходить, разгрести снег в пустыньке. Кое-как приду в храм, а то и нет.

Вечером экономка о. Кирилла м. Амвросия приносит от него деньги и записочку: «Соломония, сходи в магазин и купи сахар и консервы». А я думаю: «Что же мне такое батюшка написал, мне же не пройти». Сказать матушке, что не пойду, не смела. До святых ворот дошла потихоньку, хотя мне трудно было даже разогнуться. Когда я шагнула за святые ворота, у меня боли в ноге не стало, я не ощутила ее, и я сходила в магазин. Никто об этом не узнал, знала только моя душа, что это произошло по молитвам о. Кирилла».

«Однажды после службы о. Кирилл дал мне несколько просфор, — вспоминает его сотаинник, долгодетный послушник из мира И.А.Калиниченко. — В конце недели он присылает письмо: «Иван Андреевич, Вы небрежно храните просфоры». Я сразу кинулся на кухню, где лежали просфоры. Там было сыро, и просфоры стали плесневеть».

«Когда в семействе нашем случится скандал, он всегда придет на несколько минут», — вспоминает тот же послушник.

Однажды, находясь в Троице-Сергиевой Лавре, о. Кирилл навестил схимонахинь Александру и Маргариту, часто приезжавших в пустыньку, у которых остановилась мать иеромонаха Виссариона, хорошо знакомого батюшке. Мать, в постриге монахиня Валерия, скорбела, что живет возле Лавры без прописки, просила помолиться о. Кирилла. Батюшка сказал ей: «Тебя скоро пропишет преподобный Сергей». Через три месяца она, болевшая астмой, скончалась у кого-то в доме рядом с обителью.

О. Кирилл не благословлял пустынных мать и дочь Варвару и Веронику Васипенко, приехавших в пустыньку из Иерусалима, из Горненской обители, возвращаться туда. «Вас там убьют», — открыто сказал им старец. Они не послушались и уехали в 1965 г. Батюшка скорбел. Через много лет его предсказания сбылись. Об этой трагедии, случившейся в Горненской обители, узнал весь мир.

Монахине Евгении о. Кирилл незадолго до ее кончины сказал: «Вместе домой пойдем». Она умерла 19, а он — 28 июня.

«Когда мы подъехали к домику настоятеля, — вспоминает протоиерей Борис Старк, — нам сказали, что батюшка отдыхает и его нельзя тревожить, но в эту минуту дверь открылась, и появился сам батюшка с открытыми объятиями: «Ну наконец о. Борис приехал. А я давно Вас жду». Я был поражен этими словами, так как батюшка не был предупрежден о нашем приезде, и вообще я думал, что он не знал о нашем существовании. Потом была беседа, как со старым знакомым, поразившая меня своей простотой и, в то же время, прозорливостью. Казалось, что он знает все обстоятельства моей жизни. Уже потом, после его смерти, я сообразил, что он мне многое сказал о моем будущем. Я припомнил все его слова, сказанные как будто случайно».

«Как-то я с матушкой игуменией Магдалиной (Крысько) приехала в пустыньку и в этот же день потеряла зарплату (сто сорок рублей). Я ничем не выдала себя, посмотрела больных. О. Кирилл был простужен, я ему поставила банки, назначила лечение, уложила в постель, попрощалась и ушла. Когда мы сели в машину и я еще не успела включить мотор, вдруг увидела, что келейница о. Кирилла м. Амвросия бежит к машине и передает мне конверт с деньгами: «Батюшка передает Вам деньги, чтобы вы не скорбели». Я была поражена и не знала, что делать, пыталась вернуть конверт, но матушка игумения меня убедила, что я должна взять его,

так как о. Кирилл прозорлив, и рассказала, что у нее был подобный случай. Она потеряла деньги, завернутые в белый платочек, а батюшка, не зная о пропаже, передал ей деньги также в белом платочке, именно столько, сколько она потеряла» (Н.А. Масько).

«В пустыньке я жила у м. Феодоры, она сломала бедро, и я за ней ухаживала, возила на тележке в храм. У нее рубашки не было, у меня — тоже. Думаю: пойду куплю ситчика и сошью. К вечеру о. Кирилл приносит м. Амвросии коленкор. А она меня и просит сшить рубашки. Мои мысли уже у о. Кирилла». (С.Н. Шелгунова).

Посадил батюшка обедать с собой Афанасия, с которым служил вместе в Ордынском монастыре. Налили суп. Афанасий подумал: «Хорош суп с рыбкой, когда б сметанкой побелить, был бы еще вкусней». Батюшка уходит и приносит литровую банку сметаны и говорит: «Ну мы и побелим». Афанасий не мог сидеть за столом от стыда: «Батюшка, прости меня, что я так подумал».

Женщина из Риги везла много вещей для пустынных сестер. Ехала последним автобусом, перепутала остановку, нужно было идти километра четыре. Она сильно боялась. Вдруг услышала скрип саней. Монахиня на санях поворачивает лошадь и спрашивает: «Вы едете к о. Кириллу?» — «Да». — «Садитесь. Он послал за Вами, уже ждет Вас».

Дар прозорливости о. Кирилл по своему глубокому смирению умел тщательно скрывать, чтобы оберечь души верных от древней болезни чудомании.

Был день, когда о. Кирилл сделал грабли и, отдавая их сестре, сказал: «Береги, последние грабельки сделал».

Пришло время оставить земную жизнь, которая была у батюшки страдальческой: болезни, скитания, поношения, что является для особо избранных Богом душ свидетельством дарования им вечного блаженства.

Он страдал до последнего своего вздоха.

Всегда больной, о. Кирилл незадолго до смерти заболел мучительно. По настоянию родственников его положили в Елгавскую больницу по поводу приступа стенокардии, а затем в домашних условиях у него произошло ущемление грыжи.

Владыка Леонид (Поляков) вместе с помогавшим ему врачом из Риги, в пустыньке, в игуменской, сделал о. Кириллу операцию. Старец был очень терпелив, отказался от уколов и лекарств. Шов не зашили, а заклеили ввиду безнадёжного состояния больного. Он напоминал умирающему о голгофской ране Спасителя, о Его страданиях, которые старец всегда глубоко переживал и к которым приобщился страданиями всей своей жизни и этих последних минут.

Находившийся в пустыньке народ сострадал батюшке и молился за него кто в храмах Преображенском и прп. Иоанна Лествичника, где были священниками открыты Царские врата, кто во дворе пустыньки.

Вскоре после операции владыка Леонид вместе с московским священником о. Николаем, служившим в эти дни в пустыньке, соборовал старца, разрешив его от уз и трудов земных.

26 июня архиепископ Леонид совершил постриг о. Кирилла в схиму, назвав его мирским именем Косма. Батюшку причащали каждый день.

Наступила любимая им пятница. В храме начали служить Евхаристию, на которой помянули

болящего, на одре лежащего схиархимандрита Косму, что было необычно для всех привыкших к прежнему имени старца. Перед причащением весь алтарь осиял свет, его увидели священники, близко стоящие к алтарю, поющие монахини.

О. Николай открыл Царские врата и сказал всем: «Пойду причащать о. Косму». Но тут же возвратился в алтарь, поставил Чашу на престол и попросил алтарницу м. Нектарию сходить узнать, как там батюшка. Она приходит и говорит, что батюшка уже скончался.

Свет возвестил его кончину. Небо причастило его.

На погребении старца, совершенном в понедельник, тот же свет сиял от его гроба и креста, которые бережно несли любящие его чада к могиле. Сохранившаяся фотография дивно показывает это.

Отпевание воспринималось как великий праздник, солнце играло, как на Пасху.

«Когда гроб с прахом праведника был поднят, — вспоминает о.Александр Куликов, — то многие ощутили, что подняли нечто духовно великое,... трудно выразить словами».

В своем слове перед погребением архиепископ Леонид призвал верующих подражать любви, кротости и послушанию старца, которые он стяжал с юношеских лет, полнее воспринимать его духовное наследие. «Его многие не понимали, так как больше стремились стяжать внешний почет, а он, отягощенный годами и болезнями, совершал Божественные Литургии, молился «о всех и за вся».

Патриарх Алексий I в телеграмме писал: «Мир и покой душе в Бозе почившего схиархимандрита Космы в обителях Отца Небесного, о чем вместо скорби да будут наши усердные молитвы вместе с насельницами Преображенской пустыни, где много лет служил и подвизался почивший старец».

А далекие от церковной жизни рабочие говорили собравшимся: «Этот батюшка у вас святой».

На отпевание батюшки приехало много таксистов. После погребения они с каким-то воодушевлением развозили собравшихся по домам. Когда люди хотели расплачиваться за проезд, они наотрез отказывались, говоря: «Сегодня мы работаем бесплатно, батюшка давно уже все заплатил». От Елгавского таксопарка был венок на могилу старца.

Так «они засвидетельствовали перед Церковью о твоей любви», отче (ЗИн 1: 6).

«Праведник непременно будет жив» (Иез.18:9).

Любовь о. Космы продолжает изливаться и будет изливаться на всех, ибо она жива. Он продолжает свое служение ближнему.

Погребение схиархимандрита Космы в Спасо-Преображенской пустыньке 1 июля 1968 г.

Вскоре после кончины о. Космы его сотаинник, послушник Иван Андреевич Калинин из Елгавы, попал в автокатастрофу и лежал в реанимационном отделении. Ему становилось все хуже и хуже.

«Вдруг ночью входит в палату о.Косма, — рассказывает Иван Андреевич, — в черной рясе с крестом и четками.

— Батюшка, Вы же умерли? Как же так? Он дает мне знак молчать. Идет ко мне. Касается рукой ноги, которая была на вытяжке. Какого места коснется, там боли прекращаются совсем. Приятно. Коснулся левой ноги и отошел от меня. Я хотел с большой радостью вступить в разговор, но он опять дал мне знак молчать и даже сказал: «Молчи!» Наклонил голову и пошел обратно к двери. Я в большой радости. Думаю, как же так, он умер, а пришел живым?

Мои боли совсем прекратились. На утреннем обходе врач был удивлен: «У Вас все обойдется без ножа, — сказал он мне. — А вначале я хотел делать Вам операцию».

Это один из множества имеющихся примеров продолжающегося служения старца всем нам.

Как-то я спросил митрополита Леонида, понимавшего и ценившего о. Косму: «Вошел ли, по его мнению, о. Косма в меру святых отцов?» Владыка тихо и твердо сказал: «Батюшка — святой, святой, святой!»

20 июля 1996 г.

* См. также журнал «Православная община» №32 (2) за 1996 год, где опубликован очерк священника Георгия Блазмы «Да светит свет ваш пред людьми», посвященный памяти схиархимандрита Космы.

** Эту историю об о.Косме автор слышал из уст насельниц пустыньки, другие же связывают ее с именем о.Тавриона (Батозского).

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Из народной духовной поэзии

Поэзия

Плач Адама

Восплакался Адамий, перед раем стоя:- Ты раю мой, раю, прекрасный мой раю!- Мене ради, раю, сотворен бысть,- Еввы ради, раю, заключен бысть.Евва согрешила, Адама прельстила,Закон преступила, Богу согрubiла,Ум свой погрузила во тьму кромешнюю,Весь род наш отгнала от раю святого.Адам вопияше к Богу со слезами:- Увы мне, грешному, увы незаконному!- Уже аз не слышу архангельскаго гласа,- Ничто же вкушаю от райския пищи!Адам вопияше к Богу со слезами:- О Боже милосердный, помилуй нас, грешных!Что проговорит Евва, Адаму глаголет:- Адамий, Адамий, ты мой господине!- Не велел нам Бог жити во прекрасном раю,- Ничто же вкушаю от райской пищи,- Сослал нас Господь на трудную землю,- Нам хлеба снeдати от потного лица,- Нам правдою жити и зла не творити.

Стих о Вознесении

А после Христова Воскресенья,На шестой недели Вознесенья,Возносья Христос Бог Царь Небесный,А вознесся Господь на небеса.Заплакала меньшая братья:- Милостив Владыка, Царь Небесный,- Куды нас, убогих, оставляешь,- На кого нас, убогих, покидаешь?Проречет Господь Царь Небесный:- Не плачьте, меньшая моя братья,- Оставлю вам гору золотую,- Оставлю вам реку медвяную;- Можете-ль златой горой владати,- Медвяной рекой разливати,- Между собой разделяти?Этая меньшая братьяМежду собой совет произлагали:Златою горою не владати,Медвяной рекой не разливати,Между собой не разделяти, —Отоймут князья и

бояра. Иоанну Богослову доносили:— Ай же ты, Иоанн Богослове,— Донеси-тко к Господу к Иисусу— Об нас-то, об меньшей братьи:— Златой нам горою не владати,— Медвяной рекой не разливати,— Между собой не разделяти. Этот Иоанн Богослове Доносит он к Господу Иисусу:— Милостив Владыко, Царь Небесный,— Благослови слово заговорити,— За меньшую братью заступити!— Не оставляй Ты им гор золотых,— Не оставляй рек медвяных:— Златою горой им не владати,— Медвяной рекой не разливати,— Между собой не разделяти, —Отоймут князья и бояра, — Помрет твоя меньшая братья— Голодною смертью и холодной.— Оставь-ка Христове им слово,— Оставь-ко их по миру ходити,— А Господа Христа вспоминати,— Имя святое нарекати:— Кто их приоденет, приобует,— А инный милостинку подашь,— Инной темной ночью спасет,— На путь на дорогу провожает, Все для-ради имени Христова,— И для-ради душевного спасенья. И проречет Господь Бог, Царь Небесный:— Ай же, Иоанн Богослове,— Дарую уста тоби золотыи За твои за речи за умильни*.

* Для полноты хочется привести еще одно известное мне окончание этого стиха. Вместо последних трех строк — следующие:

«Ты Иван да Богословец! Ты Иван да Златоустый! Ты умел слово сказати, Умел слово рассудити. Пусть твои уста да золотые, Пусть тебе в году праздники частые».

(Примеч. А. Копировского.)

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Советуем прочитать

Информация

Детские лагеря: Опыт духовно-воспитательной работы в русских православных лагерях за границей. М.: МВПХШ, 1995. 61 с.

Житие оптинского старца Нектария. Введенская Оптина Пустынь, 1996. 320 с.

В.В. Зеньковский. Психология детства. М.: Academia, 1996. 348 с.

Палестинский патерик. Житие преп. Саввы Освященного: Репринт. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. 272 с.

Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления. Спб.: Глаголь, 1995. 280 с.

В.С. Соловьев. Оправдание добра. М.: Республика, 1996. 480 с.

Василий (Кривошеин), архиеп. Преподобный Симеон Новый Богослов. Н. Новгород: Братство св. Александра Невского, 1996. 443 с.

Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви. 1917–1918: В 10-ти томах: Репринт. М.: Новоспасский монастырь, 1996. Т. 5. 408 с.; Т. 6. 428 с.

Иринеи Лионский, св. Творения: [Против ересей]: Репринт. М.: Паломник; Благовест, 1996. 640 с.

А. Левитин-Краснов, В. Шавров. Очерки по истории церковной смуты. М.: Кюснахт: Крутицкое подворье, G2W, 1996. 670 с.

- Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. 1448-1589: Репринт. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. 591 с.
- Ориген. Против Цельса. М.: Центр апостола Павла, 1996. 365 с.
- Н.Е. Пестов. Современная практика православного благочестия. Кн. 4. Спб.: Сатисъ, 1996. 254 с.
- Филарет (Дроздов) митр., св. Десять слов о кресте и глаголы жизни вечной: Репринт. М.: Храм Преображения Господня, 1995. 167 с.
- Флавий Иосиф. Иудейские древности: В 2-х томах. М.: Крон-Пресс, 1996. 862 с.
- Митр. Сурожский Антоний. Беседы о молитве. СПб., Сатисъ, 1996, 143 с.
- Библейская энциклопедия / Пер. М.: Российское Библейское об-во. 1996, 352 с. Митр. Вениамин (Федченков). Молитва Господня: Из творений. М., Псково-Печерский монастырь, 1996, 224 с.
- В.В. Зеньковский. Психология детства. М.: Школа-Пресс. 1995, 334 с
- В. Ильин. Преподобный Серафим Саровский: Репринт. М.: Международный центр Рерихов; БИСАН-ОАЗИС, 1996. 208 с.
- Иоанн Мосх. Луг духовный: Репринт. М., Свелячок. 1996. 282 с.
- Архиеп. Иоанн (Шаховской). Философия православного пастырства. СПб.: Русск. Христианский гуманитарный ин-т, 1996. 494 с.
- Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря: Репринт. М.: Московский Богород.-Рождественский женский монастырь, 1996, 852 с.
- Архим. Сергей (Соколов). Священное писание Ветхого Завета: Уч. пособие для 3-го класса МДС: Ч. 1,2 . Сергиев Посад, 1995-1996.
- Блаж. Феодорит Кирский. История боголюбцев... М., 1995, 235 с.
- Митр. Сурожский Антоний. Воскресные проповеди. Мн.: Св. Духов собор, 1996. 161 с.
- С.С. Бычков. Хроника нераскрытого убийства (о расследовании убийства о. Александра Меня). М., 1996, 255 с.
- Св. Димитрий Ростовский. [Сочинения: в 2-х кн.]: Кн. 1. Об образе и подобию Божию. Кн. 2. О кресте. М., 1996.
- Монахиня Иулиания (Соколова). Труд иконописца. Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1995, 224 с. Свящ. Георгий Кочетков. Беседы по христианской этике. Вып. <st1:metricconverter w:st="on" ProductID="2. М">2. М</st1:metricconverter>.: МВПХШ, 1995, 55 с.
- Невидимая брань. М.: Московский Богород.-Рождественский женский монастырь; Правило веры, 1996, 444 с.
- Св. Феофан Затворник. Письма о духовной жизни. Уроки из деяний и словес Спасителя: Репринт. М.: Московский Богород.-Рождественский женский монастырь; Правило веры, 1996, 350 с.

С.И. Фудель. Записки о Литургии и Церкви. М.: Св.-Тих. ин-т, 1996, 114 с.

Наш индекс в каталоге агентства «Роспечать» — 72065. Подписная цена на II полугодие — 13 500. Журнал выходит 1 раз в 2 месяца